

РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ГВАРДИИ

К 85-летию создания первых советских гвардейских воинских частей

Советская гвардия родилась в боях на центральном (московском) направлении в ходе Смоленского сражения Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Войска Красной армии несли большие потери, противник продвигался на восток. Но мужество и героизм советских воинов спутали фашистам все планы. В это время советское Верховное главное командование решило возродить одну из славных русских воинских традиций...

30 августа 1941 года началась Ельнинская наступательная операция. В ходе неё войска Красной армии освободили город Ельню и ликвидировали выступ, угрожавший Западному и Резервному фронтам. В этих боях родилась советская гвардия. Приказом наркома обороны СССР № 308 от 18 сентября 1941 года четыре стрелковые дивизии, принимавшие участие в сражении, — 100-я (командир — генерал-майор И.Н. Руссиянов), 127-я (полковник А.З. Акименко), 153-я (полковник Н.А. Гаген) и 161-я (полковник П.Ф. Москвитин) — были переименованы соответственно в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии.

Любопытно, что в июле 1941 года в составе Ленинградской армии народного ополчения были сформированы четыре гвардейские Ленинградские стрелковые дивизии народного ополчения. Это звание они получили по аналогии с Красной гвардией времён революции и Гражданской войны. Народное ополчение сражалось на подступах к Ленинграду. В сентябре эти гвардейские дивизии были преобразованы в стрелковые.

В это же время началось формирование восьми полков реактивной артиллерии, вооружённых БМ-8 и БМ-13, которую стали называть «гвардейской». Гвардейские миномётные части (ГМЧ) выделялись из состава Главного артиллерийского управления. Командующим ГМЧ был назначен военинженер 1 ранга В.В. Аборенков, ставший вскоре заместителем народного комиссара обороны СССР.

В дальнейшем гвардейское звание присваивалось воинским частям, кораблям, соединениям и объединениям советских Вооружённых сил, которые отличались в боях. Воинскому формированию вручалось гвардейское знамя, личному составу — гвардейский нагрудный знак.

Знаки гвардейской доблести были учреждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 мая 1942 года.

В 1941 году в составе гвардии было девять стрелковых дивизий, три кавалерийских корпуса, танковая бригада, ряд частей реактивной артиллерии и шесть авиационных полков.

Российский нагрудный знак «Гвардия»

Первой гвардейской танковой бригадой в составе Красной армии в ноябре 1941 года стала 4-я танковая бригада генерал-майора танковых войск М.Е. Катукова, которая отличилась в боях под Орлом и Мценском и стала называться 1-й гвардейской танковой бригадой.

В 1942 году гвардейские части были созданы на флоте, в артиллерии, в составе Войск противовоздушной обороны страны.

В конце войны советская гвардия включала свыше 4500 частей, кораблей, соединений и объединений, в т.ч. 11 общевойсковых и 6 танковых армий, одну конно-механизированную группу, 40 стрелковых, 7 кавалерийских, 12 танковых, 9 механизированных и 14 авиационных корпусов, 117 стрелковых, 9 воздушно-десантных, 17 кавалерийских, 6 артилле-

рийских, 53 авиационные и 6 зенитных артиллерийских дивизий, 7 дивизий реактивной артиллерии и т.д.

Традиции прославленной русской и советской гвардии были сохранены и развиты в новых исторических условиях существования Вооружённых сил РФ — правопреемнике Вооружённых сил СССР. В 1990-е годы при создании ВС РФ был подтверждён статус гвардейских частей (соединений, кораблей).

В процессе оптимизации организационно-штатной структуры Вооружённых сил в России прилагались усилия по сохранению за реформировавшимися частями, соединениями, объединениями их наград и почётных наименований, в т.ч. почётного наименования «гвардейский». Например, 1 декабря 1997 года 45-я гвардейская мотострелковая дивизия была преобразована в 138-ю гвардейскую отдельную мотострелковую Красносельскую ордена Ленина Краснознамённую бригаду, унаследовавшую все ордена, почётные наименования и исторический формуляр соединения.

Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина № 2032 от 22 декабря 2000 года в связи с 300-летним юбилеем российской гвардии и в целях возрождения и развития отечественных воинских традиций, повышения престижа военной службы в качестве памятного дня был установлен День российской гвардии, который отмечается ежегодно 2 сентября. Ныне эта дата символизирует преемственность истории и славы российских гвардейских частей.

В настоящее время в составе Вооружённых сил Российской Федерации находится более 260 воинских формирований, имеющих гвардейское почётное наименование, из них более 150 стали гвардейскими в ходе Специальной военной операции.

Публикация Н.Л. Крыловой

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

9/2026

ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

ОТСТОИМ МОСКВУ!

Военно-исторический журнал 2026 9 сентябрь

«ЭТО БЫЛА НАША ПЕРВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОБЕДА НАД ВЕРМАХТОМ...»

К 85-летию начала Битвы под Москвой

К концу сентября 1941 года немецкие войска захватили ряд территорий Советского Союза: Молдавию, Прибалтику, Белоруссию, часть Украины, блокировали Ленинград и вышли на дальние подступы к Москве. Взятие советской столицы должно было стать итогом фашистского блицкрига.

Фашисты планировали главными силами группы армий «Центр», которые состояли из сотен тысяч немецких солдат и офицеров, нанести мощные удары из районов Духовщины, Рославля и Шотки, чтобы рассечь прикрывавшие Москву войска Западного, Резервного и Брянского фронтов и окружить их основные силы. Затем гитлеровцы были намерены обойти столицу с севера и юга и взять её в «клещи». Это, по мнению германского руководства, обеспечило бы Третьему рейху быструю победу в войне.

30 сентября 1941 года началась операция «Тайфун» — наступление вермахта на столицу СССР. Немецко-фашистские войска ударили по частям Красной армии на брянском направлении, а 2 октября на вяземском. Советские армии Западного и Резервного фронтов были окружены. Однако, даже попав в «котёл», части Красной армии продолжали сражаться, сковав больше двух десятков немецких дивизий.

Несмотря на героизм советских воинов, противник прорвал оборону и продолжил наступление на Москву.

В условиях возраставшей опасности 10 октября войска Западного и Резервного фронтов были объединены в один — Западный. Командующим был назначен генерал армии Г.К. Жуков.

13 октября фашисты захватили Калугу, 15 октября — Калинин, 18 октября — Малоярославец. На случай экстренной ситуации планировалось эвакуировать правительство страны из Москвы в Куйбышев (сегодня — Самара). Жуков вёл активную оборону, изматывая силы фашистов, темп их наступления начинал падать. Западный фронт получил долгожданные резервы: новые стрелковые дивизии, танковые бригады, артиллерийские полки. Готовились к переброске к Москве силы с других направлений, в т.ч. с Дальнего Востока.

В тяжелейший момент, когда линия фронта проходила совсем рядом со столицей, в Москве 7 ноября прошёл военный парад в честь 24-й годовщины Октябрьской революции. Это решение И.В. Сталина имело огромное значение, как внутриполитическое, так и международное. Парад укрепил моральный дух народа и армии, продемонстрировал всему миру — Советский Союз непреклонен в своей борьбе против фашизма.

Решающая стадия Битвы под Москвой выпала на ноябрь. Немецкие войска наступали севернее и южнее столицы. Под командованием Г.К. Жукова советские войска в октябре и ноябре 1941 года провели ряд успешных оборонительных операций в районах Волоколамска, Можайска, Малоярославца, Вязьмы и Тулы. Темпы наступления вермахта упали в 12—15 раз по сравнению с началом операции «Тайфун». Красной армии удалось остановить продвижение немецких войск в 25 км от окраин Москвы. Г.К. Жуков уловил их кризисное состояние и определил лучший момент для перехода от обороны к наступлению — противник не успел закрепиться на занятых рубежах и перегруппироваться.

С 27 ноября по 3 декабря войска Калининского и Западного фронтов нанесли удары в районах Калининна, Яхромы, Красной Поляны, Звенигорода, Наро-Фоминска, Тулы и Каширы. С Дальнего Востока и Сибири по Транссибирской магистрали перебрасывались свежие дивизии.

5 декабря войска Калининского фронта под командованием генерал-полковника И.С. Конева перешли в контрнаступление. 6 декабря к ним присоединились силы Западного и Юго-Западного фронтов. К концу первой недели декабря контрнаступление Красной армии развернулось на калининском, клинском, солнечногорском, истринском, тульском и елецком направлениях. Были освобождены Калинин, Клин, Истра, Волоколамск и другие подмосковные города.

Уже 8 января 1942 года контрнаступление переросло в общее наступление. Началась Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция Калининского и Западного фронтов, завершившаяся 20 апреля 1942 года разгромом немецкой группы армий «Центр». В итоге противник был отброшен от столицы СССР на 100—250 км.

По числу людских потерь Московская битва стала одним из наиболее кровопролитных сражений войны. Общие потери Красной армии за период оборонительного и наступательного этапов составили: безвозвратные — 936 644 человека, санитарные — 898 689 человек. Немецкие потери за весь период битвы составили не менее 1 млн 130 тыс. человек.

Оценивая значение этого знаменательного сражения, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков отметил: «Красная армия в битве под Москвой впервые за шесть месяцев войны нанесла крупнейшее поражение главной группировке гитлеровских войск. Это была наша первая стратегическая победа над вермахтом...»

Публикация Н.Л. Крыловой

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

- Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
- Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
- Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
- Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
- Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
- Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
- Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: mil_hist_magazin@mail.ru или ric_vig_1@mail.ru.
- Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
- Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

- название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
- аннотацию на русском и английском языках (150—200 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы.
- В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;
- ключевые слова на русском и английском языках (15—20 слов);
- рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;
- текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;
- примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;
- сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

- Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 x 297 мм).
- Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
- Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
- Текст набирается с соблюдением следующих правил:
 - поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см;
 - межстрочный интервал — полуторный;
 - абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами);
 - перенос слов — отключён;
 - инициалы между собой пробелами не отделяются;
 - при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-);
 - кавычки типографские, внешние — ёлочки « »», внутренние — лапки “ ”.
- Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
- Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
- Иллюстрации:
 - векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;
 - растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.
- Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;
- все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисуночные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки: 119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12 E-mail: ric_vig_1@mail.ru Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить: по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;	- Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя; - интернет-каталогу «Пресса России», индекс ЭЗ9887 для подписчиков всех регионов; - интернет-каталогам агентств на сайтах: www.podpiska.pochta.ru www.akc.ru www.ppressa-rr.ru;	заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью. Сдано в набор 19.05.2026 Подписано к печати 19.06.2026 Формат 60x84/8. Тираж экз. 0000 Зак. № 3526-2026 Регистрац. № 01978 от 30.12.1992
Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38 Тел.: (495) 941-23-80 E-mail: ricmorf@yandex.ru	Отдел рекламы (495) 941-28-46 E-mail: reklama@kornnet.ru Отпечатано в АО «Красная Звезда» 117342, г. Москва, Севастопольский проспект, д. 56/40 Цена свободная © «Военно-исторический журнал», 2026	Отдел распространения периодической печати (495) 941-39-52 E-mail: kr_zvezda@mail.ru, Web-сервер: http://www.redstarprint.ru Секретариат (495) 191-15-51

РЕДАКЦИЯ
Главный редактор
ЧАЧУХ

Игорь Мадинович,
заслуженный
журналист РФ,
полковник запаса

Заместитель
главного редактора

КИКНАДЗЕ

Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАРАН,
полковник запаса

Научные редакторы

П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;

Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат
исторических наук;

В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник в отставке;

Н.Л. КРЫЛОВА;

А.Л. КУРСОВА;

С.В. МАНИУКОВ,
полковник в отставке;

А.Н. ОВЧИННИКОВ,
подполковник в отставке;

А.В. ПЕТРОЧНИН;

А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;

О.А. ТВИРОВА

Ответственный
секретарь

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

А.А. ЛАНЦОВА

(заместитель
ответственного секретаря);

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

А.М. ПЕТРОВ,

полковник в отставке;

Е.Б. ШМИДТ

Заведующий редакцией

Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод

А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка

Е.Н. ПЛЕТНЁВА

Обложка номера

И.В. НИКОЛАЕВ

капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера
использован плакат художников
Н.Н. Жукова и В.С. Климашина
«Отстоим Москву!»

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
УЧРЕДИТЕЛЬ:
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ЖУРНАЛ

сентябрь

№ 9 (797)

2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, ret.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук, профессор (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАРАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — Colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивного управления Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival department of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — советник директора Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

Yu.A. PETROV — Advisor to the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

«Военно-исторический журнал» включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science; Белый список и Единый государственный перечень научных изданий

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
2-я стр. обл.	«Это была наша первая стратегическая победа над вермахтом...». К 85-летию начала Битвы под Москвой (Публикация Н.Л. Крыловой)
АРМИЯ И ОБЩЕСТВО	
4	А.В. РЫКОВ — «Широко развернуть политическую работу среди демобилизованных офицеров и бойцов...». Социальная адаптация ветеранов Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края и Новосибирской области, 1945—1946 гг.)
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	
14	А.Ю. ЛАШКОВ, У.К. АЛАЙЧИЕВ — «Мы все — твои бойцы-богатыри, все наши силы, Родина, бери!». Формирование киргизских кавалерийских дивизий в 1941—1942 гг.
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ	
28	В.П. СТРЕНЬКОВ — «Местность на участке Сталинградского фронта крайне невыгодна для наступления наших войск...». Анализ географических элементов оценки района боевых действий при планировании и ведении операций в ходе Сталинградской битвы 1942—1943 гг.
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ	
42	М.П. ДУДКИНА — «...Отлично сработали медики!». Организация эвакуации раненых в годы Великой Отечественной войны
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	
50	В.В. ИНКИН, В.В. АНТОНОВА, Ю.В. РУДЕНКО — «...Не осталось ничего, кроме голода и тифа». Британская интервенция против Советской России (1918—1920): сравнительный анализ поводов вмешательства и причин провала
ЭКОНОМИКА И ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ	
60	М.Ю. СЕРГОМАСОВ — «Увеличить выпуск... 37-мм зенитных автоматических пушек — в шесть раз». Производство зенитных орудий на заводе имени К.Е. Ворошилова (1939—1941 гг.)
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	
66	И.М. ДУГИН, А.Е. ТЕРЕНИН — «Жизнь — Родине, честь — никому!». Особенности нравственного воспитания в кадетских корпусах и военных гимназиях императорской России
ГЕРОИ И ПОДВИГИ	
76	О.Н. КВАСОВ — «Самое лучшее предназначение есть защищать свое Отечество». Типология военного героизма (на примерах Великой Отечественной войны и современных военных конфликтов)
НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ	
82	В.О. ЗВЕРЕВ — «Все лица, оказывавшие содействие неприятельским войскам на нашей территории, должны быть разоблачены». Полиция Варшавского генерал-губернаторства Российской империи в борьбе с разведкой противника в ходе Первой мировой войны (1914—1916 гг.)
ВОЕННОПЛЕННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ	
88	Н.П. ТАНЫШИНА — «...Единственная истинная вещь — это благо, сделанное для других. Это защищает нас от происходящего зла». Деятельность А.Н. Демидова по оказанию помощи русским военнопленным в Великобритании в годы Крымской войны 1853—1856 гг.
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	
98	А.Д. РЕЗАНОВ — «Избрать из чиновников, известных отличною службою, расторопностью, усердием и особенно хорошою нравственностью...». Начальники 1-го (Санкт-Петербургского) округа Корпуса жандармов (1827—1867 гг.)
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ	
108	Д.С. ТКАЧЕНКО — «Храбрость русских и терпение в трудах навели страх всей Персии...». Русско-персидская война 1826—1828 гг. в записках её участника
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
4-я стр. обл.	Рождение советской гвардии. К 85-летию создания первых советских гвардейских воинских частей (Публикация Н.Л. Крыловой)

CONTENTS

MEMORABLE DATES	
«This was our first strategic victory over the Wehrmacht...». On the 85th anniversary of the Battle of Moscow (Publication by N. L. Krylova)	p. 2 of the cover
ARMY AND SOCIETY	
A.V. RYKOV — «We must launch political work among the demobilized soldiers and officers...». Social adaptation of veterans of the Great Patriotic War (using the example of the Altai Territory and Novosibirsk Region, 1945–1946)	4
GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945	
A.Yu. LASHKOV, U.K. ALAICHIYEV — «We are all your brave fighters. Take all our strength, Motherland!». Formation of the Kyrgyz cavalry divisions in 1941–1942	14
POINTS OF VIEW. JUDGMENTS. VERSIONS	
V.P. STRENKOV — «The terrain on the Stalingrad front was extremely challenging for the advance of our troops». Analysis of geographical elements in the combat area assessment during the planning and conduct of operations during the Battle of Stalingrad in 1942–1943	28
HISTORY OF MILITARY MEDICINE	
M.P. DUDKINA — «The medics did a great job!» Organizing the evacuation of the wounded during the Great Patriotic War	42
CIVIL WAR	
V.V. INKIN, V.V. ANTONOVA, Yu.V. RUDENKO — «...Nothing remained but famine and typhus». The British intervention in Soviet Russia (1918–1920): a comparative analysis of the reasons for the intervention and its failure	50
ECONOMY AND ARMED FORCES	
M.Yu. SERGOMASOV — «It is necessary to increase the production... of 37-millimeter anti-aircraft automatic cannons by six times». Production of anti-air weapons at the K.Ye. Voroshilov factory (1939–1941)	60
MILITARY TRAINING AND EDUCATION	
I.M. DUGIN, A.Ye. TERENIN — «Life for the Motherland, honor for none!» The features of moral education in cadet corps and military schools in Imperial Russia	66
HEROES AND FEATS	
O.N. KVASOV — «The ultimate purpose is to protect one’s homeland». A typology of military heroism (based on examples from the Great Patriotic War and modern military conflicts)	76
UNKNOWN FACTS FROM THE LIFE OF SPECIAL SERVICES	
V.O. ZVEREV — «All persons who assisted enemy troops in our territory must be identified». The police of the Warsaw Governorate of the Russian Empire in the fight against enemy intelligence during the First World War (1914–1916)	82
PRISONERS OF WAR: PROBLEMS AND SOLUTIONS	
N.P. TANSHINA — «...The only true good is that which is done for others. This protects us from the evil that is happening». A.N. Demidov’s efforts to provide assistance to Russian prisoners of war in Great Britain during the Crimean War of 1853–1856	88
MILITARY CHRONICLE OF HOMELAND	
A.D. REZANOV — «It is necessary to select officials known for their excellent service, efficiency, diligence, and especially good moral character...». Chiefs of the 1st (St. Petersburg) District of the Gendarmerie Corps (1827–1867)	98
FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS	
D.S. TKACHENKO — «The bravery and patience of the Russians in their work brought fear to everyone in Persia...». A participant’s account of the Russo-Persian War of 1826–1828	108
MEMORABLE DATES	
The Birth of the Soviet Guard. On the 85th Anniversary of the Creation of the First Soviet Guards Military Units (Published by N.L. Krylova)	p. 4 of the cover

«ШИРОКО РАЗВЕРНУТЬ ПОЛИТИЧЕСКУЮ РАБОТУ СРЕДИ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ ОФИЦЕРОВ И БОЙЦОВ...»

Социальная адаптация ветеранов Великой Отечественной войны
(на примере Алтайского края и Новосибирской области, 1945—1946 гг.)

Сведения об авторе. Рыков Алексей Викторович — доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук (г. Барнаул. E-mail: avrykov@bk.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу основных аспектов политической работы с демобилизованными военными, призванными из Алтайского края и Новосибирской области, в течение первого послевоенного года. Автором делается акцент на рассмотрении организации встреч демобилизованных, проведения среди них информационно-пропагандистской работы, трудоустройства и вовлечения в трудовую и общественную деятельность на местах. Основой для анализа стали материалы Российского государственного архива социально-политической истории, а также региональных архивов рассматриваемых территорий. Автор приходит к выводу, что организация работы с демобилизованными была в целом налажена: встречи фронтовиков, их трудоустройство, вовлечение в общественно-политическую жизнь и пропаганда через печать способствовали успешной адаптации большинства ветеранов к мирной жизни. Хотя возникали отдельные сложности (проблемы взаимодействия ведомств, личные запросы бывших военнослужащих и т.д.). Особое внимание уделялось демобилизованным коммунистам, которые стали опорой партии в трудовых коллективах. Таким образом, политическая работа играла важную, но не универсальную роль в послевоенной адаптации.

Ключевые слова: политическая работа; демобилизация; третья волна мобилизации; социальная адаптация ветеранов СВО; организация встреч демобилизованных воинов; приёмные пункты демобилизованных военнослужащих — участников войны; трудовая адаптация ветеранов; обеспечение демобилизованных периодической печатью; социальная адаптация; Вооружённые силы СССР; Алтайский край; Новосибирская область; Н.И. Беляев; И.В. Выдрин.

В советский период изучению вопросов политической работы с военнослужащими уделялось большое внимание, по данной проблеме было написано значительное количество обобщающих работ¹. В современной российской историографии появляется множество исследований, посвящённых преимущественно психологической и социальной адаптации бывших военнослужащих после локальных конфликтов или проведения реформ в армии². При этом вопросы политической работы вследствие отхода от прежней, советской, идеологии в них перестают рассматриваться. Определяющими для изучения социальной адаптации вете-

ранов работами представляются труды Е.Ю. Зубковой³ и Е.С. Сенявской⁴. Значительная часть современной историографии сводится к характеристике различных аспектов адаптации демобилизованных, которые рассматриваются на региональном уровне⁵. В целом практика политической работы с демобилизованными после завершения Великой Отечественной войны крайне редко становится отдельным предметом исследования. Поэтому рассмотрение политической работы среди бывших фронтовиков как одного из факторов, оказавших непосредственное влияние на их адаптацию в послевоенный период, является актуальной проблемой.

Источниковой базой данного исследования стали материалы Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Новосибирской области и Государственного архива Алтайского края. Привлечение

источников из данных архивов позволило комплексно рассмотреть основы политической работы среди демобилизованных на примере указанных регионов Западной Сибири.

Одной из важных составляющих адаптации демобилизованных воинов в Советском государстве являлась грамотная организация среди них политической работы. Её необходимость была обусловлена несколькими факторами.

Прежде всего большое значение данной работы было связано с необходимостью встраивания возвращавшихся с войны ветеранов в социальную среду тыловых регионов, от которой они были оторваны длительное время. Причём была необходимость не только в освещении жизни тыла во время боевых действий, но и в пояснении текущей ситуации в стране. Особенно это было важно в контексте первого послевоенного года, когда в стране были значительные затруднения с обеспечением продовольствием и промышленными товарами. Так, в закрытом письме руководитель Алтайского крайкома партии Н.И. Беляев подчёркивал, что при проведении политической работы среди демобилизованных необходимо «разъяснять им временный характер переживаемых трудностей в колхозах края, вызванных засухой и неурожаем»⁶. Также важно было учитывать, что организация работы с вернувшимися кадрами требовала гораздо больше усилий от руководства региона.

Кроме того, важность политической работы подчёркивалась потребностью государства в вовлечении ветеранов в послевоенную трудовую и общественную деятельность. В этой связи получение необходимых установок способствовало органичному вливанию ветеранов в жизнь тыловых регионов.

Главные установки по организации политической работы среди демобилизованных были прописаны в постановлении се-

кретариата ЦК ВКП(б) от 27 мая 1946 года «О политической работе среди демобилизуемых из Вооружённых сил Союза ССР»⁷. Согласно документу Центральный комитет обязывал партийные, советские и профсоюзные организации «широко развернуть политическую работу среди демобилизованных офицеров и бойцов, оказывать им действенную помощь в удовлетворении их материально-бытовых нужд, заботиться об их трудовом устройстве». Особые задачи ставились в связи с проведением демобилизации третьей очереди личного состава Вооружённых сил СССР, в которую входили военнослужащие шести возрастов, родившиеся в 1916—1921 гг.⁸

Для выполнения данных установок обкомы, крайкомы ВКП(б), ЦК компартий союзных республик и исполкомы

материалов «о встрече трудящихся с демобилизованными бойцами и офицерами, об их трудоустройстве и об участии вернувшихся воинов Красной Армии в работе на предприятиях, в учреждениях и колхозах»⁹.

Отдельно в постановлении устанавливалось, что для организации информирования ветеранов по месту их постоянного жительства для индивидуальной подписки необходимо выделить 100 тыс. экз. газеты «Правда», «Известия» — 50 тыс. экз., «Комсомольская правда» — 25 тыс. экз. Кроме того, обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик для этой же цели предлагалось выделить необходимое количество местных газет¹⁰.

Важный акцент в постановлении делался на работе с членами партии из числа ветеранов. Райкомы, горкомы, обкомы

Как результат — выход на то, чтобы недавние фронтовики «стали на заводах и фабриках, в учреждениях, в совхозах и колхозах передовиками производственной и общественно-политической работы»

Советов депутатов трудящихся должны были организовать свою работу по трём основным направлениям. Во-первых, это подготовка (оборудование приёмных пунктов) «на всех железнодорожных узлах и станциях, морских и речных портах встреч трудящимися демобилизованных воинов». Во-вторых, это вовлечение бывших солдат и офицеров «в активную общественно-политическую и производственную жизнь» и как результат — выход на то, чтобы недавние фронтовики «стали на заводах и фабриках, в учреждениях, в совхозах и колхозах передовиками производственной и общественно-политической работы». В-третьих, это усиление пропагандистской работы в рамках размещения в республиканских, краевых, областных и районных газетах

и крайкомы ВКП(б) обязывались немедленно брать на партийный учёт прибывавших на места членов и кандидатов ВКП(б), демобилизованных из армии, а также привлекать их к активной работе в партийных организациях¹¹.

В данной статье мы рассмотрим практическую реализацию трёх основных направлений политической работы среди демобилизованных военнослужащих.

Первым направлением деятельности уполномоченных органов согласно постановлению должна была стать **организация встреч трудящимися демобилизованных воинов**. Следует отметить, что данный документ предварял встречи уже третьей волны демобилизованных (1916—1921 г.р.). Поэтому во многих аспектах

А.Л. Гноев, кавалер ордена Отечественной войны 2-й степени, демобилизованный из Красной армии, сопровождавший «Красный обоз» с зерном из колхоза «Сибмеринос» до заготовительного пункта
Алтайский край, Рубцовский район, 1945 г.
Фотограф Хейфец
РГАКФД. Арх. № 0-83337 ч/6

Демобилизация воинов 80-й гвардейской дивизии
г. Вена, 1945 г.
Алтайский государственный краеведческий музей. АГКМ ОФ 13257/2.

Билет отпусковой по демобилизации М.Е. Смирнова (заверенная копия)
3 августа 1945 г.
Алтайский государственный краеведческий музей. АГКМ ОФ 16237/5.

механизм организации их проведения в регионах был отработан. Согласно докладной записке о выполнении указанного постановления, составленной секретарём Алтайского крайкома ВКП(б) Н.И. Беляевым, одним из передовых районов региона в плане организации встреч демобилизованных являлся Шипуновский. Здесь постановление ЦК ВКП(б) и решение бюро крайкома партии о политической работе с демобилизованными обсуждалось на заседании бюро райкома, по результатам которого были утверждены мероприятия массово-политической работы с демобилизованными третьей очереди. При приёмоотправочном пункте организован красный уголок. Выделены агитаторы из числа партийно-советского актива, которые проводили читки, беседы и политические доклады для демобилизованных на темы о пятилетнем плане, о международном положении и др. Подчёркивалась бесперебойная работа стола справок, где дежурили руководящие районные работники¹².

Аналогичная работа проводилась и в других районах и городах края. Для встречи демобилизованных воинов на всех железнодорожных станциях и речных пристанях, в городах и районах были оборудованы приёмные пункты. На крупных железнодорожных станциях и пристанях (Барнаул, Бийск, Камень-на-Оби, Славгород, Рубцовск, Алейск) круглосуточно дежурили представители районных и городских партийных и советских организаций для встречи и отправки к месту жительства каждого демобилизованного. Под приёмные пункты в городах Барнауле, Бийске, Славгороде и многих районах были выделены лучшие помещения, где имелись наглядная агитация, газеты, литература, радио. В Барнауле и Бийске работу пунктов организовали таким образом, что каждый демобилизованный мог на месте получить паспорт,

продовольственные карточки, встать на воинский учёт и при желании сразу же устроиться на работу¹³.

Аналогичная работа проводилась и в Новосибирской области. Согласно справке секретаря Новосибирского горкома партии Чернышёва в городе встречи демобилизованных осуществляли представители райисполкомов, райкомов ВКП(б) и райвоенкоматов. С этой целью было установлено круглосуточное дежурство в военкоматах с транспортом от предприятий. Организованы три встречи эшелонов демобилизованных с представителями городской власти и рабочими делегациями. Для прибывавших на вокзале готовились горячие обеды, открывались киоски Военторга, Особторга и Горторга. В районных пунктах приёма имелись газеты, журналы. Там же с демобилизованными беседовали представители райисполкомов и предприятий по интересовавшим их вопросам (трудоустройство, жильё и др.)¹⁴.

Проблемы со встречами фронтовиков преимущественно носили единичный характер. Чаще всего они были связаны с отсутствием встречающих на станциях и невозможностью оперативно отправить фронтовиков по населённым пунктам внутри районов. Согласно справке контролёра УКПК при ЦК ВКП(б) по Новосибирской области Прудникова в Колыванском районе демобилизованный третьей очереди Н.С. Некрасов прибыл на пристань «Скала» 28 июня 1946 года в 2 ч ночи. Из-за отсутствия помещения для приёма демобилизованных он до утра находился на берегу под открытым небом. Чтобы уехать в село Мало-Черемшанское, где находилась его семья, Некрасов долго искал попутную машину или лошадь. В итоге ему пришлось идти 30 км пешком с вещами¹⁵.

Рассматривая конкретную политическую работу с демобилизованными, следует отметить,

что она преимущественно была направлена на их быстрейшее **трудоустройство и активное участие в общественной и производственной жизни края.**

Основной акцент делался на повышении качества информационно-пропагандистской работы с ветеранами. Местом для разговора могли быть приёмные пункты, избы-читальни, парткабинеты, клубы. Особое внимание уделялось пятилетнему плану восстановления и развития народного хозяйства, а также делался упор на развитие сельского хозяйства и промышленности Алтайского края в годы новой пятилетки. В беседах и докладах говорилось о том, что демобилизованные воины должны проявлять активность в борьбе за её выполнение. Согласно отчёту о работе военного отдела Волчихинского РК ВКП(б) Алтайского края по выполнению указанного постановления отмечалось, что в районе для демобилизованных проводились совещания, беседы при сельских советах

ными воинами, носившие практический характер. На них выступали ветераны, которые рассказывали, как они включились в трудовой процесс, делились опытом достижения своих производственных показателей. По данным отчёта заведующего военным отделом Белоглазовского РК ВКП(б) М. Зыбарева, в райцентре и в сельских Советах созывали демобилизованных для участия в совещаниях. На них делались политические доклады, рассказывалось о подвигах советских людей в тылу, об обстановке в районе в 1945 и первой половине 1946 года, а также о перспективах развития колхозов. Подчёркивалась необходимость активного участия фронтовиков в работе в колхозах. Кроме этого, демобилизованных приглашали на совещания по специальностям с трактористами, комбайнёрами. Это помогло многим приобщиться к практической работе с первых дней прибытия в район¹⁷.

Грамотная партийно-политическая работа во многих

В районных пунктах приёма имелись газеты, журналы. Там же с демобилизованными беседовали представители райисполкомов и предприятий по интересовавшим их вопросам (трудоустройство, жильё и др.)

на темы: «Речь т. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы», «Доклад т. Молотова о 28-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.» и на другие темы, касавшиеся очередных хозяйственных задач¹⁶.

Городскими и районными комитетами ВКП(б) во многих городах и районах Алтайского края и Новосибирской области практиковались специальные совещания с демобилизован-

городах и районах Алтайского края и Новосибирской области стала одной из основ для хороших результатов по трудоустройству демобилизованных. По состоянию на 1 августа 1946 года в Алтайский край прибыли 15 607 демобилизованных третьей очереди, из которых трудоустроились 10 858 человек. Однако оставались ещё 4749 человек, подавляющее большинство из которых — прибывшие во второй половине июля¹⁸. В г. Новосибирске на 1 октября 1946 года из 7508 демобилизованных третьей очереди были трудоустроены 5002 человека, ушли на учёбу — 233, были

из города — 478, не трудоустроились — 1798¹⁹.

Правильное выстраивание взаимодействия между органами власти и демобилизованными давало плоды в виде успешной трудовой адаптации ветеранов не только в общей массе, но и в отдельных конкретных случаях, когда участник войны становился примером для окружающих на своём рабочем месте. Так, в записке секретаря Алтайского крайкома партии отмечался демобилизованный из РККА Герой Советского Союза член ВКП(б) И.В. Выдрин. Работая председателем Крестьянского сельского совета Мамонтовского района, он умело использовал внутренние возможности колхозов и опирался в своей работе на сельский актив. В результате было обеспечено выполнение плана весеннего сева на 104 проц. Кроме того, Выдрин организовал строительство новой школы и принимал энергичные меры по радиофикации села²⁰. По данным секретаря

в Ельцовский район Алтайского края бывших фронтовиков текущей очереди прибыли 70 человек, а трудоустроились только 36. В Залесовский район прибыли 115 человек, а приступили к работе только 50²². В Татарском районе Новосибирской области из прибывших в третьей очереди 371 человека на 15 июля оставались незанятыми 26. Отмечалось, что большинство демобилизованных, числившихся неработающими, выбыли из района без ведома районных организаций в другие города и районы²³.

Основными причинами нетрудоустройства демобилизованных являлись как ещё не истёкший срок отпуска после прибытия, так и слабая политическая и разъяснительная работа. В частности, по данным отчёта военного отдела Косихинского РК ВКП(б) Алтайского края, бывшие фронтовики долгое время не выходили на работу, превышая установленные сроки отпусков. По мнению составителей отчёта, данное

нность колхозов удерживать у себя рабочую силу.

Также частым явлением среди демобилизованных стал уход из колхозов (в одиночку или семьями) для трудоустройства на промышленных предприятиях или в учреждениях. В основном причиной этого был поиск лучших условий труда и жизни. По информации Попелихинского РК ВКП(б) член партии Д.Н. Козырев из колхоза «Новый землероб» в разгар уборочных работ ушёл из колхоза, «проездил более месяца и с повинной вернулся»²⁵.

Ряд демобилизованных для обоснования своего ухода из колхоза стали пользоваться тем, что на селе не было техники, на которой они могли бы работать. Согласно отчёту военного отдела Косихинского РК ВКП(б) Алтайского края были случаи, когда фронтовики приобрели специальность шофёра, при этом до ухода в армию они работали трактористами. По возвращении в колхозы предлагавшаяся им работа трактористами якобы их не устраивала. Они предъявляли требования председателям колхозов, заявляя, что готовы «работать только шофёром, зная, что во многих колхозах района нет машин»²⁶. В Колыванском районе Новосибирской области член ВКП(б) П.К. Меньшиков уволился из рядов Вооружённых сил 22 июня 1946 года и находился в месячном отпуске. Обратился к руководству района, чтобы устроиться на следовательскую работу, на которой он работал до ухода в армию²⁷. Однако вопрос не был решён. В результате Меньшиков не стал возражать, чтобы выехать в другой район...

Отдельно следует отметить случаи, когда демобилизованным не могли предложить работу в соответствии с их состоянием здоровья. Согласно справке о реализации постановления секретариата ЦК ВКП(б) в Татарском районе Новосибирской области в марте 1946 года участник войны Гелитюк прибыл после демобилиза-

Правильное выстраивание взаимодействия между органами власти и демобилизованными давало плоды в виде успешной трудовой адаптации ветеранов не только в общей массе, но и в отдельных конкретных случаях, когда участник войны становился примером для окружающих на своём рабочем месте

Новосибирского горкома ВКП(б) Чернышёва, в г. Новосибирске демобилизованный Иванов, не используя своего месячного отпуска, поступил на работу в Кагановичский РК ВКП(б), активно участвовал в общественной работе²¹.

Однако не везде политическая работа давала положительный результат. Так, в ряде районов Алтайского края и Новосибирской области значительная часть демобилизованных третьей очереди не была трудоустроена. На август 1946 года

явление было вызвано прежде всего недостаточной массовой разъяснительной работой партийных организаций на местах среди демобилизованных. Кроме того, сказывались трудности в колхозном производстве в период весеннего сева и летних полевых работ, связанные с отсутствием продовольственных резервов (хлеба) в колхозах района²⁴. Учитывая оплату по трудодням только в конце года, невозможность авансовой выдачи хлеба в течение весны и лета крайне негативно влияла на способ-

ции в колхоз «Завет Ильича» Старо-Татарского сельсовета. По состоянию здоровья он мог выполнять только работу, не связанную с тяжёлыми физическими нагрузками. Несколько раз ветеран требовал работу у председателя колхоза Котова и председателя сельсовета Рудакова, но на момент проверки её всё ещё не подобрали²⁸.

Важный аспект, на который была направлена политическая работа среди демобилизованных, — способствование их активному участию в общественной и производственной жизни регионов. Главенствующую роль в этом играли коммунисты. Региональные, районные и городские комитеты ВКП(б) вели большую работу по учёту демобилизованных членов партии, а также их привлечению к конкретной общественной работе.

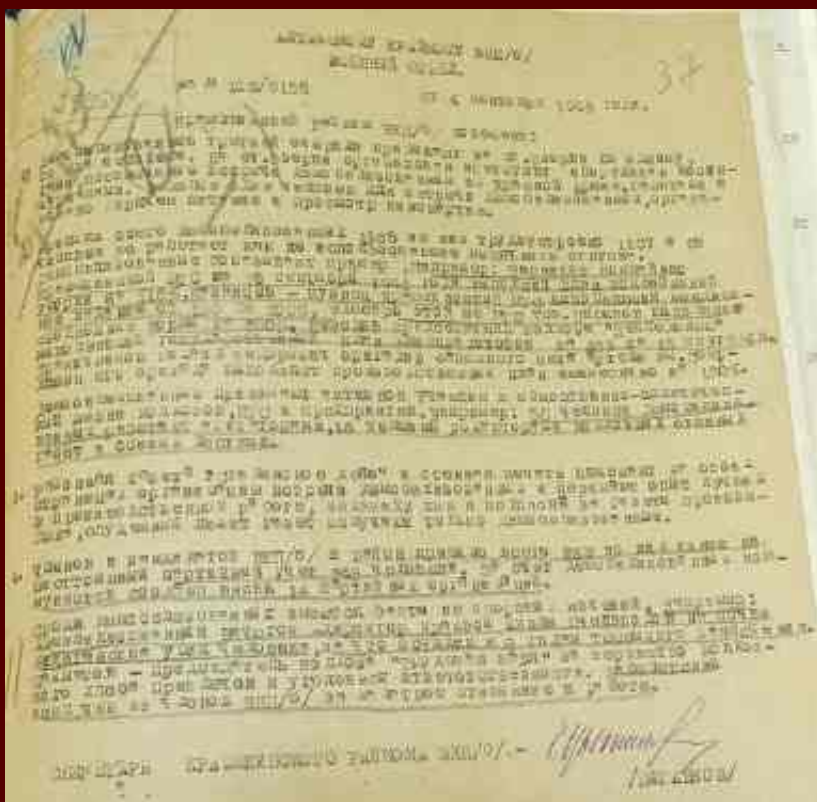
Важным направлением являлся грамотный учёт старых и новых членов партии, которые возвращались после войны. В целом данная работа велась успешно. По данным отчёта секретаря Кагановичского РК ВКП(б) г. Новосибирска Кузьмина, демобилизованные коммунисты по прибытии в район вызывались в райком партии. С ними беседовали секретари РК ВКП(б), ветераны ставились на партучёт, им оказывалась помощь в трудоустройстве. Всего с 1 мая по 10 августа 1946 года были поставлены на учёт 209 человек²⁹. Согласно отчёту Шипуновского РК ВКП(б) Алтайского края всего по демобилизации первой, второй и третьей очередей в район прибыли 318 кандидатов и членов ВКП(б) и 13 комсомольцев. Все коммунисты встали на партийный учёт и были трудоустроены³⁰.

Но не везде на местах ситуация с учётом демобилизованных коммунистов была удовлетворительной. На август 1946 года, по данным горкомов, райкомов партии Алтайского края, из числа демобилизованных коммунистов состояли на временном учёте 3084 человека, на кото-

В группе людей возле комбайна «Сталинец» во втором ряду стоит М.И. Логвиненко, демобилизовавшийся по ранению. Вместе с женой Е.А. Логвиненко (в платке) он работал на комбайне 1945 г.

Районный историко-краеведческий музей имени В.М. Комарова. ВРМ ОФ 2878/1.

Информация секретаря Крайштинского РК ВКП(б) Цыганкова военному отделу Алтайского краевого комитета ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. о выполнении постановления секретариата ЦК ВКП(б) от 27 мая 1946 г. «О политической работе среди демобилизуемых из Вооружённых сил Союза ССР»

Государственный архив Алтайского края. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 259. Л. 37.

рых не были получены учётные карточки³¹. В Колыванском районе Новосибирской области на день проверки из 59 членов и кандидатов партии, прибывших в район по демобилизации третьей очереди, на партийный учёт встали только 43³².

Основные причины недостаточного учёта демобилизованных коммунистов заключались как в недоработках райкомов партии (ставили на учёт только тех ветеранов, которые сами приходили к ним), так и в нежелании некоторых бывших фронтовиков становиться на учёт, т.к. они намеревались переехать в другое место. Так, в докладной записке Чесноковского ГК ВКП(б) отмечалось, что многие демобилизованные «не изъявляют своего намерения работать в Чесноковке, а, напротив, предполагают устраиваться в Барнауле или каком-либо другом месте». При этом райком пробовал «брать на партийный учёт таких товарищей с целью потребовать от них осёдлости и трудоустройства, но из

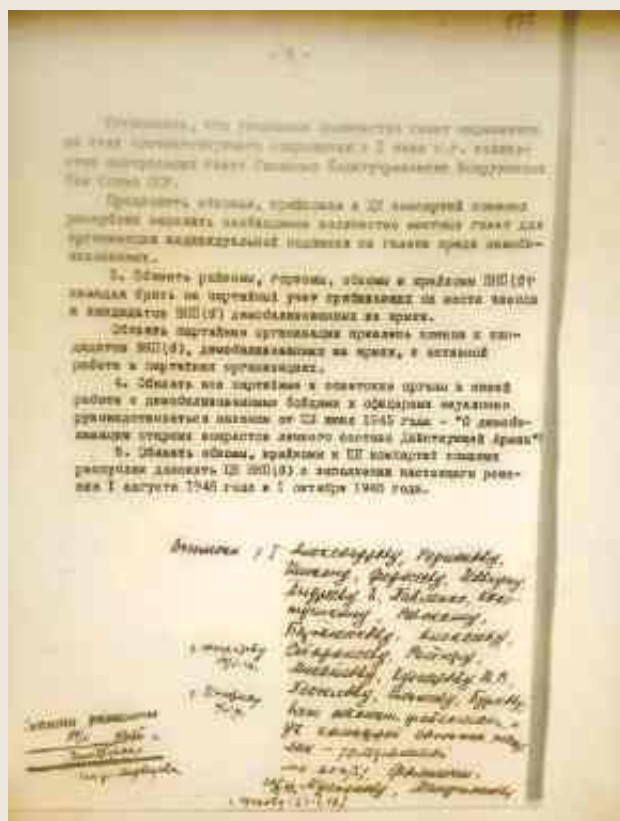
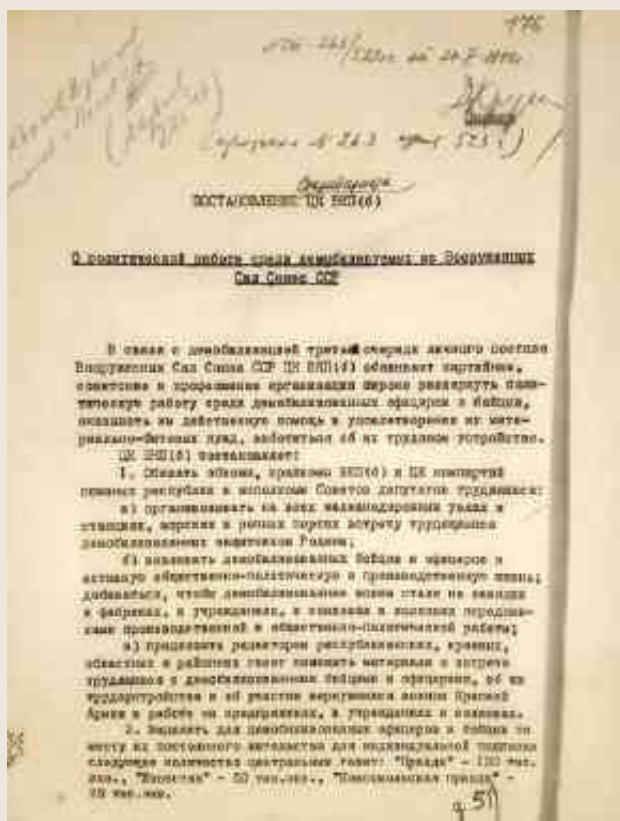
этого ничего не получилось», и в результате такие коммунисты лишь увеличивали число «мёртвых душ» в парторганизации³³.

Кроме того, были и такие фронтовики, которые нарушали партийную дисциплину. В Белоглазовском районе Алтайского края проверка выявила 7 коммунистов, не состоявших на партийном учёте. Например, член ВКП(б) Иван Соколов не состоял на партийном учёте 3 месяца и за 4 месяца не платил членские взносы³⁴.

Ещё одной важной составляющей активной политической работы являлось **обеспечение демобилизованных периодической печатью**. По материалам отчётов крайкомов, райкомов, а также проверок партийными органами выполнения постановления на местах можно сделать однозначный вывод, что все установленные лимиты на подписку были реализованы, но их было недостаточно. Причём это касалось не только центральной прессы,

но и региональных и районных изданий. Из материалов отчёта о работе военного отдела Волчихинского РК ВКП(б) следует, что отпущенный лимит подписки на периодические издания был реализован полностью. В частности, 16 человек выписали центральную газету «Правда», 8 — «Известия», 15 — «Алтайскую правду», 3 — «Комсомольскую правду». Кроме того, 650 человек выписали районную газету «Знамя колхозника»³⁵.

Также в своём постановлении секретариат ЦК ВКП(б) предлагал организовать освещение опыта встреч, трудоустройства и работы демобилизованных в учреждениях и предприятиях. Большинство СМИ публиковали различные статьи на эти темы. По данным Бийского ГК ВКП(б), на страницах местной газеты «Бийский рабочий» освещались встреча первых эшелонов демобилизованных, авангардная роль фронтовиков на производстве, их методы работы и лучшие производственные показатели. Например, 30 мая

Постановление секретариата ЦК ВКП(б) от 27 мая 1946 г. «О политической работе среди демобилизуемых из Вооружённых сил Союза ССР»

РГАСПИ. Ф. 17. Он. 115. Д. 532. Л. 176—177.

1946 года в № 58 в материале под заголовком «Шлифовальщик Карпов» рассказывалось о том, как стахановец завода «Механлит» за короткое время приобрёл специальность токаря, внёс рационализаторское предложение. Это дало возможность повысить производительность в два раза. Сам Карпов своё задание выполнял на 300—350 проц., а иногда и на 500 проц., так что за 3,5 месяца выполнил план полугодия³⁶. Преимущественно выходившие на страницах газет сюжеты носили положительную окраску, делая акцент на успешных примерах послевоенной адаптации. В отдельных случаях пресса поднимала те или иные проблемы демобилизованных, но их решение в большей степени зависело от партийных и советских органов.

При этом в ряде региональных и районных изданий слабо освещались вопросы, связанные с послевоенным обустройством демобилизованных. По данным докладной записки секретаря Алтайского крайкома ВКП(б) Н.И. Беляева, районные газеты «Колхозник» — Баевского района, «Ленинец» — Ключевского района, «Колхозник Алтая» — Алтайского района, «Трибуна колхозника» — Крутихинского района и другие с марта по июль 1946 года не поместили ни одной заметки о прибывших в районы демобилизованных³⁷.

В целом активная политическая работа среди демобилизованных, прежде всего членов партии, приносила результаты. Из бывших фронтовиков формировались кадры, которые выступали лидерами как в трудовой, так и в общественной работе. По данным отчёта секретаря Кагановичского РК ВКП(б) г. Новосибирска Кузьмина, в результате проведённой массово-политической работы с демобилизованными многие члены партии стали как отличными работниками, так и активными общественными организаторами. В частности, член ВКП(б) Баранов был принят на работу заместителем предсе-

дателя артели «Мехпром» по культмассовой работе, одновременно руководил кружком партучёбы³⁸. Согласно справке секретаря Бийского ГК ВКП(б) Бурковского бригадир электроцеха сахарного завода член партии Васильев ежедневно перевыполнял норму выработки. Он являлся активным работником, а также членом бюро партийной организации завода³⁹.

Несмотря на это, политическая работа не являлась универсальным средством в разрешении всех ситуаций, которые возникали у бывших участников войны. Многоаспектность процесса социальной адаптации и сложности задач в этой сфере приводили к образованию прослойки ветеранов, которые по тем или иным причинам не смогли закрепиться в обществе и стали асоциальными элементами. В отчётах и материалах проверок приводятся подобные примеры. По данным отчёта Краюшкинского РК ВКП(б)

ного уровня по Алтайскому краю и Новосибирской области можно сделать ряд выводов.

Механизм организации встреч фронтовиков ко времени приёма третьей волны демобилизации в целом был налажен и функционировал эффективно, несмотря на отдельные сложности. Чаще всего проблемы возникали при встрече единичных бывших военнослужащих, прибывавших в нерабочее время.

Вовлечение демобилизованных бойцов и офицеров в активную общественно-политическую и производственную жизнь проводилось разными способами. Они были связаны как с организацией непосредственных занятий и лекций по текущей ситуации в стране и регионе, так и с конкретной помощью в организации трудоустройства. В большинстве случаев грамотно выстроенная работа с демобилизованными, в которую входила и политическая, позволила успешно

Преимущественно выходившие на страницах газет сюжеты носили положительную окраску, делая акцент на успешных примерах послевоенной адаптации. В отдельных случаях пресса поднимала те или иные проблемы демобилизованных, но их решение в большей степени зависело от партийных и советских органов

Алтайского края, ветеран войны, председатель колхоза «Трудовая заря» Шахматов за воровство колхозного хлеба был привлечён к уголовной ответственности⁴⁰. Согласно сведениям из справки секретаря Бийского ГК ВКП(б) Бурковского демобилизованный Фoniaкин, работавший в конторе «Заготзерно», за «бытовое разложение» обсуждался на партийном собрании и был переведён на низшую должность⁴¹.

По итогам проведённого анализа материалов отчётов и проверок районного и региональ-

трудоустроить основную массу участников войны. Чаще всего проблемы с трудоустройством возникали или из-за отдельных сложностей взаимодействия между органами государственной и партийной власти с демобилизованным, или из-за желания бывших военнослужащих самостоятельно улучшить свои условия жизни или труда.

Отдельное внимание партийные органы уделяли демобилизованным коммунистам. В целом городские и районные комитеты партии смогли наладить их учёт, а также вовлечь значительную

Семён Петрович Сельский (1924—2004), Герой Советского Союза, в кругу воспитанников детского дома № 8 г. Барнаула, воспитанником которого он был
1947 г.

Алтайский государственный краеведческий музей. АГКМ ОФ 2786.

Эшелон с демобилизованными солдатами
10 июля 1945 г.

*Российский государственный архив кинофотофонодокументов РГАСКФД.
№ 0-357590-6 ч/6*

Митинг в День Победы
г. Барнаул, пл. Свободы

Алтайский государственный краеведческий музей

часть из них в активную общественную политическую работу. Это позволило сформировать прослойку активистов, которые не только ударно трудились, но и могли вести за собой рядовых работников.

Большие усилия государством были приложены в организации пропагандистской работы через периодическую печать. Она являлась одновременно как источником информации для демобилизованных, вернувшихся после длительного отсутствия в тыловые регионы, так и транслятором сведений о трудовых и общественных заслугах, проблемах ветеранов в условиях послевоенного времени.

Таким образом, на примере Алтайского края и Новосибирской области можно видеть, что организация политической работы среди демобилизованных представляла собой сложный, многоаспектный процесс. Она хоть и не являлась универсальным средством решения многочисленных проблем, но играла важную роль в социальной адаптации бывших фронтовиков к условиям послевоенного времени.

Проанализированный в статье опыт организации политической работы, думается, является актуальным и на сегодняшний день. Бойцы Специальной военной операции уже возвращаются домой, и им необходима помощь в социальной адаптации к жизни в тылу в современных условиях. Тема её необходимости постоянно поднимается как первыми лицами государства, так и главами регионов. Изучение и использование опыта работы с ветеранами Великой Отечественной войны позволит минимизировать количество возникающих у бойцов Спецоперации проблем, отладить взаимодействие органов различных уровней в процессе организации социальной адаптации участников СВО.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-78-00215, <https://rscf.ru/project/25-78-00215>.

¹ Политорганы Советских Вооружённых сил: историко-теоретический очерк. М., 1984. 400 с.; Партийно-политическая работа в Вооружённых силах СССР. 1918—1973 гг.: исторический очерк. М., 1974. 366 с.; Идеологическая работа в Вооружённых силах СССР: историко-теоретический очерк. М., 1983. 344 с.; Роль и место политорганов в советском военном строительстве. М.: Изд-во ВПА, 1990. 140 с.

² Караяни А.Г., Волобуева Ю.М., Дубяга В.Ф. Социально-психологическая интеграция в российское общество инвалидов боевых действий: монография. М.: МГОУ, 2007. 120 с.; Социокультурная реабилитация инвалидов боевых действий и военной травмы: научно-методическое пособие-практикум. М.: Общественная академия проблем социальной работы, 2007. 152 с.; Иващенко А.В., Иващенко М.В. Проблемы социальной интеграции уволенных военнослужащих в условиях современной реформы ВС РФ: монография. Серпухов: ФВА РВСН имени Петра Великого, 2017. 142 с.

³ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945—1964. М.: Россия молодая, 1993. 198 с.; она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.; она же. Возвращение: траектории реинтеграции и адаптации ветеранов Великой Отечественной войны // Труды Института российской истории. 2025. № 19. С. 301—326.

⁴ Сенявская Е.С. 1941—1945: фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. 218 с.; Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: Институт российской истории; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 418 с.

⁵ Хисамутдинова Р.Р. Послевоенная демобилизация и проблемы, связанные с ней (на примере Южного Урала) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2006. № 4. С. 58—64; Сулейманова Р.Н., Гиниятуллина Л.М. Медицинское обслуживание фронтовиков Башкирии в 1941—1950 гг. // Клио. 2025. № 4. С. 165—172; Гиниятуллина Л.М. Адаптация демобилизованных воинов и проблема их трудоустройства в БАССР в первые послевоенные годы // Общество: философия, история, культура. 2020. № 9. С. 113—117; она же. Медицинская помощь в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы демобилизованным военным служащим в Башкирии // Память о прошлом — 2022: документальное наследие отечественной науки и техники как социокультурный феномен: сборник научных трудов XI Самарского историко-архивного форума с международным участием. Самара: РГА, 2022. С. 171—175; Киденко О.А. Осуществление государственной политики по созданию условий для благоприятной адаптации демобилизованных воинов в первые послевоенные годы на территории Башкирской АССР // Вестник ВЭГУ. 2011. № 3. С. 133—137; Хузеева Л.Р. «Меня мучает один вопрос, как меня встретят мои казанские друзья...» (О демобилизации в Татарии летом 145 г.) // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2018. № 2. С. 93—110.; Ульянова М.В. Адаптация демобилизованных фронтовиков к условиям мирной жизни в Хабаровском крае (1945—1953) // Власть и управление на Востоке России. 2003. № 1. С. 124—129; Аюшеев Д.Н. Социальная адаптация ветеранов Великой Отечественной войны в Бурятии (1941—1950-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 82—84; Хаяров Д.Г. Проблемы

адаптации инвалидов Отечественной войны в западносибирском регионе в 1941—1945 гг. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2010. Т. 6. С. 106—109.

⁶ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-1. Оп. 30. Д. 258. Л. 2 об.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 115. Д. 532. Л. 176—177.

⁸ Там же. Л. 176.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 177.

¹² Там же. Ф. 17. Оп. 122. Д. 147. Л. 94.

¹³ Там же. Л. 94—95.

¹⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-12. Оп. 1. Д. 99. Л. 120.

¹⁵ Там же. Л. 84—85.

¹⁶ ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 259. Л. 13.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 147. Л. 95.

¹⁹ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 99. Л. 118.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 147. Л. 96.

²¹ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 99. Л. 118.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 147. Л. 97.

²³ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 99. Л. 70.

²⁴ ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 259. Л. 35.

²⁵ Там же. Л. 42 об.

²⁶ Там же. Л. 35.

²⁷ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 99. Л. 82.

²⁸ Там же. Л. 69.

²⁹ Там же. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1863. Л. 115.

³⁰ ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 259. Л. 66.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 147. Л. 98.

³² ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 99. Л. 83.

³³ ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 259. Л. 3 об.—4.

³⁴ Там же. Л. 7.

³⁵ Там же. Л. 13 об.

³⁶ Там же. Л. 9 об.—10.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 147. Л. 98.

³⁸ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1863. Л. 114 об.

³⁹ ГААК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 259. Л. 9 об.

⁴⁰ Там же. Л. 37.

⁴¹ Там же. Л. 10.

A.V. Rykov

«WE MUST LAUNCH POLITICAL WORK AMONG THE DEMOBILIZED SOLDIERS AND OFFICERS...»

Social adaptation of veterans of the Great Patriotic War (using the example of the Altai Territory and Novosibirsk Region, 1945—1946)

Information about author. Aleksey Rykov — assistant professor of the Department of Russian History of the Altai State Pedagogical University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Barnaul. E-mail: avrykov@bk.ru).

Summary. This paper analyzes the key aspects of political work with the demobilized military personnel from the Altai Krai and Novosibirsk Oblast in the first post-war year. The paper focuses on the organization of meetings, outreach efforts, employment opportunities, and demobilized personnel's participation in local labor and social activities. The research is based on materials from the Russian State Archive of Socio-Political History and the regional archives of regions under consideration. The author concludes that the work with demobilized soldiers was generally well-organized. Meetings with veterans, their employment, involvement in social and political life, and propaganda through the press all contributed to the successful adaptation of most veterans to civilian life. However, some difficulties have been encountered (problems with communication between agencies, personal requests from former servicemen, etc.). Special attention was paid to demobilized Communists, who became a stronghold of the party within work collectives. Therefore, political work played an important, but not universal, role in post-war adaptation.

Keywords: political work; demobilization; third wave of mobilization; social adaptation of veterans of the Special Military Operation (SMO); organization of meetings of demobilized soldiers; reception centers for demobilized military personnel, participants in the war; labor adaptation of veterans; provision of demobilized personnel with periodicals; social adaptation; Armed Forces of the USSR; Altai Krai; Novosibirsk Oblast; N.I. Belyayev; I.V. Vydrin.

«МЫ ВСЕ — ТВОИ БОЙЦЫ-БОГАТЫРИ, ВСЕ НАШИ СИЛЫ, РОДИНА, БЕРИ!»

Формирование киргизских кавалерийских дивизий в 1941—1942 гг.

Сведения об авторах. Лашков Алексей Юрьевич — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, доктор исторических наук, доцент (Москва. E-mail: lashkov3@yandex.ru);

Алайчиев Усен Камбарович — докторант Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник Вооружённых сил Кыргызской Республики, кандидат военных наук (Москва. E-mail: usenalaichiev@gmail.com).

Аннотация. В статье освещены результаты проведённого на основе документов российских, киргизских архивов и научной литературы исследования формирования в Киргизской ССР трёх национальных кавалерийских дивизий согласно постановлению Государственного комитета обороны СССР от 13 ноября 1941 года № 894сс. Анализ показал, что из-за ограниченных возможностей и загруженности промышленности Киргизской ССР военными заказами она смогла лишь частично обеспечить три киргизские кавдивизии необходимым имуществом. Реорганизация кавалерии РККА с целью укрепить её боеспособность в условиях потерь, нехватки личного, конского составов и вооружения определила судьбу киргизских и большинства других национальных кавдивизий. Они были расформированы и обращены на пополнение кавалерии и других войск, внесли вклад в Великую Победу подготовкой для фронта воинов и конского состава.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Красная армия; кавалерия РККА; Киргизская ССР; Среднеазиатский военный округ; национальные войсковые соединения; киргизские кавалерийские дивизии.

В начале Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. руководство СССР и командование РККА приняли решение активнее использовать для пополнения действующей армии возможности республик с учётом накопленного с XVI века отечественного опыта создания национальных войсковых формирований, от которых отказались в 1938 году¹. В них предполагали привлечь граждан, стремившихся добровольно вступить в ряды РККА².

13 ноября 1941 года по предложению генерал-инспектора и командующего кавалерией

Красной армии генерал-полковника О.И. Городовикова³ сформировать в союзных и автономных республиках Средней Азии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Приуралья национальные кавалерийские дивизии Государственный комитет обороны (ГКО) постановлением № 894сс «О формировании национальных войсковых соединений»⁴ разрешил ЦК ВКП(б) и совнаркомам пяти союзных и четырёх автономных республик сформировать 15 отдельных стрелковых бригад и 20 кавдивизий (кд), в т.ч. три в Киргизской ССР⁵.

В истории национальных частей и соединений, формировавшихся в 1941—1942 гг., немало белых пятен. Камень преткновения для исследующих её в том, что документы и материалы о большинстве этих формирований, как констатировал один из исследователей национального состава Красной армии доктор исторических наук А.Ю. Безугольный, «сохранились лишь фрагментарно... Например, из всего массива национальных соединений, сформированных

в 1941—1942 гг. в Среднеазиатском военном округе (15 стрелковых бригад и 14 кавалерийских дивизий), более или менее информативные документальные фонды в ЦАМО РФ (Центральный архив Минобороны РФ. — **Прим. авт.**) имеются только у 94-й Узбекской стрелковой бригады (Ф. 1907), 97-й туркменской (Ф. 3608) и 107-й Киргизской (Ф. 3618) кавалерийских дивизий»⁶. Как видим, лишь одной из трёх формировавшихся в Киргизской ССР. Но анализ

документов российских и киргизстанских архивов позволил заключить: укомплектованность и проблемы всех трёх киргизских кавдивизий были схожими.

Их формировали по штатам кавдивизии РККА⁷. Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) 14 декабря 1941 года директивой № 005698 приказала замнаркома обороны — начальнику Главного управления формирования и укомплектования войск РККА армейскому комиссару 1 ранга (с декабря 1942 г. гене-

рал-полковник)⁸ Е.А. Щаденко «дать войскам штаты управлений кавалерийских корпусов и внести соответствующие изменения в штаты кавалерийских дивизий»⁹. Щаденко внёс их 17 января 1942 года своим приказом № ОРГ/3/780522¹⁰.

Командование кавалерии РККА указывало разные штатные численности личного и конского составов одних и тех же кавдивизий. В сводке инспекции кавалерии РККА о ходе формирования 20 национальных кавдивизий на 5 марта 1942 года в каждой из 107, 108 и 109-й Киргизских кавдивизий по штату — 4480

(397 + 710 + 3373) человек и 4755 лошадей. А в справке-докладе «О численности и организационной структуре кавалерии за период Отечественной войны» от 5 марта 1946 года: шесть национальных кавдивизий той же численности (4480 и 4755) и четырнадцать, в т.ч. 107, 108 и 109 кд, — по 4486 человек и 4762 лошади¹¹.

В 1942 году штаты кавдивизии и её частей не раз изменяли. 4 января Ставка ВГК приказом № 003 предписала: «Во изменение существующих штатов в каждой кавдивизии иметь по одной батарее пушек УСВ, по две батареи 120-мм мино-

мётов (8 штук) и 528 ППШ»¹². 16 января НКО приказом № 034 ввёл должности заместителей командармов, комкоров и комдивов. 16 марта Ставка ВГК приказом № 0054 ввела в состав кавдивизии шестиорудийную зенитную батарею 37-мм пушек численностью 80 человек. ГКО 19 мая 1942 года постановлением № ГОКО-1784с, объявленным приказом НКО СССР № 0409 22 мая, ввёл должности замкомандира корпуса — дивизии по тылу. В июле с введением взвода химзащиты в штат кавполка его численность выросла до 1175 человек и 1318 лошадей.

Таблица 1

Штатная численность личного состава 107-й Киргизской кавалерийской дивизии и укомплектованность им на 10 апреля и 1 июля 1942 г.

Воинские части, учреждения и правоохранительные органы		Штат	На 10 апреля 1942 г.			На 1 июля 1942 г.		
			по штату	по списку	в проц. к штату	по штату	по списку	в проц. к штату
управление 107 кд		06/230	81	90	111,1	81	80	98,8
270-й кавалерийский полк		06/233	1160	1182	101,9	1175	1138	96,9
289-й кавполк		06/233	1160	1202	103,6	1175	1156	98,4
308-й кавполк		06/233	1160	1190	102,6	1175	1131	96,3
отдельные	полуэскадрон связи	06/231	53	54	101,9	53	53	100
	эскадрон химзащиты*	06/216	64	63	98,5	64	64	100
	конно-артиллерийский дивизион	06/214	496	527	106,3	496	486	98
	зенитная батарея	06/215	80	69	86,3	80	80	100
артиллерийский парк		06/105	143	146	102,1	143	136	95,1
продовольственный транспорт		06/238	48	40	83,3	48	48	100
медико-санитарный эскадрон		06/220	50	51	102	50	49	98
ветеринарный лазарет		06/241	25	25	100	25	25	100
редакция и типография		06/224	7	4	57,1	7	7	100
военная прокуратура		06/222	4	3	75	4	4	100
взвод особого отдела НКВД		06/208	36	36	100	36	36	100
ВСЕГО**			4567**	4682**	102,5	—	—	—
особый отдел НКВД***			14	14	100	—	—	
военный трибунал		06/223	4	4	100	6	6	100
полевая касса Госбанка		04/16	3	3	100	3	3	100
полевая почтовая станция		014/69-В	6	6	100	6	6	100
ИТОГО*****			4594**	4709**	102,5	4627	4508	97,4

Составлена по: Сведения об укомплектованности частей 107-й Киргизской кавалерийской дивизии на 10 апреля 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 3618. Оп. 1. Д. 6 Л. 19; Донесение о списочной численности личного состава 107-й Киргизской кавалерийской дивизии по состоянию на 1 июля 1942 г. 30 июня 1942 г. // Там же. Л. 29—46.

* Отдельный эскадрон химзащиты укомплектовывался по штату 07/6, 15 мая 1943 г. переведён на штат 06/216.

** Показатели в таблице отражены так, как в архивных источниках. Сведения на 10 апреля 1942 г. представлены двумя суммами — без учёта и с учётом особого отдела НКВД, военного трибунала, полевой кассы Госбанка, полевой почтовой станции, вынесенных в отдельный раздел «Внештатные подразделения дивизии». В донесении на 1 июля 1942 г. этого раздела нет.

*** Особый отдел НКВД указан только в сведениях на 10 апреля 1942 г. В донесении на 1 августа 1942 г. не упомянут.

**** В архивных документах выявлены и в данной таблице исправлены незначительные ошибки в подсчётах, не меняющие картину укомплектованности 107 кд. В сведениях на 10 апреля общее число личного состава по списку — 4708, на единицу меньше указанной в документе суммы слагаемых — 4709. В донесении на 1 июля общее число по штату — 4615, на 12 меньше суммы слагаемых — 4627, общее число по списку — 4520, на 12 больше суммы слагаемых — 4508.

В кавполку увеличили число ППШ, а также противотанковых ружей и их расчётов с 20 до 24¹³. Штатная численность личного состава 107 кд (табл. 1) выросла с 4480 человек 5 марта до 4567 без учёта названных в документе внештатными особого отдела НКВД, военного трибунала, полевой кассы Госбанка, полевой почтовой станции, а с ними — до 4594, на 114 человек (2,5 проц.) 10 апреля, а к 1 июля 1942 года до 4627 — на 147 военнослужащих (3,3 проц.). К началу августа 1942 года в сравнении с показателем 5 марта — на 183 человека (4,1 проц.) до 4663¹⁴. Оргштатная структура 107 кд представлена схемой.

Привлечению кыргызов кавдивизии способствовало то, что для ряда народов, проживающих в Кыргызстане, издревле конь священен, с ним связаны народные обычаи и традиции, история и культура. К тому же в республике проводилась допризывная подготовка будущих кавалеристов, их служба была престижной.

Порядок формирования и обеспечения национальных соединений отличался от того, как создавали иные войска. ГКО начал постановление № 894сс не обычным для приказов и директив категоричным требовани-

Н.Е. Щербаков

ем, а предоставлением возможности — словом: «Разрешить». Предписал укомплектовать их «здоровым и крепким личным составом местных национальностей в возрасте не старше 40 лет. Начальствующим составом обеспечить по возможности также из местных национальностей, недостающих пополнить русскими». Обязал за счёт ресурсов союзных и автономных республик предоставить национальным соединениям «обмундирование,

людское и конское снаряжение, сёдла, продфуражное и прочее довольствие, конский состав, холодное и частично огнестрельное оружие». Формировать, обучать и проводить боевое слаживание (сколачивание) национальных кавдивизий и стрелковых бригад ГКО обязал военсоветы округов, на территориях которых их формировали. Потребовал «по сформировании кавалерийские дивизии и отдельные стрелковые бригады принять на бюджет НКО и дообеспечить недостающим вооружением... только по ходатайству военного совета округа после того, когда дивизии будут укомплектованы всем необходимым из местных ресурсов и проверены специальной комиссией округа». Срок приёма дивизий — не ранее января 1942 года¹⁵.

Военный совет Среднеазиатского военного округа (САВО) приказом от 27 ноября 1941 года установил порядок укомплектования национальных соединений личным составом. Старший начсостав подбирали Главное управление кадров РККА и военный совет округа. Средний — кадровые органы из военнослужащих местных национальностей переводами из воинских частей, учреждений округа и из запаса. Нехватку

Схема

Организационно-штатная структура 107-й Киргизской кавалерийской дивизии

Примечания: указаны наименования воинских частей, изменённые в связи с переименованием 108 кд в 107 кд в соответствии с приказанием командующего войсками САВО от 26 марта 1941 г. № ОРГ/1/6990 и приказом командира 107 кд № 05 от 31 марта 1942 г.

Составлена по: Сведения об укомплектованности частей 107-й Киргизской кавалерийской дивизии на 10 апреля 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 3618. Оп. 1. Д. 6. Л. 19; Донесение о списочной численности личного состава 107-й Киргизской кавалерийской дивизии по состоянию на 1 июля 1942 г. 30 июня 1942 г. // Там же. Л. 29—46; Приказ командира 107 кд № 05 от 31 марта 1942 г. // Там же. Д. 2. Л. 15, 16.

младших офицеров предполагали устранить выдвижением достойных младших командиров местных национальностей и русских, младшего начсостава — выздоравливавшими после ранений, призывом из запаса и выдвижением наиболее подготовленных красноармейцев¹⁶.

Командующий войсками САВО в тот же день, 27 ноября 1941 года, приказом определил места дислокации трёх национальных кавдивизий в Киргизской ССР: 107 кд (врид комдива полковник Н.Е. Щербаков¹⁷, с апреля 1942-го после переименования 108 кд в 107 кд комдив полков-

ник В.С. Аскалепов¹⁸) — столица республики город Фрунзе; 108 кд (комдив полковник В.С. Аскалепов) — город Токмак; 109 кд (комдив полковник И.И. Стеценко²⁹) — город Ош²⁰. ЦК Компартии (большевиков) Киргизии 28 ноября 1941 года определил порядок создания

Таблица 2

Укомплектованность 107, 108, 109-й киргизских кавалерийских дивизий личным и конским составами, вооружением, транспортом, средствами связи, противогазами, лопатами и обмундированием на 5 марта 1942 г.

		Количество									
		По штату	107 кд			108 кд			109 кд		
			налицо	в проц. к штату	нехватка	налицо	в проц. к штату	нехватка	налицо	в проц. к штату	нехватка
начсостава*		397	321	80,9	76	303	76,3	94	308	77,6	89
младшего начсостава		710	147	20,7	563	523	73,7	187	434	61,1	276
рядового состава		3373	3773	111,9	+400**	3321	98,5	52	3435	101,8	+62**
всего		4480	4241	94,7	239	4147	92,6	333	4177	93,2	427
лошадей		4755	4373	92,0	382	4888	102,8	133	4534	95,4	221
сёдел		3394	1766	52,0	1628	2180	64,2	1214	2561	75,5	833
винтовок		2926	580	19,8	2346	392	13,4	2534	—	—	2926
пулемётов	станковых	48	—	—	48	2	4,2	46	—	—	48
	ручных	111	—	—	111	—	—	111	—	—	111
ППШ		528	—	—	528	—	—	528	—	—	528
противотанковых ружей		62	—	—	62	—	—	62	—	—	+62**
револьверов		374	—	—	374	—	—	374	—	—	374
пашек		2930	443	15,1	2487	404	13,8	2526	586	20	2344
миномётов	50-мм	48	3	6,3	45	—	—	48	—	—	48
	82-мм	18	1	5,6	17	—	—	18	—	—	18
	120-мм	8	3	37,5	5	—	—	8	—	—	8
пушек	76-мм УСВ	4	—	—	4	—	—	4	—	—	4
	76-мм	12	—	—	12	—	—	12	—	—	12
	45-мм	12	—	—	12	—	—	12	—	—	12
радиостанций		30	—	—	30	2	6,7	28	—	—	30
телефонов		106	4	3,8	102	4	3,8	102	4	3,8	102
провода		146	3	2,1	143	2	1,4	144	1	0,7	145
обмундирования (компл.)		4480	4004	89,4	476	4480	100	—	3670	81,9	810
обуви (пар)		4480	4316	96,4	164	3265	72,9	1215	360	8,0	4120
противогазов		4480	4916	109,7	436	2431	54,3	2049	377	8,4	4103
лопат малых		2551	124	4,9	2427	91	3,6	2460	70	2,7	2481
лопат сапёрных		735	—	—	735	8	1,1	727	160	21,8	575
автомашин		121	14	11,6	107	16	13,2	105	7	5,8	114
тачанок		52	—	—	52	—	—	52	—	—	52
повозок парных		227	221	97,4	6	292	128,6	+65**	197	86,8	30

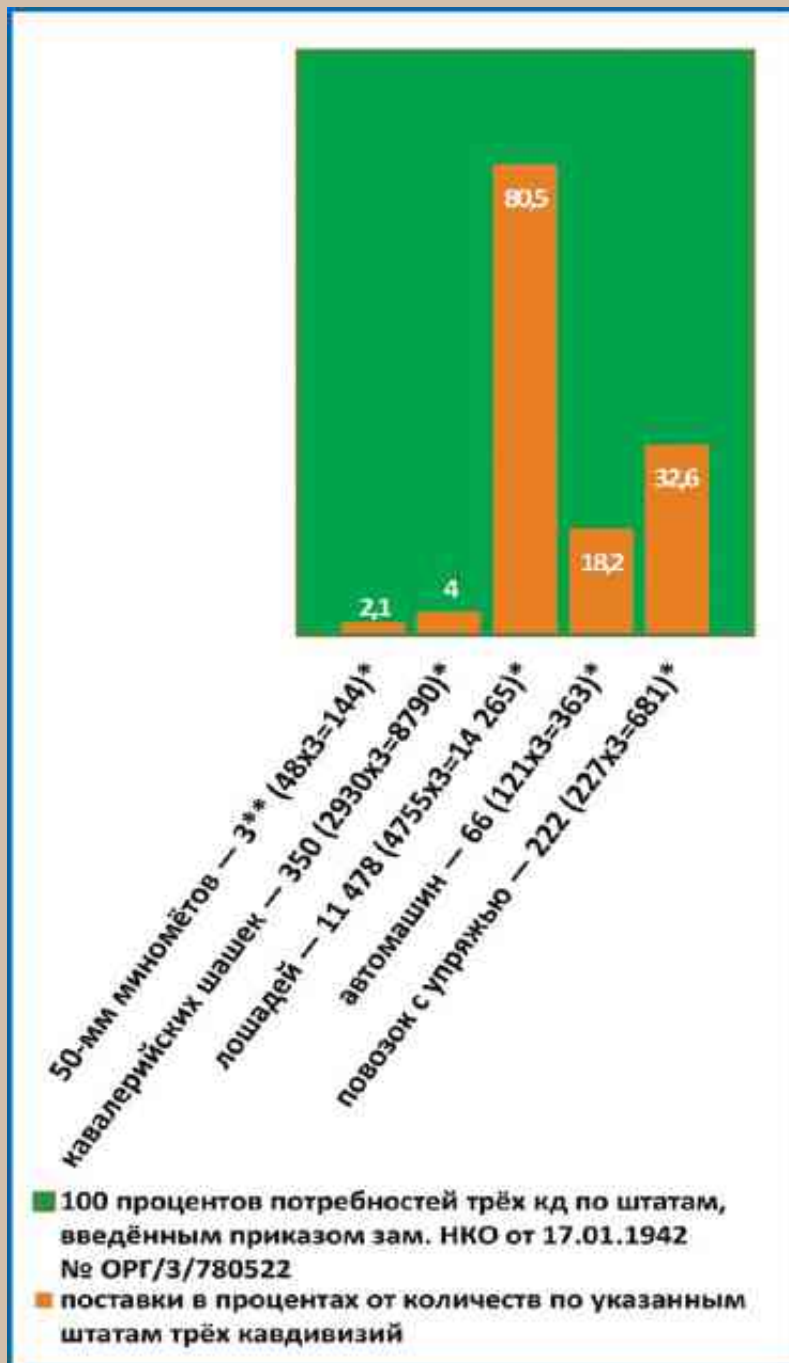
Составлена по: Сводка Инспекции КА о ходе формирования 20 кавалерийских дивизий. По состоянию на 5 марта 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1367. Л. 15—17.

* В сводке, по данным которой составлена таблица, начсоставом без деления на высший, старший и средний, очевидно, названы занимавшие офицерские должности. Отдельной строкой указан только младший начсостав.

** Превышения штатной численности рядового состава 107 кд на 400 человек, 109 кд — на 62 человека, а также в 108 кд — штатного числа парных повозок на 65 выделены знаками «плюс».

Диаграмма 1

Сравнение поставок Киргизской ССР 107, 108 и 109-й киргизским кавалерийским дивизиям и их потребностей по штату

Составлена по: ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1367. Л. 15—17; ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 304. Л. 167, 168; Оп. 5. Д. 268. Л. 465; Ф. 350. Оп. 15. Д. 26. Л. 355; Оп. 17. Д. 29. Л. 270, 271; Д. 55. Л. 23; Керимбаев С.К. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Фрунзе: Илим, 1980. С. 217.

* Перед скобками — количества, поставленные трём кавдивизиям; в скобках — требовавшиеся им по штатам, введённым приказом замнаркома обороны СССР — начальника Главного управления формирования и укомплектования войск РККА от 17 января 1942 г. № ОРГ/3/780522.

** После заказа СНК Киргизской ССР (постановление от 16 января 1942 года № 58) 100 50-мм миномётов 5 марта того же года в 107, 108 и 109 кд их было 3. Источник поставки неизвестен.

кавдивизий. Для их пополнения воинами с высокими морально-политическими качествами бюро Фрунзенского обкома Компартии Киргизии совместным с облисполкомом постановлением от 5 декабря 1941 года обязало райкомы партии довести партийно-комсомольскую прослойку в 107-й и 108-й кавдивизиях до 40—45 проц.²¹ Поднять эту прослойку требовалось и в 107 кд, в которой она не превышала 37 проц.²²

12 декабря 1941 года ЦК КП(б) Киргизии принял постановление о направлении руководящих партийных и комсомольских работников в национальные соединения, а 20 декабря — «О развёртывании партийно-политической работы во вновь формируемых кавалерийских дивизиях»²³. Поставил направленным на должности комиссаров кавдивизий задачи повышать качество воспитания военно-служащих, создать «партийные и комсомольские организации в подразделениях и частях, провести правильную расстановку коммунистов и комсомольцев, ознакомить их с очередными задачами, развернуть работу» по обеспечению «авангардной роли коммунистов и комсомольцев в боевой и политической подготовке»²⁴.

Власти и трудовые коллективы Кыргызстана сделали всё, что было в их силах, для выполнения требований постановления ГКО № 894сс об обеспечении национальных кавдивизий за счёт ресурсов республики. Но они были ограниченными, предприятия перегружены важными заказами для фронта. В том числе выполнением сверхважной задачи, от которой зависел ход войны, — устранением угрозы прекращения производства в СССР боеприпасов, вызванной захватом вермахтом осенью 1941 года единственного в стране комбината по добыче и выплавке ртути в Донбассе. Безальтернативным выходом стало сверхбыстрое масштабное строительство в Киргизской ССР на Хайдарканском месторождении

комбината № 5 Главвольфрама Наркомата цветной металлургии СССР, как называли Хайдарканский ртутный комбинат в годы войны. С 1941-го до освобождения Донбасса и восстановления там производства Хайдаркан (ныне Айдаркен) был главным поставщиком ртути советской оборонке²⁵. Ей были необходимы и полезные ископаемые других месторождений республики — кыргызстанские сурьма и вольфрам, свинец и другие металлы. К концу 1941 года в республике запустили все четыре десятка эвакуированных туда крупных предприятий. Вместе с их специалистами кыргызыстанцы, включая женщин и подростков, трудились на установленных под открытым небом станках в осенний холод и зимнюю стужу по 12 часов днём и ночью, строили необходимые оборонке электростанции и Большой Чуйский канал, чтобы увеличить посевные площади и поставки продовольствия фронту, и т.д.²⁶ Трудовые ресурсы наряду с мобилизацией в РККА уменьшило направление десятков тысяч кыргызыстанцев на важные объекты за пределами республики. Поэтому у неё не было ни сил, ни ресурсов, ни производств, которые можно было оторвать от выполнения иных задач для нужд фронта, чтобы обеспечить кавдивизии.

На это указывает невыполнение заказов для них. Например, ЦК КП(б) Киргизии и Совнарком республики утвердили в совместном постановлении от 25 декабря 1941 года № 1272-140/12 заказ на изготовление к 25 февраля следующего года 10 500 кавалерийских шашек (119,5 проц. штатной потребности трёх кд), выделив заводу-изготовителю из бюджета республики 54 тыс. руб.²⁷ Но из-за дефицита металла к концу апреля 1942 года завод изготовил лишь около 350 шашек²⁸. Заказ на сто 50-мм миномётов (69,4 проц. их штатного числа в трёх кд), отражённый в постановлении СНК Киргизской ССР от 16 января 1942 года № 58, не выполнил завод № 536 Наркомата

вооружения СССР²⁹. Инспекция кавалерии РККА по состоянию на 5 марта того же года насчитала в 107, 108, 109 кд лишь три 50-мм миномёта³⁰ — 2,1 проц. из 144 по штатам. Откуда их получили — с завода или военных складов, в архивных документах не указано.

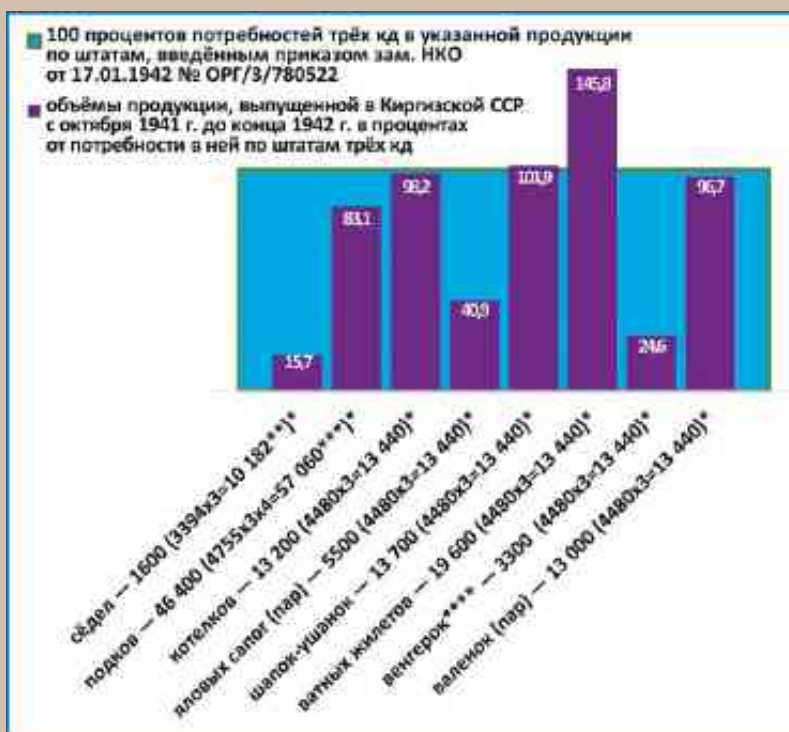
Колхозы и совхозы республики выделили 18,7 млн руб. и поставили значительные объёмы продовольствия, фуража, а также 11 478 лошадей — четыре пятых (80,5 проц.) их числа по штатам трёх кавдивизий, 66 грузовых автомашин — менее пятой части

(18,2 проц.) и 222 повозки с упряжью — менее трети (32,6 проц.) штатных количеств в трёх кд³¹ (диаграмма 1). А республика была обязана полностью обеспечить киргизские кавдивизии всем необходимым, включая холодное и частично огнестрельное оружие.

Лёгкая промышленность республики не могла обеспечить своей продукцией три кавдивизии, чтобы, как требовало постановление ГКО № 894сс, НКО смог принять их «после того, когда дивизии будут укомплектованы всем необходимым

Диаграмма 2

Сравнение объёмов выпуска в Киргизской ССР с октября 1941 г. до конца 1942 г. продукции, необходимой 107, 108, 109 кд, с потребностями в ней по штатам кавалерийских дивизий

Составлена по: ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1367. Л. 15—17; ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 304. Л. 167, 168; Оп. 5. Д. 268. Л. 465; Ф. 350. Оп. 15. Д. 26. Л. 355; Оп. 17. Д. 29. Л. 270, 271; Д. 55. Л. 23; Керимбаев С.К. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Фрунзе: Илим, 1980. С. 217.

* Перед скобками — объёмы продукции легпрома Киргизской ССР указанных видов, выпущенной с октября 1941 до конца 1942 г.; в скобках — количество продукции, требовавшейся трём кавалерийским дивизиям по штатам.

** Нехватка сёдел рассчитана относительно их штатного числа, указанного в сводке Инспекции КА о ходе формирования 20 кавалерийских дивизий по состоянию на 5 марта 1942 г.

*** Число подков в скобках из расчёта — по 4 на каждую лошадь штатного количества конского состава в трёх кавдивизиях. Перековывать лошадей рекомендуется в среднем каждые месяце-два.

**** Венгерка — куртка.

из местных ресурсов». Очевидно, предполагалось, что республики полностью обеспечат национальные кавдивизии материальными средствами, транспортом и частично оружием за 2—3 месяца. Но объёмы выпущенной за гораздо более длительный срок — 15 месяцев, с октября 1941 до конца 1942 года продукции легпрома Киргизской ССР, необходимой кавдивизиям, оказались значительно меньше необходимых им по штатам (диаграмма 2). Выпущенные 5500 пар яловых сапог — в 2,4 раза меньше (40,9 проц.) штатной

численности личного состава 107, 108, 109 кд. В 4 раза меньше (24,6 проц.) 3300 венгерок (курток). 1600 сёдел — почти в 6,4 раза меньше (15,7 проц.) необходимых³² по штатам. Предприятия металлообработки за те же 15 месяцев изготовили 46,4 тыс. подков — по 3,2 на каждую лошадь. А перековать лошадей рекомендуется в среднем каждые месяц-два³³. До конца 1942 года только изготовленные 19,6 тыс. ватных жилетов в 1,45 раза превысили штатную численность личного состава трёх кд. Примерно

сравнивались с ней выпущенные 13 тыс. пар валенок, 13,7 тыс. шапок-ушанок, 13,2 тыс. котелков (соответственно, 96,7 проц., 101,9 проц. и 98,2 проц. штатной численности воинов и соответствующих потребностей трёх кд)³⁴.

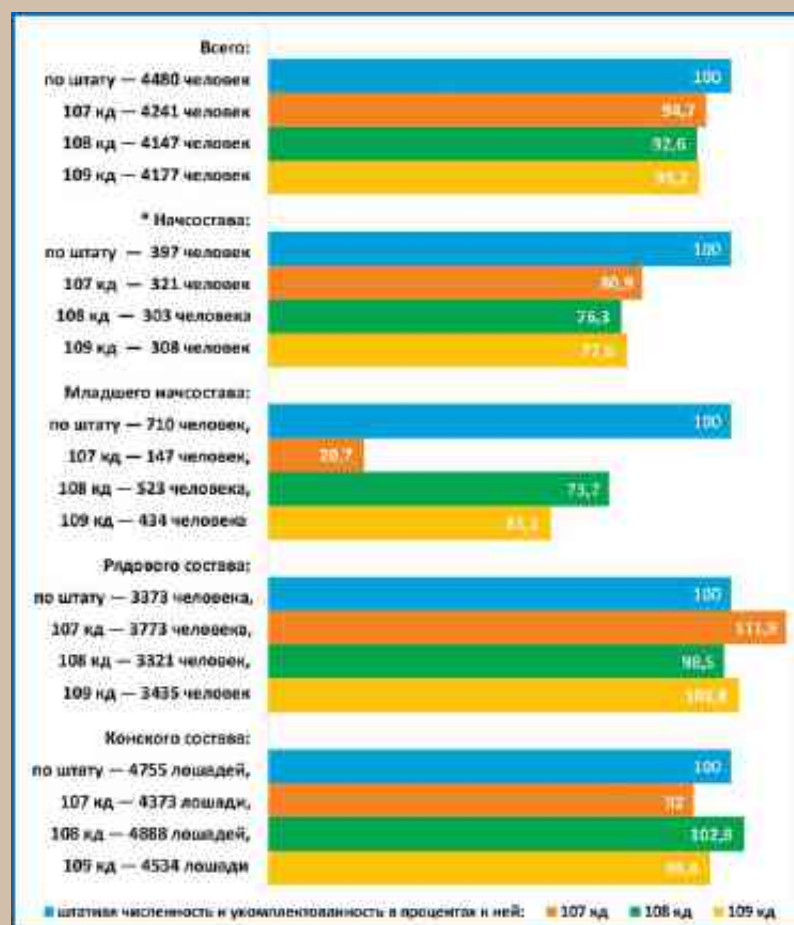
При таких объёмах выпуска легпром республики мог обуть всех воинов трёх кавдивизий в сапоги за 2,4 года, одеть в куртки-венгерки — за 4 года с лишним, обеспечить сёдлами штатное число верховых лошадей — за несколько лет. Но условия войны не позволяли ждать обеспечения кавдивизий ни несколько лет, ни 15 месяцев.

Инспекция кавалерии РККА, проверив в начале марта 1942 года ход выполнения постановления ГКО 894сс от 13 ноября 1941 года о формировании 20 национальных дивизий, выявила удручающую укомплектованность 107, 108 и 109-й кавдивизий (табл. 2, диаграммы 3 и 4). В том числе нехватку в среднем более пятой части начсостава (21,7 проц.), без указания высшего, старшего и среднего³⁵, очевидно, отнеся к нему всех, занимавших офицерские должности, почти половины (48,2 проц.) младшего комсостава и избыток в 4,1 проц. рядовых красноармейцев. При численности лошадей от 92 до 102,8 проц. штатной сёдел было лишь 53,9 проц.

Полностью отсутствовали в 107, 108 и 109-й кавдивизиях пушки, 82-мм и 120-мм миномёты, ППШ, противотанковые ружья, револьверы и тачанки. А без них была невозможна требовавшаяся кавалерии мобильность станковых пулемётов, число которых в трёх кд было мизерным — лишь 2 (1,3 проц. штатного числа в 3 кд), как и 50-мм миномётов — лишь 3 (2,1 проц.). Винтовок — в 9 раз меньше (11,1 проц.) штатного числа, кавалерийских шашек — в 6 раз (16,3 проц.), автомашин — в 9,8 раза (10,2 проц.), радиостанций — в 45 раз (2,2 проц.), телефонов — в 26,5 раза (3,8 проц.), обмундирова-

Диаграмма 3

Укомплектованность 107, 108, 109-й киргизских кавалерийских дивизий личным и конским составами на 5 марта 1942 г.

Составлена по: Сводка Инспекции кавалерии РККА о ходе формирования 20 кавалерийских дивизий. По состоянию на 5 марта 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1367. Л. 15—17.

* В сводке, по данным которой составлена диаграмма, начсоставом без указания его групп, очевидно, названы занимавшие офицерские должности (численность младшего начсостава указана отдельной строкой), хотя в то время Закон СССР о всеобщей воинской обязанности 1939 г. сохранил деление начсостава на высший, старший, средний и младший. См.: Начальствующий состав // Военная энциклопедия (ВЭ) в 8 т. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 440.

ния — в 1,1 раза (90,4 проц.), обуви — в 1,7 раза (59,1 проц.) и примерно во столько же — противогазов (57,5 проц.), лопат малых — в 27 раз (3,7 проц.), сапёрных — в 13,2 раза (7,6 проц.).

При всей жёсткости спроса за упущения по законам военного времени в Ставке ВГК, Совнарком СССР, Наркомате обороны и штабе САВО понимали, что причины невыполнения постановления ГКО № 894сс в республике объективны и непреодолимы. В них не было вины власти и трудовых коллективов.

Чуть ранее составления упомянутой сводки Инспекции кавале-

рии РККА, 3 марта 1942 года, Ставка ВГК приказом № 0043 в связи с тем, что кавдивизии находились «в большом некомплекте», предписала «для быстрого пополнения действующих и доукомплектования вновь формируемых кавалерийских дивизий» расформировать 20 кавдивизий, из них 11 в действующих армиях и 9 национальных, в т.ч. 109-ю Киргизскую, обратив их на пополнение ряда национальных кавдивизий, включая 107-ю и 108-ю³⁶.

Но за счёт расформирования 109 кд невозможно было устранить нехватку личного

состава и вооружения в 107 и 108 кд, заполнить вакансии начальников артиллерии, инженерной и химической служб, потому что их не было во всех трёх киргизских кавдивизиях. Были вакантными должности начальников почти половины отделений штабов всех трёх киргизских кавдивизий, в т.ч. двух в штабе 107 кд и трёх в штабе 108 кд. Их не могли заполнить три начальника отделения штаба 109 кд, тем более по профилям их должностей были лишь две вакансии из пяти. В 308-м кавполку (кп) 107 кд не было командира, а в 270 кп 107 кд

Таблица 3

Командный состав 107, 108 и 109-й киргизских кавалерийских дивизий и входивших в них кавполков (по состоянию на начало марта 1942 г.)

Должности			107 кд	108 кд	109 кд
командиры кд			(врид) полковник Н.Е. Щербаков	полковник В.С. Аскалепов	полковник И.И. Стеценко
военные комиссары кд			батальонный комиссар А.Н. Зорин	полковой комиссар Ф.Ф. Иванов	А. Имакалиев*
начальники	штабов кд		майор И.И. Блохин	подполковник Н.Д. Береговой	майор А.С. Морозов
	отделений штабов дивизий**	1-го	капитан В.Н. Громов	капитан В.Д. Старицын	капитан П.Н. Пахаревский
		2-го	капитан К.К. Константинов	—	ст. лейтенант С.П. Качинский
		3-го	ст. лейтенант П.К. Деревщиков	—	капитан Б.М. Джемеманов
		4-го	—	техник-интендант 1 ранга М.Н. Гиричев	—
		5-го	—	—	—
	артиллерии		—	—	—
	служб	инженерной	—	—	—
		химической	—	—	—
дивизионные интенданты			ст. батальонный комиссар М.Э. Айрапетян	подполковник И.М. Губернаторов	интендант 3 ранга И.Т. Максимов
кавполки (кп), командиры и начальники штабов (нш) кавполков 107, 108, 109 кд			270 кп майор С.В. Иванов, нш — вакант	271 кп капитан В.Ф. Микушин, нш — вакант	272 кп капитан И.С. Духиев, ст. лейтенант А.С. Овчаренко
			289 кп майор Б. Мукашев*, капитан В.А. Любарец	290 кп майор Ф.И. Несмеянов, ст. лейтенант С. Бекенбаев	291 кп майор Г.Я. Чумаков, ст. лейтенант П.С. Михайлов
			308 кп комполка — вакант, ст. лейтенант К.Т. Широкий	309 кп капитан В.А. Жидков, капитан О.Ф. Балагута	310 кп майор С.М. Шумский, капитан М.Г. Маца

Составлена по: ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1367. Л. 15—17, 24, 27, 30; Ф. 3618. Оп. 1. Д. 2. Л. 16; Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики (ЦГА ОПД КР). Ф. 56. Оп. 4. Д. 304. Л. 350, 351.

* В архивных документах не указаны воинские звания, инициалы или указан один инициал некоторых должностных лиц.

** Позднее число отделений штаба кд увеличили до шести.

и 271 кп 108 кд — начальников штабов (табл. 3).

Всего в 107 кд были 76 офицерских вакансий, в 108 кд — 94. А дефицит младших командиров в киргизских кавдивизиях был столь значительным, что даже если бы все 434 сержанта 109 кд при её расформировании пополнили 107 и 108 кд, это уменьшило бы их нехватку на 57,9 проц. Остались бы 316 из 750 таких вакансий.

Укомплектованность киргизских кавдивизий оружием и транспортными средствами, отражённая в таблице 2 и диаграмме 4, была такой, что передача всех их из расформировывавшейся 109 кд в две другие уменьшила бы, но не устранила нехватку.

Хотя Ставка ВГК упомянутым ранее приказом № 0043 распорядилась обратить пять расформировывавшихся национальных кавдивизий, в т.ч. 109 кд, на пополнение остававшихся национальных кавалерийских соединений, 109 кд направили на пополнение конницы, сражавшейся на фронтах. Причина, очевидно, в нехватке в ней

В.С. Аскалепов

личного и конского составов, вооружения и транспорта.

16 марта 1942 года Ставка ВГК приказом № 0054 продолжила расформирование кавкорпусов и кавдивизий. В их число вошла 108-я Киргизская³⁷. Но так как она была наиболее укомплектованной из киргизских,

приказанием командующего войсками САВО от 26 марта 1942 года № ОРГ/1/6990 108-я дивизия стала 107-й, новые номера получили все её части, а 107-я стала 108-й и была расформирована.

2—9 июня 1942 года командование САВО провело инспекторский смотр 107-й (бывшей 108-й) кавдивизии. При общем удовлетворительном её состоянии были выявлены существенные недостатки, отражённые 16 июня в приказе комдива № 032³⁸.

После завершения комплектования 107 кд специальная комиссия Среднеазиатского военного округа с участием представителей ЦК КП(б) Киргизии, принимая дивизию, отметила: «Политико-моральное состояние дивизии здоровое. Личный состав упорно овладевает боевой и политической подготовкой и горит желанием выехать на фронт»³⁹. Более 75 проц. рядового состава не обладали опытом службы в армии до вступления в ряды дивизии⁴⁰.

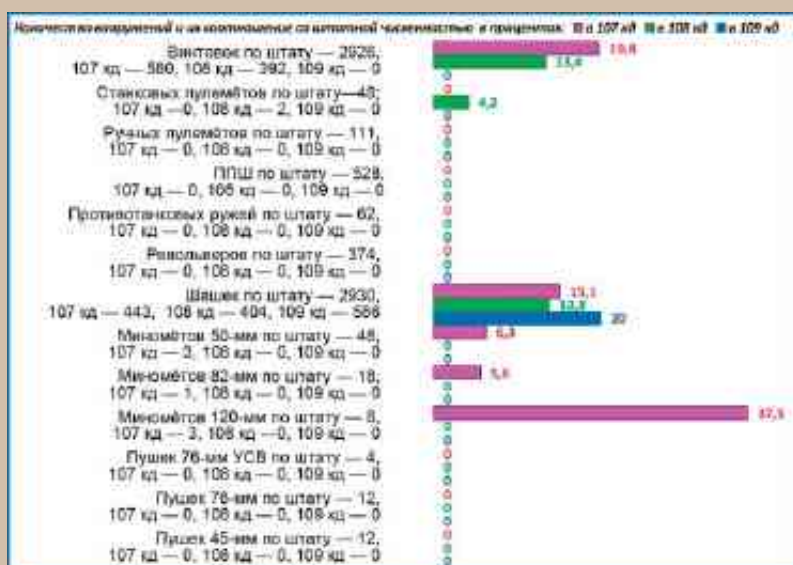
20 мая 1942 года командир 107 кд полковник В.С. Аскалепов подписал приказ № 022 об отправке соединения в действующую армию. Но отъезд отложили, и 15 июля нарком обороны приказом № 00144 предписал наряду с другими расформировать пять национальных кавдивизий САВО, в т.ч. 107-ю.

Подписанный 7 августа «Акт боевой готовности 107-й Киргизской кавалерийской дивизии, убывающей из состава округа», отразил её укомплектованность личным составом на 96 проц. (4510 человек из 4663 по штату), подготовку частей, подразделений и национальный состав соединения. Киргизы составили 82 проц. воинов, русские — 8 проц., казахи — 3,1 проц., военнослужащие других национальностей — 6,9 проц. (подробнее см. диаграмму 5)⁴¹.

Прибыв в Муром в распоряжение командования Московского военного округа, дивизия была расформирована и обращена на укомплектование частей

Диаграмма 4

Укомплектованность 107, 108, 109-й Киргизских кавалерийских дивизий стрелковым оружием, миномётами и пушками на 5 марта 1942 г.

Составлена по: Сводка Инспекции КА о ходе формирования 20 кавалерийских дивизий. По состоянию на 5 марта 1942 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ. ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1367. Л. 15—17.

воздушно-десантных войск, а также 14, 20, 31, 33-й запасных стрелковых бригад⁴².

Нехватка достоверных сведений и архивных документов о национальных соединениях, в т.ч. кавдивизиях, и недостаточная изученность их истории способствуют выдумкам. Например, о том, что причины расформирования национальных соединений без различия национальностей воинов и республик, в которых их формировали, кавалерийских и стрелковых, были «лингвистическими», заключались в слабом знании личным составом русского языка, препятствовавшим его выучке.

То, что часть воинов национальных формирований плохо знала русский, бесспорно. Но результаты боевых действий соединений и частей, сформированных в САВО, доказывают: слабое знание русского языка частью воинов не воспрепятствовало их выучке и активности в боях, мужеству и отваге. В том числе бойцов и командиров легендарной Панфиловской дивизии. В ней сражались такие же, как воины киргизских и казахских кавдивизий, представители двух республик. Вся подготовка панфиловцев заняла месяц с небольшим от начала формирования дивизии до отправки на фронт. Слабое владение части бойцов русским не помешало панфиловцам массовым героизмом под Москвой навеки вписать свою дивизию и павшего комдива в историю всенародного подвига победителей фашизма, разгромить 4 дивизии противника, уничтожить несколько тысяч гитлеровцев и более 80 танков врага, одной из первых заслужить орден Красного Знамени и звание гвардейской дивизии⁴³. Если бы киргизским кавалерийским дивизиям довелось воевать, они сражались бы столь же самоотверженно, как панфиловцы. И как 20-я горно-кавалерийская дивизия под командованием депутата Верховного Совета Киргизской ССР полковника А.В. Ставенкова. И как воины других соединений, сформированных в Средней Азии.

И.И. Стеценко

Истинную причину трудностей боевой подготовки национальных кавдивизий САВО указал начальник Главного управления формирования и укомплектования войск РККА армейский комиссар 1 ранга Е.А. Щаденко: «Дивизии укомплектованы отборными людьми с большой партийно-комсомольской прослойкой (от 30 до 47%), лошадьми, транспортом. Занимаются боевой подготовкой, но не вооружены»⁴⁴.

А в упомянутом ранее акте от 7 августа 1942 года указано: 107-я Киргизская кавдивизия убывала из округа в боевой готовности с удовлетворительной боевой и политической подготовкой. Но без зенитных орудий и 120-мм миномётов. Поэтому «слаженность взводов и батарей в целом» была «не закончена за отсутствием мат. части»⁴⁵. И если бы все воины 107 кд в совершенстве владели русским, это не прибавило бы ни огневых возможностей дивизии, ни выучки расчётам и батареям, необученным из-за отсутствия миномётов и зениток, так как невозможно подготовить военных специалистов без вооружения, техники и прочего, чем они обязаны овладеть (см. табл. 2 и диаграмму 4). Эти трудности были объективными. Промышленность, немалая часть которой находилась в движении — в процессе эвакуации или разворачивалась на новых местах, не могла полностью удовлетворить потребности РККА. Не хватка вооружения, а не слабое знание русского — главная причина трудностей подготовки киргизских кавдивизий. Но и при ней было необходимо безотлагательно готовить пополнение сражавшимся и несшим потери

Диаграмма 5

Национальный состав 107-й Киргизской кавалерийской дивизии на 7 августа 1942 г.

Составлена по: Акт боевой готовности 107-й Киргизской кавалерийской дивизии, убывающей из состава округа. 7 августа 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 3618. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

войскам. Чем и занимались национальные, в том числе киргизские, кавдивизии.

В то время кавалерии РККА, сражаясь в тяжелейших условиях, пришлось адаптироваться к условиям войны моторов. В наступательных операциях весны и лета 1942 года кавалерийские соединения и части результативно действовали в качестве эшелонов развития успеха фронтов и армий. Но потери и нарастающая нехватка подготовленных конников и лошадей не оставили альтернативы уменьшению их количества к июлю 1942-го почти в 2 раза⁴⁶. Весной Ставка ВГК для сохранения и укрепления боеспособности конницы провела её частичную реорганизацию, расформировала по упомянутым ранее приказам № 0043 и № 0054 ряд кавалерийских корпусов и дивизий, обратила личный, конский состав и вооружение на пополнение других войск. Затем продолжила сокращение согласно приказу наркома обороны № 00144 от 15 июля 1942 года.

Среди кавдивизий, расформированных по трём приказам, национальных было в 3,4 раза меньше их общего числа — 17 из 58. Это доказывает: реорганизация кавалерии проводилась отнюдь не из-за национальных кавдивизий, не из-за языковой проблемы, которой не было в 41 расформированной кавдивизии (71 проц.). И расформирования не имели отношения к знанию кавалеристами русского языка. У Верховного Главнокомандования не было иного пути решения проблем нехватки личного, конского составов и вооружения, сохранения и повышения боеспособности советской конницы, кроме концентрации её сил и вооружений уменьшением количества кавалерийских соединений и частей. И реорганизация кавалерии стала частью преобразований в РККА, результаты которых удостоенный медали Минобороны России «За укрепление боевого содружества» американский военный историк полковник Д.М. Гланц назвал советским военным чудом 1941—1943 гг.⁴⁷

Для объективной оценки значения киргизских и других национальных кавдивизий нужно учесть, что подготовка кавалеристов сложнее и длительнее, чем воинов ряда других родов войск, из-за особенностей взаимодействия с лошадьми, требований к разнообразным навыкам и умениям личного и конского составов. А многие киргизы выросли в сёдлах и приходили в кавдивизии умелыми наездниками, поэтому быстрее, чем впервые севшие на коней в армии, осваивали воинские специальности. Не попавшие на фронт киргизские кавдивизии внесли вклад в Великую Победу тем, что дали сражавшимся коннице и другим войскам обученных воинов и конский состав. А всего Киргизская ССР отправила в действующую армию 365 тыс. человек — каждого четвертого своего жителя, около половины мужского населения. Добровольцы ушли на войну из каждой третьей кыргызстанской семьи. Более 160 тыс. жителей республики отдали жизни за

На занятиях в кавалерийском клубе Иссык-Кульской области

1941 г.

Киргизский Государственный архив
кинофотофонодокументов. Арх. № 0-1429.

Великую Победу⁴⁸. Их доля в общих потерях Вооружённых сил СССР — 1,8 проц., в 2,25 раза превышает соотношение численности населения республики и СССР — 0,8 проц.⁴⁹, убедительно свидетельствуя: кыргызстанцы сражались с фашистскими оккупантами самоотверженно и отважно, не щадя себя.

Убеждения и чувства кыргызстанцев в 1941-м, во время обороны Москвы, отразило получившее широкую известность стихотворение «Мы — москвичи» выдающегося народного поэта Киргизской ССР К.И. Маликова: «Ты нам, Москва, как сердце, дорога,/ К тебе, Москва, не пустим мы врага! <...> Тянь-Шань, Памир — миллионы братских рук/ Тебе на помощь протянули, друг,/ Готовы мы пожертвовать собой,/ Зови, Москва, веди на смертный бой!/ Когда у стен твоих гремят мечи,/ Мы все в такую пору москвичи,/ Мы все — твои бойцы-богатыри,/ Все наши силы, Родина, бери!/ Не отдадим Москвы, не отдадим,/ Народ Москвы в боях непобедим!/ Киргизы, русские — мы все её сыны,/ Мы сердце отстоим своей страны!»⁵⁰.

Защищая огромную страну, кыргызстанцы защищали от смертельной угрозы нацистского порабощения и свою республику, своих родных и близких, и народы соседних республик. В Третьем рейхе планировали создать на территориях пяти азиатских республик СССР рейхскомиссариат Туркестан и в 1941 году сформировали аппарат управления им, чтобы превратить Среднюю Азию в сеть концлагерей, изъять и отправить в Германию всё продовольствие и обречь население на неминуемую гибель⁵¹. Поэтому Великая Отечественная война была общей борьбой всех народов огромной страны за своё будущее, свободу и независимость.

Братскими чувствами народов пронизана публикация «Киргизы» в газете «Красная звезда» публициста, писателя и общественного деятеля

И.Г. Эренбурга, вышедшая в разгар Сталинградской битвы: «Мы знали песни киргизов. Теперь мы узнали их ратные труды. Много русских жизней спасли киргизы. А в далёких степях Киргизии знают, что киргизских девушек спас от немецких захватчиков русский народ. Говорят, что друг познаётся в беде. Мы жили далеко друг от друга, и непохожи леса Смоленщины на степи Киргизии, как непохожи песня о берёзыньке на песни Токтогула (знаменитого киргизского народного акына Токтогула Сатылганова. — **Прим. авт.**). Но вот стряслась беда, и на помощь русским пришли киргизские джигиты. Москва знает. Москва не забудет о верном друге-киргизе»⁵².

И современная Россия помнит. В Минобороны РФ обнародовали вывод о том, «что в годы войны киргизские национальные формирования так же, как и другие республики СССР, сыграли важную роль в победе над общим врагом. Несмотря на то что Киргизская ССР была одной из наименее населённых республик, её жители активно участвовали в боевых действиях, обеспечивая поддержку фронта и тыла»⁵³. «Кыргызы воевали на всех направлениях, — констатировал доктор исторических наук, профессор М.Ю. Мягков, — в Битве под Москвой, в Сталинградской битве, при освобождении советской территории и далее в Европе, и воевали мужественно и отважно»⁵⁴. В том числе тысячи воинов из 109-й Киргизской кавдивизии, направленной на

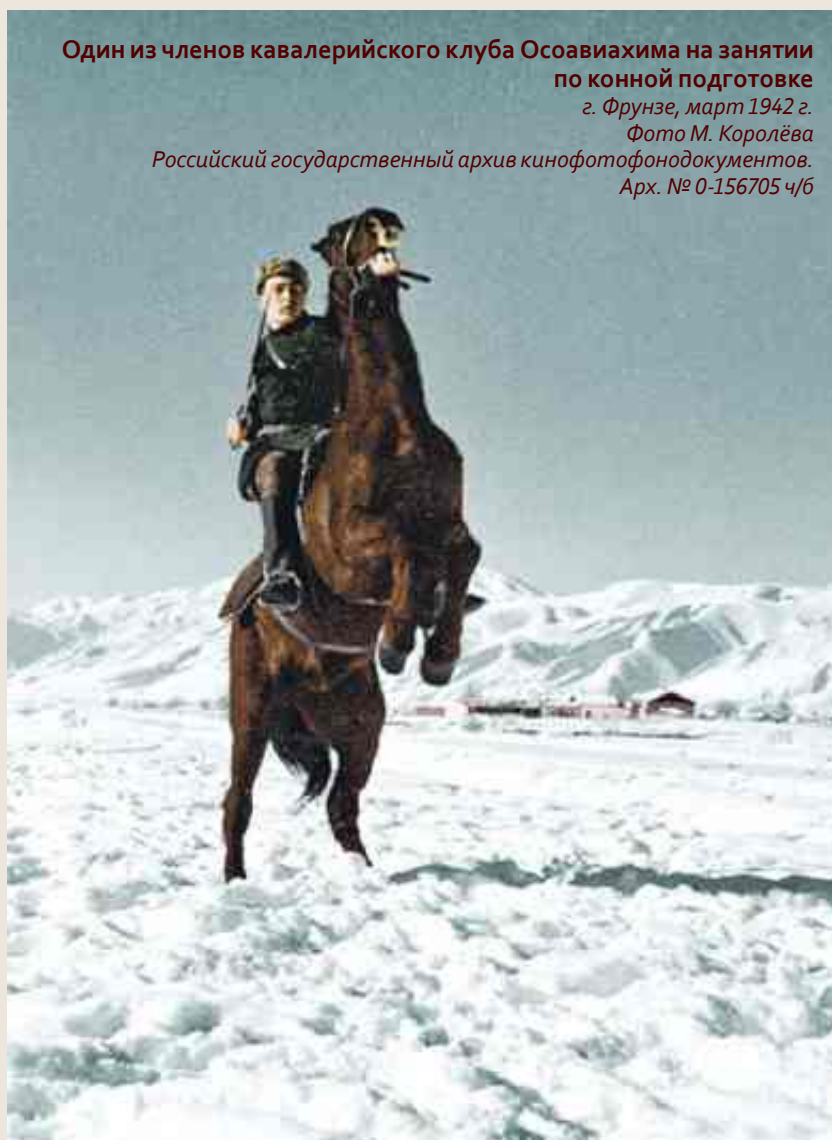
Один из членов кавалерийского клуба Осоавиахима на занятии по конной подготовке

г. Фрунзе, март 1942 г.

Фото М. Королёва

Российский государственный архив кинофотофонодокументов.

Арх. № 0-156705 ч/б

доукомплектование кавалерийских соединений Юго-Западного, Западного, Южного и Калининского фронтов, Московского, Приволжского военных округов и 105-й Казахской кавдивизии⁵⁵. И из 108 кд. И из 107-й Киргизской, обращённой на укомплектование частей воздушно-десантных войск, и других⁵⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальные воинские формирования // Военная энциклопедия (ВЭ) в 8 т. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 435.

² Очиров У.Б. Феномен добровольчества в национальных кавалерийских дивизиях в период Великой Отечественной войны // Сборник статей II Международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в судьбах народов и регионов». Казань, 2025. С. 161.

³ Ефимов А.А., Анохина И.А., Миненко Е.Ю. «Надеюсь, что конногвардейцы ещё не раз распишутся клинками на фашистских черепах...». Военно-политическая деятельность «красного казака» генерал-полковника О.И. Городовикова в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2026. № 3. С. 93.

⁴ Постановление ГКО СССР № 894сс о формировании национальных войсковых соединений. 13 ноября 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 85, 85 об.; Оп. 2. Д. 25. Л. 103—105. Цит. по: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/1339753>.

⁵ В постановлении ГКО № 894сс количество кавдивизий по республикам — 19, на одну меньше указанного в нём общего числа — 20. Но в Казахстане были сформированы не 2, а 3 национальные кавдивизии. Поэтому общее число равно указанному. См. указанное выше постановление ГКО № 894сс, а также: Кавалерия Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны. Постановление ГКО о формировании национальных кавдивизий // Сайт «Дон 1942». URL: <https://don1942.ru/klyatve-ostalis-verny/item/klyatva1-3>.

⁶ Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии. 1918—1945: историко-статистическое исследование. М.: Центрполиграф, 2021. С. 56, 57.

⁷ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 158. Оп. 12829. Д. 71. Л. 45.

⁸ См.: Лазарев С.Е. Сталинский «серый кардинал». Второй этап жизни Ефима Щаденко // Военно-исторический журнал. 2018. № 9. С. 89, 92.

⁹ Директива Ставки ВГК № 005698 о составе кавалерийских корпусов.

На фундаменте духовного наследия Великой Отечественной войны, нашей памяти об общей истории, общих героях и всенародном подвиге творцов нашей общей Великой Победы выстроено сотрудничество России и Кыргызстана. Об этом в ноябре 2025 года в ходе государственного визита Президента РФ В.В. Путина в Кыр-

14 декабря 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 120, 121. Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16(5—1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 336.

¹⁰ Состав кавалерийской дивизии лета 1942 года // Сайт «Дон 1942». URL: <https://don1942.ru/svedeniya-iz-arkhiva-oborony/item/klatva-4-1>.

¹¹ Там же; справка-доклад «О численности и организационной структуре кавалерии за период Отечественной войны» и таблица к нему // ЦАМО РФ. Ф. 43. Оп. 11547. Д. 9. Л. 117, 118. Цит. по: Сайт «Дон 1942». URL: <https://don1942.ru/svedeniya-iz-arkhiva-oborony/item/spravka-doklad-o-chislennosti-i-organizatsionnoj-strukture-kavalerii-za-period-otechestvennoj-vojny-i-tablitsa-k-nemu>; Сводка инспекции кавалерии РККА о ходе формирования 20 кавалерийских дивизий. По состоянию на 5 марта 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1367. Л. 15—17.

¹² Приказ Ставки ВГК № 003 военным советам Волховского, Калининского, Западного, Брянского, Юго-Западного, Южного и Кавказского фронтов, Московского, Архангельского, Северо-Кавказского и Среднеазиатского военных округов о формировании трёх кавалерийских корпусов. 4 января 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 131. Л. 3—5. Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5—2). М.: ТЕРРА, 1996. С. 27.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 43. Оп. 11547. Д. 14. Л. 293.

¹⁴ Акт боевой готовности 107-й Киргизской кавалерийской дивизии, убывающей из состава округа. 7 августа 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 3618. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

¹⁵ Постановление ГКО СССР № 894сс.

¹⁶ Убушаев В.Б., Шарипова Е.П. О создании национальных дивизий в составе Красной армии в союзных и автономных республиках СССР в декабре 1941 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. 2016. № 1. С. 65.

¹⁷ Щербаков Никодим Ефремович (15 августа 1894 — 14 марта 1944), советский военачальник, полковник

кыргызскую Республику заявил её президент С.Н. Жапаров: «На протяжении десятилетий наши народы демонстрировали единство и братскую поддержку, включая годы Великой Отечественной войны, — события, которые навсегда определили нашу общую судьбу и заложили фундамент нынешнего сотрудничества»⁵⁷.

(1940). Врио командира, затем заместитель командира 107-й кавалерийской дивизии (ноябрь 1941 — июль 1942). Подробнее см.: Щербаков Никодим Ефремович // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander2178/?static_hash=3f04640495b9e335694c7bf9518bea95v9.

¹⁸ Аскалепов Василий Семёнович (1 января 1900 — 24 апреля 1948), советский военачальник, генерал-майор (1943), Герой Советского Союза (1944). Командир 108-й (с марта 1942 — 107-й) кавалерийской дивизии (сентябрь 1941 — июль 1942). Подробнее см.: Аскалепов Василий Семенович // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander1488/>.

¹⁹ Стеценко Иван Иванович (7 февраля 1893 — ?), советский военачальник, полковник (1940). Командир 109-й кавалерийской дивизии (ноябрь 1941 — июль 1942). Подробнее см.: Стеценко Иван Иванович // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander2056/>.

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 19. Л. 165.

²¹ Убушаев В.Б., Шарипова Е.П. Указ. соч. С. 66.

²² Керимбаев С.К. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Фрунзе: Илим, 1980. С. 218.

²³ Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики (ЦГА ОПД КР). Ф. 56. Оп. 4. Д. 304. Л. 154.

²⁴ Там же. Л. 154, 155.

²⁵ «Живое серебро» Айдаркена — как освоение рудника решало исход войны // Sputnik Кыргызстан. 2020. 18 апреля. URL: <https://ru.sputnik.kg/20200418/rutut-ajdarken-kombinat-rudnik-vojna-1047904191.html>.

²⁶ Днём и ночью работали даже дети — о «тихом» героизме кыргызстанцев в годы Великой Отечественной войны // Интернет-портал СНГ. 2025. 19 февраля. URL: <https://e-cis.info/news/566/125133/>.

²⁷ ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 304. Л. 167, 168.

²⁸ Там же. Ф. 350. Оп. 15. Д. 26. Л. 355.

²⁹ Там же. Оп. 17. Д. 55. Л. 23.

³⁰ Сводка инспекции кавалерии РККА... Л. 15—17.

³¹ Керимбаев С.К. Указ. соч. С. 217.

³² Штатное число сёдел для каждой кавдивизии — 3394. См.: Сводка Инспекции КА о ходе формирования 20 кавалерийских дивизий. По состоянию на 5 марта 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1367. Л. 15—17.

³³ Подковывание // Большая российская энциклопедия: электронная версия (БРЭ ЭВ). URL: <https://bigenc.ru>.

³⁴ ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 268. Л. 465.

³⁵ В сводке Инспекции кавалерии РККА указан начсостав без разделения на группы, хотя Закон СССР о всеобщей воинской обязанности 1939 г. сохранил деление начсостава на высший, старший, средний и младший. Так как отдельной строкой указана численность младшего начсостава, очевидно, начсоставом в сводке названы занимавшие офицерские должности. См.: Начальствующий состав // ВЭ. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 440.

³⁶ Приказ Ставки ВГК № 0043 военным советам Волховского, Калининского, Западного, Брянского и Южного фронтов, Среднеазиатского, Сталинградского, Северо-Кавказского и Южно-Уральского военных округов, главнокомандующим войсками Юго-Западного и Западного направлений о переформировании кавалерийских соединений. 3 марта 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 48, 49. Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). М.: ТЕРРА, 1996. С. 116.

³⁷ Приказ Ставки ВГК № 0054 о мерах по повышению боеспособности кавалерийских соединений и частей // ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 65—67. Цит. по: там же. С. 132.

³⁸ Там же. Ф. 3618. Оп. 1. Д. 2. Л. 83—92.

³⁹ Керимбаев С.К. Указ. соч. С. 217.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Акт боевой готовности 107-й Киргизской кавалерийской дивизии... Л. 1, 10.

⁴² Кирешеев Н.И. Формирование кадровых воинских частей и соединений в Киргизской ССР в годы Великой

Отечественной войны // Казачество. 2023. № 69. С. 111.

⁴³ Панфилов // ВЭ. Т. 6. М.: Воениздат, 2002. С. 250.

⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 123. Л. 351. Цит. по: Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии... С. 230.

⁴⁵ Акт боевой готовности 107-й Киргизской кавалерийской дивизии... Л. 1, 3, 10.

⁴⁶ Кавалерия // БРЭ ЭВ. URL: <https://old.bigenc.ru/>.

⁴⁷ Гланц Д.М. Советское военное чудо 1941—1943. Возрождение Красной Армии. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 640 с.; Американского военного историка наградили медалью Минобороны России. 2016. 15 февраля // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2016/02/15/glanc/>.

⁴⁸ В годы ВОВ из Кыргызстана было мобилизовано 365 тыс. человек // Sputnik Кыргызстан. 2015. 9 мая. URL: <https://ru.sputnik.kg/20150509/1015440718.html>; Кыргызстан во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Сайт Организации Договора о коллективной безопасности. 2020. 22 апреля. URL: <https://odkb-csto.org/75-letie-pobedy/pobeda-na-vsekh-odna/kyrgyzstan-vovremya-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg/#loaded>; Ушли на фронт из каждой третьей семьи // Sputnik Кыргызстан. 2024. 9 мая. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240509/ushli-na-front-iz-kazhdoy-tretyey-semi--16-arkhivnykh-foto-voinov-kyrgyzstantsev-1084760885.html>; История героизма: вклад кыргызстанцев в Великую Победу // Sputnik Кыргызстан. 2024. 9 мая. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240509/kyrgyzstan-vov-geroizm-pobeda-1084964213.html>; Батилов А. Они защищали родину — истории ветеранов войны из Кыргызстана // Sputnik Кыргызстан. 2025. 19 марта. URL: <https://ru.sputnik.kg/20250319/kyrgyzstan-velikaya-otechestvennaya-voyna-veterany-istorii-1091835622.html>.

⁴⁹ Соотношение потерь мобилизованных из Киргизии и Вооружённых сил СССР рассчитано по данным источников:

Батилов А. Указ. соч.; Кривошеев Г.Ф. и др. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 237, 238, 598. Соотношение населения Киргизии и СССР рассчитано по данным источника: Население // Большая советская энциклопедия в 30 т. 3-е изд. Т. 24. Кн. II. СССР. М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 15.

⁵⁰ Маликов К. Мы — москвичи // Венок славы в 12 т. Т. 2. Битва за Москву. М.: Современник, 1987. С. 357, 358.

⁵¹ Самыловская Е.А., Эйдемиллер К.Ю. Административно-территориальная организация планирования «Рейхскомиссариата Кавказ» и «Рейхскомиссариата Туркестан»: исламский фактор // Россия в Глобальном Мире. 2016. № 8. С. 113—122; Что могло произойти, если бы фашисты дошли до Кыргызстана // Sputnik Кыргызстан. 2025. 17 апреля. URL: <https://ru.sputnik.kg/20250417/kyrgyzstan-vov-pobeda-80-1093385329.html>.

⁵² Эренбург И. Киргизы // Красная звезда. 1942. 3 ноября. С. 3.

⁵³ МО: дивизия из жителей Казахской и Киргизской ССР проявила стойкость в битве за Москву // ТАСС. 2025. 30 января. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23018351>.

⁵⁴ История героизма: вклад кыргызстанцев в Великую Победу // Sputnik Кыргызстан. 2024. 9 мая. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240509/kyrgyzstan-vov-geroizm-pobeda-1084964213.html>.

⁵⁵ Кирешеев Н.И. Указ. соч. С. 110.

⁵⁶ Там же. С. 111.

⁵⁷ Российско-киргизские переговоры. 26 ноября 2025 г. Бишкек // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78557>; Садыр Жапаров: Россия для Кыргызстана — союзник, партнёр и друг // Кыргызское национальное информгентство «Кабар». 2025. 26 ноября. URL: <https://ru.kabar.kg/news/sadyr-zhaporov-rossiya-dlya-kyrgyzstana-strategicheskij-soyuznik-nadezhnyj-partner-i-dobryj-drug/>.

A.Yu. Lashkov, U.K. Alaichiyev

«WE ARE ALL YOUR BRAVE FIGHTERS. TAKE ALL OUR STRENGTH, MOTHERLAND!»

Formation of the Kyrgyz cavalry divisions in 1941—1942

Information about authors. Aleksey Lashkov — senior researcher at the Research Institute for Military History of the Military Academy of General Staff of the Russian Armed Forces, colonel (res.), D. Sc. (Hist.), associate professor (Moscow. Email: lashkov3@yandex.ru); Usen Alaychiyev — doctoral student of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, colonel of the Armed Forces of the Kyrgyz Republic, Cand. Sc. (Mil.) (Moscow. E-mail: usenalaichiev@gmail.com).

Summary. This paper presents the results of a study conducted using documents from Russian and Kyrgyz archives and scientific literature on the formation of three national cavalry divisions in the Kirghiz SSR in accordance with Resolution No. 894ss of the USSR State Defense Committee of November 13, 1941. The analysis revealed that, due to the limited capacity and overburdened military orders of the Kirghiz SSR's industry, it was only able to partially supply the three Kirghiz cavalry divisions with the necessary equipment. The reorganization of the Red Army's cavalry in order to strengthen its combat capabilities in the face of losses, personnel shortages, horses, and weapon shortages sealed the fate of the Kyrgyz and most other national cavalry units. These units were disbanded and used to reinforce cavalry and other troops, thus contributing to the Great Victory through training soldiers and horses for the front lines.

Keywords: Great Patriotic War; Red Army; Red Army cavalry; Kirghiz SSR; Central Asian Military District; national military units; Kirghiz cavalry divisions.

«МЕСТНОСТЬ НА УЧАСТКЕ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА КРАЙНЕ НЕВЫГОДНА ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЯ НАШИХ ВОЙСК...»

Анализ географических элементов оценки района боевых действий
при планировании и ведении операций в ходе Сталинградской битвы
1942—1943 гг.

Сведения об авторе. Стреньков Владимир Павлович — студент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва. E-mail: vstrenkov@gmail.com).

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу учёта элементов оценки района боевых действий при планировании и ведении операций в ходе Сталинградской битвы 1942—1943 гг. В центре внимания находятся характеристики местности, гидрографической сети, климатических и погодных условий, социально-экономические особенности территории, а также роль картографического и метеорологического обеспечения войск. Цель исследования заключается в разработке и апробации методики ретроспективного пространственного анализа, направленной на историческую реконструкцию процесса принятия решений командованием разных сторон на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях. В работе предпринята попытка систематизации традиционных элементов оценки района боевых действий, используемых в российском военном искусстве, и их применения в целях военно-исторического анализа. Полученные результаты ярко демонстрируют значение комплексного учёта природных и антропогенных характеристик местности, а также климатических условий для понимания планирования и хода боевых действий, а также подтверждают целесообразность использования пространственного анализа при исследовании военных операций прошлого. Предложенный подход может быть использован при изучении других сражений Великой Отечественной войны, имеет потенциал к дальнейшему развитию и может быть расширен за счёт привлечения дополнительных пространственных и архивных данных.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война; Сталинградская битва; военная топография; военная география; оценка района боевых действий; пространственный анализ; погодно-климатические условия; П.Я. Языков; М.К. Кудрявцев; Д.Д. Рогачёв.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. заместитель Верховного главнокомандующего Вооружёнными силами СССР, отмечал в своих мемуарах: «Местность на участке Сталинградского фронта крайне невыгодна для наступления наших войск: открытая, изрезанная глубокими оврагами, где противник хорошо укрывается от огня. Заняв ряд командных высот, он имеет дальнейшее артиллерийское наблюдение и возможность во всех направлениях маневрировать огнём»¹. Успех операции «Уран» свидетельствует о том, что все эти особенности местности в должной мере были учтены советским командованием. Возникает вопрос: в какой мере при планировании других операций учитывались не только

характеристики местности, но и иные элементы оценки района боевых действий, включая гидрографические и погодно-климатические условия, а также уровень картографического обеспечения?

Существует достаточное количество исследований, касающихся темы анализа отдельных связанных с географией элементов оценки района боевых действий применимо к сражениям Великой Отечественной войны (к примеру, посвящённые Сталинградской битве² и боевым действиям в Крыму на разных этапах войны³). Также имеются работы, затрагивающие вопросы деятельности служб, ориентированных на снабжение войск информацией, необходимой для оценки обстановки и принятия решений (гидрометеорологической⁴, топографической⁵

служб). Однако, несмотря на это, всё ещё существует необходимость в разработке комплексного подхода к исследованию влияния различных географических ха-

рактеристик местности на принятие решений и ход боевых операций прошлого. Решению именно этой задачи и посвящена данная работа.

Сталинградская битва (17 июля 1942 — 2 февраля 1943 г.) разворачивалась на огромной территории с разным социально-экономическим ландшафтом и разными условиями местности. Кроме того, сама по себе она была одним из наиболее масштабных и значимых сражений Великой Отечественной войны, а её исход положил начало коренному перелому во всей Второй мировой войне. Выбор этого сражения в качестве предмета для применения методики ретроспективного пространственного анализа позволяет рассмотреть её эффективность для всего спектра уровней военных действий — от тактического до стратегического.

Научная новизна исследования заключается в систематизации традиционных элементов оценки района боевых действий и их применении для исторической реконструкции планирования и хода боевых действий. Под «новыми ракурсами» в работе понимается изменение исследовательского фокуса в изучении военных действий прошлого — с описания их хода на реконструкцию учёта пространственных условий при планировании операций и при принятии решений командирами.

Теоретическое обоснование изучения оценки географических характеристик местности в боевых действиях прошлого

В отечественной военной теории влияние различных природных и социально-экономических условий на боевые действия рассматривается в рамках оценки обстановки, в частности — оценки района (зоны) боевых действий⁶. В нашем исследовании предпринята попытка систематиза-

ции элементов оценки района боевых действий с позиций ретроспективного пространственного анализа. Поэтому все проявления влияния местности, климата, гидрографии и социально-экономических условий, учитываемых командиром при принятии решения на бой и операцию, мы будем рассматривать в парадигме географических характеристик местности.

Можно заключить, что географические характеристики — это характеристики, связанные так или иначе с поверхностью, строением, атмосферой Земли, социально-экономическим развитием территории боевых действий и оказывающие влияние на принятие решений командованием. В настоящем исследовании под «географическими характеристиками» понимаются элементы оценки района боевых действий, традиционно выделяемые в отечественном военном искусстве.

Теоретическое осмысление роли географических характеристик местности в военном деле имеет давнюю историю. Ещё К. фон Клаузевиц в трактате «О войне» подчёркивал важное влияние местности на ход боя, выделяя, по сути, одни из важнейших географических условий в военном искусстве — рельеф местности (орография) и природную зональность: «Местность оказывает влияние на военную деятельность трояко: в качестве препятствий, преграждающих доступ; в качестве препятствий, мешающих обзору; и в качестве укрытий от огня; к ним могут быть сведены все остальные»⁷. Резюмируя вклад характеристик местности в ход боевых действий, он отмечал, что они играют лишь второстепенную роль и сказываются на тактике и стратегии довольно слабо, в большей мере проявляясь

на тактическом уровне и чаще в обороне, чем в наступлении⁸. Данное положение отражало уровень развития военной науки XIX века и в дальнейшем было существенно скорректировано в отечественной военной науке.

Через несколько лет после выпуска трактата Клаузевица, где военной географии уделяется недостаточное внимание, наш соотечественник П.А. Языков в своей работе «Опыт теории военной географии» заложил фундамент данной дисциплины. Петра Александровича можно по праву называть одним из основоположников военной географии не только в России, но и в мире⁹. Заложенные П.А. Языковым основы военной географии впоследствии были закреплены в советской системе подготовки командных кадров и уставных положениях¹⁰. Он также одним из первых отметил, что фактор рельефа может положительно сказаться на фортификации войск¹¹.

В конце XIX века военная география зачастую сводилась к описанию района ведения сражений¹² и ограничений, накладывавшихся местностью на действия определённых видов войск¹³. Однако с развитием военной науки и появлением новых видов ВС и родов войск (таких, как авиация, к примеру) начали более ярко проявляться закономерности, связанные с метеорологическими и гидрологическими условиями, влияние которых стало учитываться при планировании боевых действий и организации боевого обеспечения войск и которые из второстепенных характеристик постепенно превратились в полноценные элементы оценки обстановки.

С развитием географии как науки в ней стали появляться социально-экономические

Командующий 62-й армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков вручает гвардейское знамя 39-й гвардейской стрелковой дивизии

на её командном пункте
Фото О.Б. Кнорринга, 3 января 1943 г.
ЦАМО РФ. Ф. 1133. О. 1. Д. 19. Л. 64.

Береговой рельеф реки Волги в районе Сталинграда. Наглядная иллюстрация господства правого берега над левым

Изготовление рельефной карты

Никонов А.В. Подвиг военных топографов в годы Великой Отечественной войны // Вестник Сибирской государственной геодезической академии. 2015. № 2(30). С. 172.

разделы, изучающие влияние деятельности человека на географические ландшафты, а также пространственные аспекты хозяйственной деятельности. Вместе с этим становится очевидным факт влияния самой этой деятельности на ход боевых действий, возникает необходимость в учёте и изучении этого влияния.

В настоящем исследовании систематизируются несколько основных географических условий местности, влияющих на принятие решений командиром и в целом на стратегию и тактику.

Социально-экономическое развитие территории в районе боевых действий

Социально-экономические условия традиционно учитываются при оценке обстановки, поскольку они определяют характер местности, возможности маскировки, снабжения, манёвра, наступления и обороны. К ним можно отнести, к примеру, наличие пахотных земель, каналов, терриконов, шахт, дорог и т.д., а в целом — урбанизацию территории. Несмотря на то что эти характеристики, в отличие от большинства других, не относятся к физической географии, они являются важными для понимания взаимосвязей между пространственным расположением объектов социально-экономической деятельности человека и их влиянием на планирование и ход боевых действий. Данные характеристики — одна из основных сфер изучения военной географии, а точнее, военного страноведения и географии театра боевых действий, в зависимости от масштаба¹⁴.

Рельеф местности (орография территории боевых действий)

Он входит в сферу интересов военной географии (география театра боевых действий) и военной геологии (геологи-

ческое обоснование фортификации)¹⁵. Рельеф местности является одним из базовых элементов оценки района боевых действий, поскольку определяет условия наблюдения, огневого поражения, манёвра и инженерного оборудования позиций.

Природная зональность

Она определяет защитные свойства местности, условия управления войсками и накладывает ограничения на использование техники. Изучается географией театра боевых действий.

Климат и погодные условия в районе боевых действий

Это сфера интересов военной метеорологии¹⁶. Стоит отметить, что это динамический элемент обстановки, способный существенно влиять на темпы и формы ведения боевых действий, а также на применение авиации, артил-

М.К. Кудрявцев

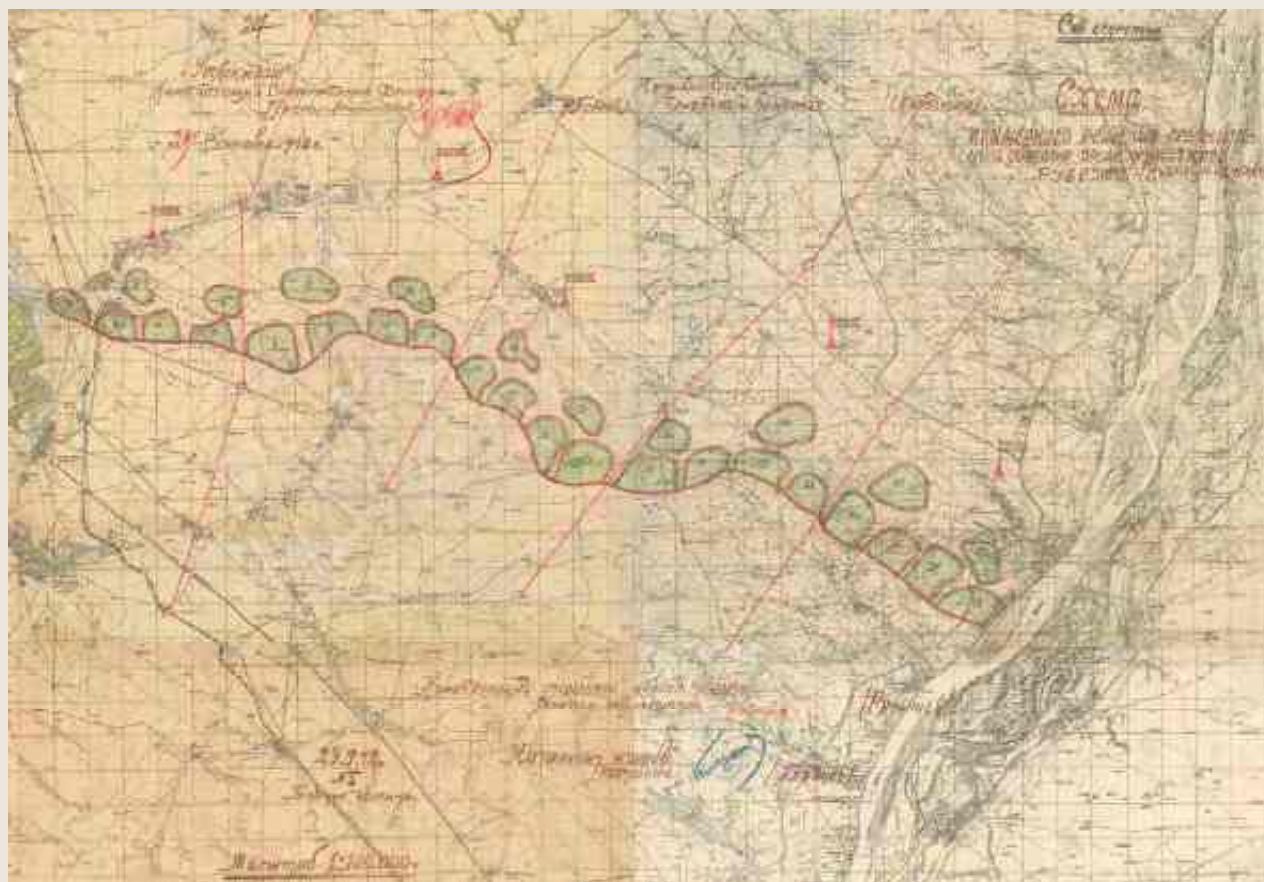
лерии, обеспечение снаряжением, состояние войск, нередко снижая их боеспособность в силу определённых погодных условий.

Гидрографические характеристики местности

Они изучаются военной гидрологией¹⁷. Водные объекты (реки, каналы, моря и т.д.) и их режимы влияют на логистику, манёвры войск, использование флотилий и флотов. Традиционно учитываются при оценке обстановки, особенно при планировании обороны и форсирования водных преград, создании переправ. Одно из проявлений — особенности берегового рельефа. Для большинства рек европейской части бывшего СССР характерно асимметричное строение берегов. Разница между высоким крутым правым и пологим низменным левым берегами достигает до 100 м, давая возможность просматривать местность на левом берегу на расстоянии до 20—25 км¹⁸.

Картографическое обеспечение

Оно занимает особое место в структуре оценки района

Пример военно-топографического документа масштаба 1 : 100 000. Схема примерного решения организации обороны промежуточного рубежа Кузнецов — Дубовка

ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 262. Д. 23. Л. 27.

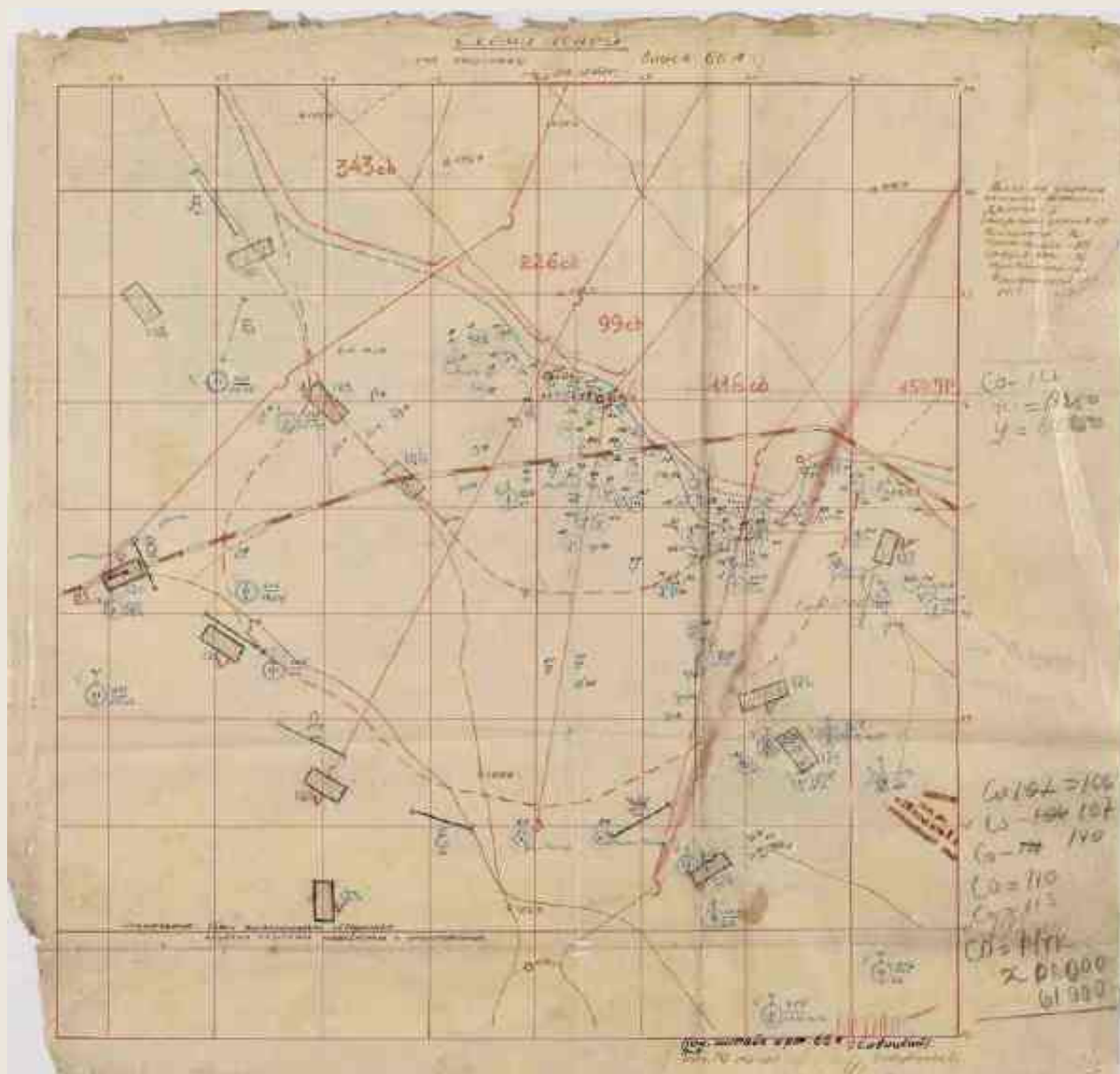
боевых действий. Сфера его реализации — военная топография¹⁹ со своими методами и спецификой, обеспечивающая командиров и штабы картографическими материалами, необходимыми для ориентирования, оценки местности и принятия решения. Карты и иные картографические данные не образуют отдельного элемента обстановки, а выступают основным инструментом оценки её компонентов (рельеф, гидрография, дорожная сеть, населённые пункты и др.). В отечественной военной теории карта рассматри-

вается как основной рабочий инструмент командира²⁰.

Выделенные нами элементы представляют собой систематизацию традиционных компонентов оценки района боевых действий, используемую в работе в целях ретроспективного пространственного анализа боевых действий. Данный подход позволяет с позиции исследователя военной истории наглядно выявить роль как отдельных пространственных характеристик в планировании и ходе боевых действий, так и всего комплекса в совокупности.

Применение методики комплексного ретроспективного пространственного анализа планирования и хода боевых действий на примере Сталинградской битвы

В рамках настоящего раздела предпринята попытка исторической реконструкции учёта элементов оценки района боевых действий в процессе подготовки и принятия командованием решений при планировании и ведении операций в ходе Сталинградской битвы. Подробно рассмотрим этап непосредственно боёв

Пример артиллерийской карты. Схема целей на участке войск 66-й армии (командующий генерал-майор А.С. Жадов) Донского фронта на 29 декабря 1942 г.
ЦАМО РФ. Ф. 11107. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

за город (13 сентября — 18 ноября 1942 г.), а также операций «Уран» (19—30 ноября 1942 г.) и «Кольцо» (10 января — 2 февраля 1943 г.).

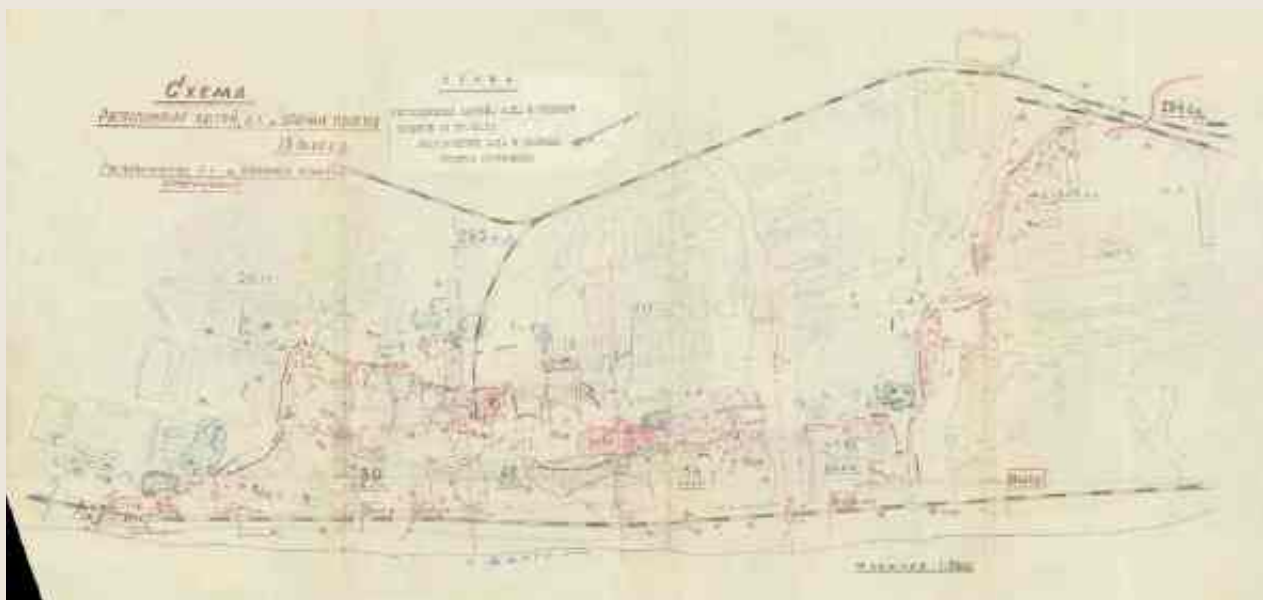
Начнём с рассмотрения картографического обеспечения войск как одного из ключевых элементов оценки района боевых действий. На начальном этапе войны Военно-топографическое управление (ВТУ) Генерального штаба РККА под руководством бригаднёра (с 21 мая 1942 г. — генерал-майора, а с 1 сентября 1943 г. — генерал-лейтенанта технических войск) М.К. Кудрявцева²¹ столкнулось с рядом критических трудностей: уничтожение картографических складов на границе²² и, как следствие, недостаток точных и актуальных карт зоны боевых действий²³, недостаток инструментов и мощностей для съёмки и дальнейшего производства данных карт²⁴, в конце концов острая необходимость проведения топографической съёмки огромной территории и снабжения подразделений картами. Указанные трудности напрямую снижали возможность полноценного учёта характеристик местности (и в целом управления войсками) при планировании операций.

Однако ко времени битвы за Сталинград данные проблемы в значительной мере были уже решены. Были проведены мероприятия по подготовке актуальных топографических карт основных рабочих масштабов — 1 : 100 000²⁵ и крупнее. Для нужд артиллерийских подразделений на основе аэрофотоснимков составлялись крупномасштабные топографические карты, на которых были отмечены все оборонительные сооружения противника²⁶. Для отдельных нужд, таких как оформление журналов боевых действий, выделялись карты гораздо более точные — масштаба до 1 : 5000²⁷. Использование карт различных масштабов позволяло командованию решать задачи разного уровня — от оперативного планирования до тактического управления подразделениями и огневого поражения противника. Были решены также проблемы со снабжением войск картографическим материалом: в войска поступило свыше 73 млн экземпляров топографических карт²⁸.

Кроме того, были случаи, когда специально для нужд Ставки Верховного Главнокомандования создавались новые специализированные топокарты,

как, например, карты рельефа в районах действия Донского и Сталинградских фронтов. Они были изготовлены топографическим отделом штаба 23-й армии Ленинградского фронта в условиях катастрофической нехватки материалов в блокадном Ленинграде. Эти карты представляли собой нетрадиционное для того времени решение. Дело в том, что на них высоты рельефа обозначались не изолиниями, а последовательно наложенными друг на друга слоями картона²⁹.

Такой скачок в качестве картографического снабжения во время Сталинградской битвы, ставшей рубежным событием для военно-топографических служб, произошёл среди прочего благодаря отлаженному активному взаимодействию ВТУ Генштаба с топографическими службами фронтов — Юго-Западного, Сталинградского, Донского, в т.ч. для создания подробных карт-планов операции «Уран» и операции «Кольцо»³⁰. Также, к примеру, при подготовке к уничтожению окружённой группировки противника производились аэрофотосъёмки его позиций, а для некоторых, особо важных участков — неоднократно с последующим впечатыванием

Пример карты масштаба 1 : 5000. Одна из карт журнала боевых действий
13-й гвардейской стрелковой дивизии
ЦАМО РФ. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 4. Л. 66.

Командир 39 гв. сд 62 А Сталинградского фронта генерал-майор С.С. Гурьев принимает гвардейское знамя, которым награждена дивизия. На фото видны характерные особенности рельефа местности г. Сталинграда
3 января 1943 г.

Солдаты немецкой 389-й пехотной дивизии на территории завода «Красный октябрь»
г. Сталинград, 1942 г.

в карты данных о расположении частей врага, его артиллерии и т.д.³¹

Всё это напрямую влияло на возможности штабов по оценке обстановки, уточнению положения противника и планированию операций. Благодаря кропотливой работе ВТУ учёт характеристик местности стал более эффективным, чем на начальном этапе войны, грамотно использовался командирами и штабами.

Рельеф местности и природная зональность здесь фактически неотделимы друг от друга — испещрённые балками и оврагами Сальские степи были преградой для механизированных соединений³². Эти балки очень удачно использовались для обороны советскими войсками — они часто оборудовали в них огневые рубежи, создавая дополнительную угрозу технике противника. Однако немецкие войска также использовали эту особенность местности в своих целях, занимая там оборону и укрываясь от огня советской артиллерии. Отсутствие лесного покрова и равнинный характер рельефа делали видимость в степи «идеальной — километров на восемь—десять»³³.

В таких условиях особенно важным становилось удержание высот, господствовавших над местностью и обеспечивавших хороший её обзор. Самой известной из них, безусловно, является высота 102 — знаменитый Мамаев курган, где был оборудован командный пункт 62-й армии Сталинградского фронта, что подчёркивает значение данной высоты не только в тактическом, но и в оперативном управлении войсками. За эту высоту шли ожесточённые бои. Советская сторона сумела грамотно определить и учесть её значимость, подготовив Мамаев курган к долгосрочной обороне.

Другой важной высотой была Лысая гора (145,5 м) в южной части города и расположенная рядом высота 142,2. Первая,

господствующая, была под контролем немецких войск, вторая оборонялась 64-й армией под командованием генерал-майора (с 31 декабря 1942 г. — генерал-лейтенанта) М.С. Шумилова. Советскому командованию удалось грамотно использовать балку, отделявшую высоты друг от друга, для снабжения войск и продолжения обороны³⁴.

Однако и немецкое командование умело использовало рельеф местности, в т.ч. особенности овражно-балочной сети. Во время первого штурма города немецкие войска, продвигаясь по балке Купоросной, рассекли нашу оборону и вбили клин между 62-й армией Сталинградского фронта (с 28 сентября 1942 г. — Донской фронт, 62-я армия переподчинена новообразованному Сталинградскому фронту) и 64-й армией Юго-Восточного фронта (с 28 сентября 1942 г. — Сталинградский фронт)³⁵, что свидетельствует об учёте особенностей местности сражавшимися сторонами.

Степная зона к югу от Сталинграда, особенно в условиях зимы, стала прекрасной площадкой для успешного применения кавалерии. При планировании операции «Уран» именно этому роду войск была отведена важная роль. Действуя в сложных погодных условиях, которые при сочетании с характеристиками местности делали невозможным массовое применение моторизованных соединений, кавалеристы 4-го кавкорпуса (командир генерал-лейтенант Т.Т. Шапкин), используя имевшиеся в данной ситуации преимущества, быстрым ударом перерезали важнейшую железную магистраль, шедшую от Сталинграда на Калач и далее на запад, в нескольких местах³⁶.

Рассмотрим теперь влияние особенностей социально-экономического развития на характер боевых действий и принимавшиеся командованием решения, прежде всего

Д.Д. Рогачёв

в условиях городской застройки. Городская инфраструктура вынуждала стороны сражаться не только за географические объекты вроде высот и оврагов, но и за заводы, их цеха, улицы, дома и даже балконы, чердаки и подвалы, канализационные шахты и т.д. Стороны вели тяжёлые уличные бои в урбанизированной местности с соответствующими ограничениями (в использовании бронетехники, например). Американский исследователь У. Крейг справедливо отметил, что «степной блицкриг застрял на улицах Сталинграда»³⁷. Подобные условия определяли саму специфику боевых действий, вынуждая командование обеих сторон адаптировать тактику под городскую местность.

Говоря об операциях «Уран» и «Кольцо», можно отметить влияние слабого развития дорожной сети на характер боевых действий. Плохое состояние дорог, которые чаще всего не имели твёрдого покрытия, существенно ограничивало оперативную подвижность и усложняло маневрирование немецких механизированных войск — трёх танковых и трёх механизированных дивизий, ряда частей 4-й танковой ар-

мии (командующий генерал-полковник Г. Гот) — в условиях советского наступления.

Влияние социально-экономических условий проявлялось также в косвенных, но весьма ощутимых для боеспособности противника формах. Широко известен эпизод, иллюстрирующий интересный, хотя и неочевидный факт влияния социально-экономического развития территории на ход боевых действий в операции «Уран». Стремительное немецкое наступление на Сталинград сорвало уборочную кампанию, в результате чего огромное количество зерна просто осталось лежать на земле, что стало идеальным условием для массового размножения полевых мышей. С наступлением сильных морозов мыши стали искать себе убежища. Такими «тёплыми местечками» оказались немецкие танки, укрытые для маскировки соломой, от прогревавшихся периодически двигателей которых исходило тепло. Сооружая себе «зимние квартиры» внутри боевых машин, мыши перегрызали электропроводку, выводя танки из строя.

Столь печальная участь постигла 22-ю танковую дивизию (тд) вермахта — единственное соединение 48-го танкового корпуса, которое сохраняло относительную боеспособность (1-я румынская танковая дивизия была укомплектована лёгкими чехословацкими танками Š-II-a, в румынскую армию они поступили под обозначением «лёгкий танк R-2», не выдерживавшими конкуренции с советскими Т-34, а 14 тд понесла значительные потери за период уличных боёв)³⁸. Когда началось советское наступление, 22-я дивизия пришла в район сосредоточения, имея вместо 104 танков только 42, остальные были либо выведены из строя «мышами-партизанами» (34 танка), либо же вследствие резкого похолодания не могли совершить марш из-за отсутствия специальных шипов для гусениц³⁹.

Перейдём к гидрографическим характеристикам района боевых действий, имевшим существенное значение при организации снабжения, манёвра и управления войсками. Безусловно, доминантой в этой местности является широкая (до 1,5 км, а с учётом островов до 4 км) судоходная река Волга с рядом островов (Спорный, Зайцевский, Голодный), а также с некоторыми правобережными притоками (в черте города: Царица, Орловка, Сухая и Мокрая Мечётки).

Характеристики Волги в районе города делали реку удобным районом для применения речных флотилий. В оперативном подчинении Сталинградского фронта под командованием генерал-полковника А.И. Ерёменко находилась Волжская военная флотилия (ВВФ), возглавляемая контр-адмиралом Д.Д. Рогачёвым⁴⁰. Она обеспечивала снабжение 62-й армии (командующий генерал-лейтенант В.И. Чуйков) в период, когда

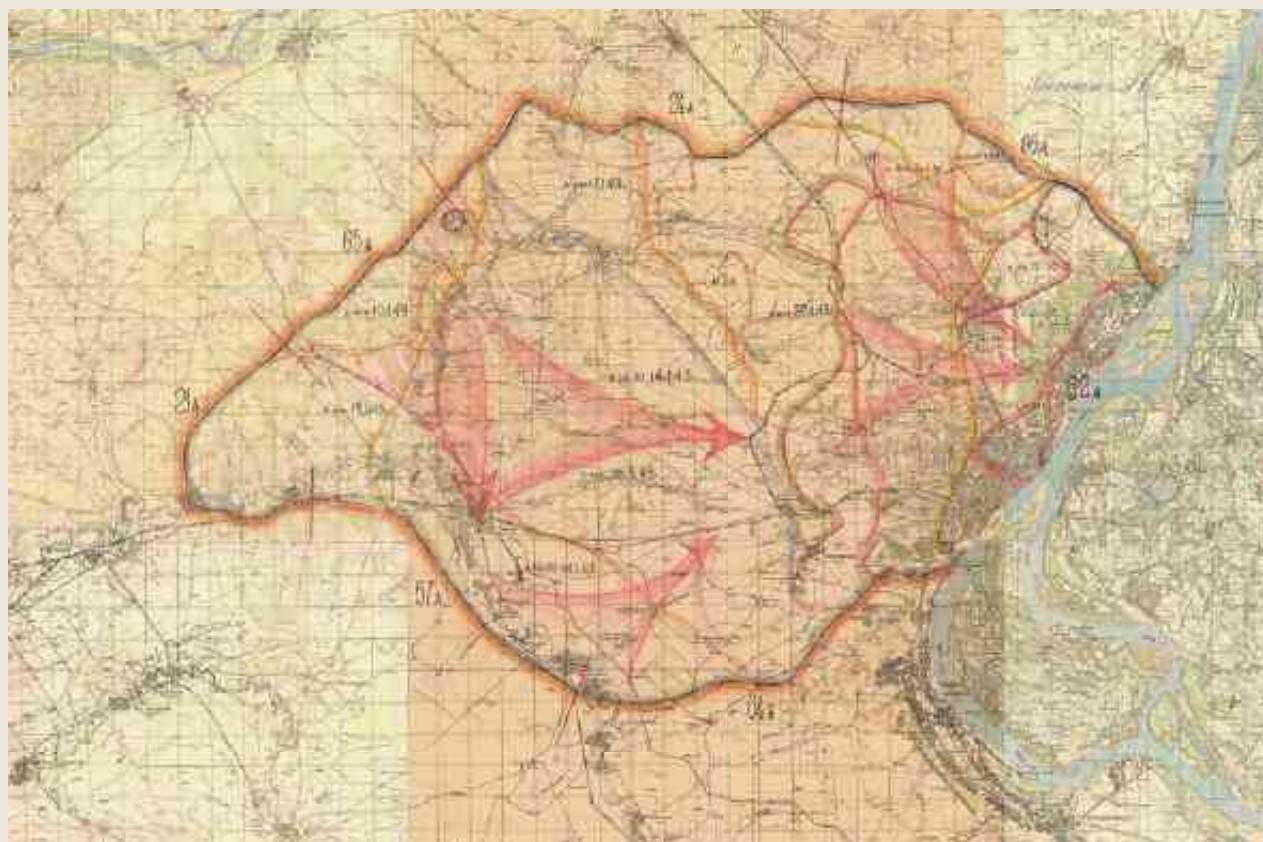
та была по суше отрезана от тылов и других соединений Сталинградского фронта, что позволяло советскому командованию сохранять устойчивость обороны и управляемость соединениями в условиях изоляции.

Также флотилия осуществляла переброску войск с одного берега Волги на другой, рокируя подразделения, эвакуацию раненых и беженцев, осуществляла артиллерийскую поддержку войск в городе. В ведении флотилии были перевозки грузов по Волге, в том числе для снабжения группировки советских войск на Кавказе. Для обеспечения выполнения всех этих задач необходимы были надёжные речные коммуникации в условиях периодического изменения профиля речного дна. Поэтому на Волге даже в условиях боевых действий — постоянных налётов авиации, минирования фарватеров и артобстрелов — регулярно проводились дноуглубительные работы. Это обеспечивало

непрерывность функционирования речных коммуникаций, несмотря на активное противодействие противника. Также силами ВВФ были осуществлены высадка, а потом снятие десанта в районе Латошанки близ северной окраины города.

Таким образом, Волга летом—осенью 1942 года выступила надёжным тылом 62-й армии и удобной артерией для снабжения войск. Однако существовала угроза форсирования реки немецкими частями. Для предотвращения этого в районе островов советская сторона держала часть сил 300-й стрелковой дивизии (до 10 тыс. человек)⁴¹.

Вклад ВВФ в оборону Сталинграда трудно переоценить. Однако наступивший в конце осени ледостав сначала частично, а затем и полностью парализовал действия Волжской военной флотилии. Уже 1 ноября начался переход части кораблей в Гурьев, Астрахань и другие места зимовки (переход был закончен к 22 ноя-

Карта-план боевых действий общевойсковых армий в операции «Кольцо»
ЦАМО РФ. Ф. 368. Он. 6476. Д. 89. Л. 95.

бря)⁴², а к 17 декабря были выведены и все оставшиеся в районе города бронекатера. С этого времени и до конца битвы ВВФ полностью прекратила перевозки по реке⁴³. Ледостав сказался также и на артиллерийской поддержке кораблями флотилии 62-й армии. В районе Сталинграда остались лишь немногочисленные канонерские лодки, в результате чего огневая мощь ВВФ заметно снизилась. Во второй половине декабря были периоды, когда флотилия не вела боевых действий⁴⁴.

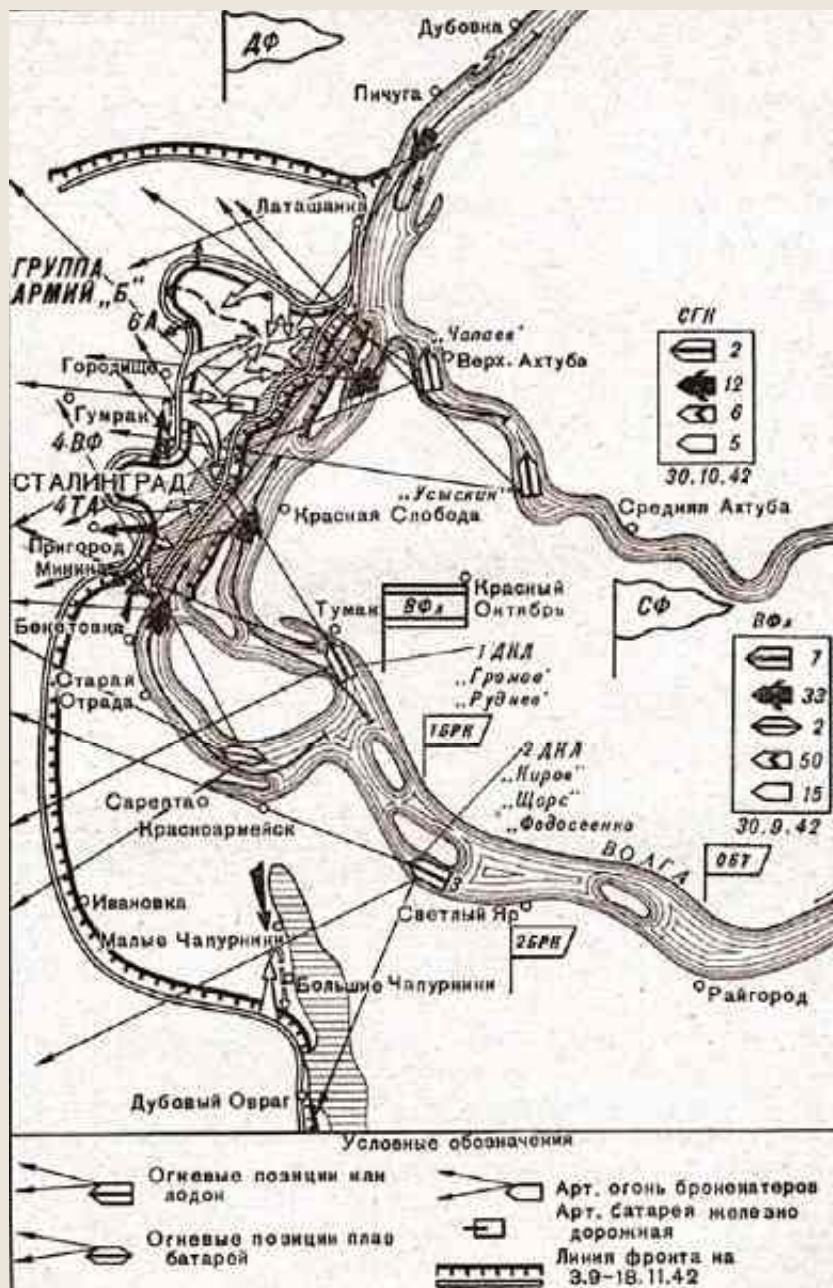
Решающую роль в битве за Сталинград играли переправы через Волгу — артерии жизни для сражавшихся в городе войск. Противнику так и не удалось получить контроль над этими коммуникациями, в т.ч. и из-за содействовавших советским войскам условий местности. Особенности русла реки (изгибы и наличие многих островков) мешали немецким артиллеристам вести фланкирующий обстрел (огонь, ведущийся с флангов укрепления или линии обороны) переправ и серьёзно нарушать их работу⁴⁵. Оборонявшиеся соединения и части Красной армии умело использовали особенность рельефа — более высокий правый берег (на котором находился сам город). Это позволяло сооружать в толще склонов подземные туннели, фактически незаметные для противника, служившие надёжными и безопасными складами боеприпасов, горючего, убежищами для личного состава и раненых и даже «гаражами» для установок РС «Катюша»⁴⁶.

К влиянию характеристик гидрографической сети местности на ведение боевых действий можно отнести также эпизоды, связанные с использованием плацдармов по рекам. И тут нужно сказать, что данный фактор немецкое командование недооценило. На совещании высшего военного руководства Третьего рейха, проходившем

в ставке «Вервольф» под Винницей 12 сентября 1942 года, фюрером Германии А. Гитлером было принято решение отказаться от ликвидации советского плацдарма на реке Дон в районе Серафимовича. Это решение оказалось «миной замедленного действия, с грохотом взорвавшейся в ноябре 1942 г.»⁴⁷, ведь именно с этих оставшихся в руках советских войск территорий на правом бе-

регу Дона пошли в бой дивизии и корпуса, замкнувшие северный фас окружения 6-й полевой армии вермахта.

Река Дон на данном этапе не повлияла значительно на ход боевых действий, однако можно вспомнить, что в период боёв в излучине Дона в июле—августе 1942 года этот водный рубеж оказался непреодолимым препятствием для оборонявшихся в излучине реки

Огневая поддержка сухопутных войск артиллерией кораблей Волжской военной флотилии в районе Сталинграда (23 августа — 18 ноября 1942 г.)

Локтионов И.И. Волжская флотилия в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1974. С. 53.

соединений 62-й армии. Немецкая авиация уничтожила все переправы через реку, отрезав пути к отходу, что привело к окружению большей части армии⁴⁸.

Теперь — про климат и погодные условия в районе боевых действий. Необходимо отметить, что к моменту начала Сталинградской битвы сфера гидрометеорологического обеспечения войск функционировала в достаточной мере

эффективно. На нужды армии работали Центральный институт погоды⁴⁹, а также все ресурсы Главного управления Гидрометеорологической службы (ГУГМС), представители которой имелись при каждом фронте⁵⁰. Также в обеспечении войск метеорологическими данными участвовали авиаметеорологические бюро армий⁵¹.

Чтобы оценить и наглядно проиллюстрировать влияние погодных условий на характер

боевых действий в Сталинградской битве, используем данные, полученные с помощью геоинформационной системы climatereanalyzer.org, позволяющей создавать карты климатических аномалий. Выбрав за основу период 1961—1990 гг. — опорную климатическую норму по рекомендации Всемирной метеорологической организации, т.е. период, когда наблюдались наименьшие средние отклонения от общих норм, мы можем создать карту отклонений, на которой аномалии будут более заметны.

Рассмотрим три карты, отображающие отклонения температуры от нормы в ноябре, декабре 1942 года и в январе 1943 года. Средняя температура месяца в зоне боевых действий в холодный период была ниже нормальной на 3—7°C (в абсолютных значениях температура в январе доходила до -31°C)⁵².

По карте относительного отклонения глубины снежного покрова (в проц.) для сезона ноябрь 1942 — январь 1943 года видно, что разница между средним значением глубины снежного покрова и опорной климатической нормой достигает до отметки в 110 проц., т.е. более чем в два раза больше нормы.

Все эти условия — аномальные морозы, глубокий снег и метели — создали критически сложные условия для ведения боевых действий, что подтверждается историческими исследованиями и документами. Немецкие войска в целом не были готовы к таким погодно-климатическим испытаниям. Не хватало продовольствия, не было в достаточном количестве зимнего обмундирования. Это значительно снижало боеспособность гитлеровских войск, а иногда приводило к их полной деморализации⁵³. Кроме того, противник в целом не обладал достаточным опытом ведения боевых действий в сложных зимних условиях (особенно румынские и итальянские

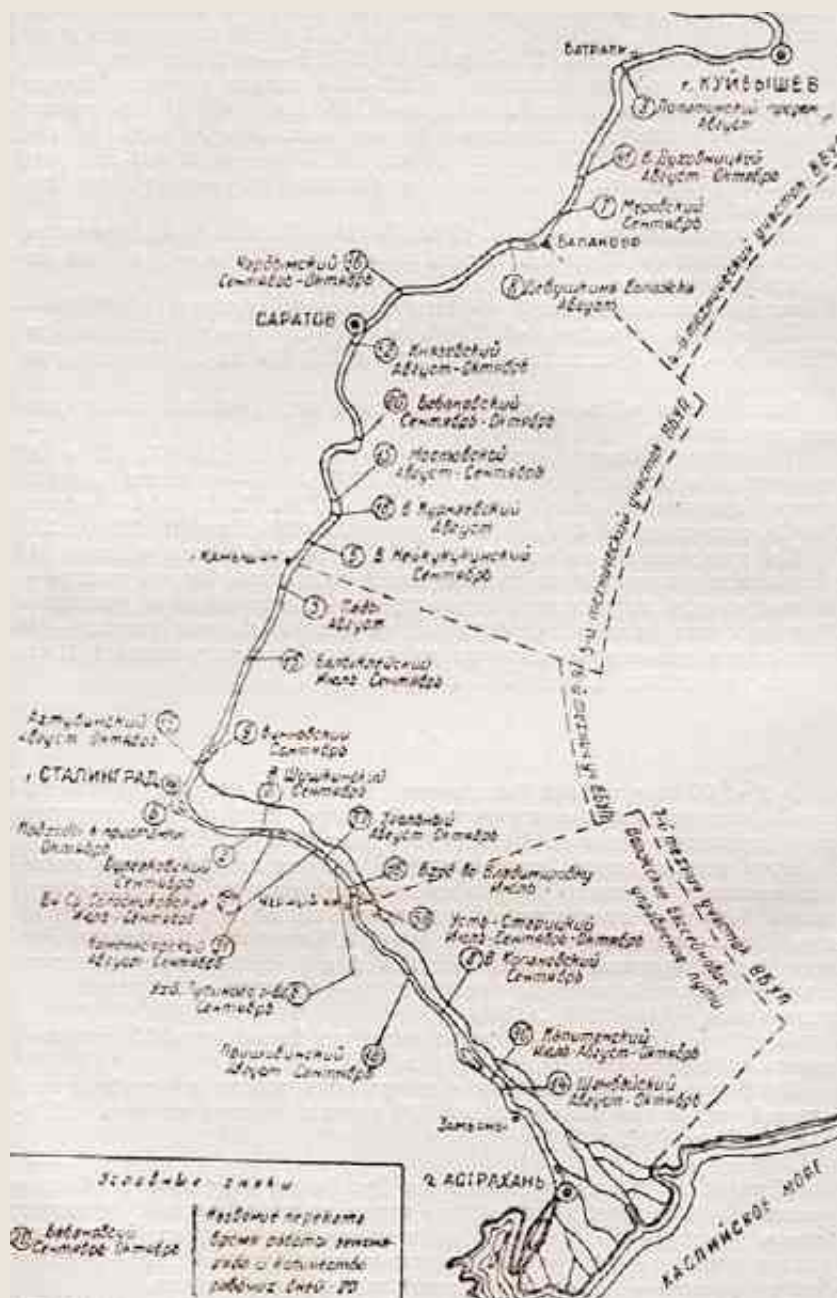

Схема перекатов реки Волги, на которых производились дноуглубительные работы в 1943 г.

Хроника боевых действий Волжской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза. Вып. 2 (Борьба за Волжскую коммуникацию). М.: Воениздат, 1947. С. 150.

части), что приводило к ряду просчётов вермахта. К примеру, ошибки при рекогносцировке местности. Дело в том, что зимой изучение одной только топографической карты является недостаточным для оценки условий и характера местности⁵⁴.

Однако с трудностями ведения боевых действий, снабжением войск в условиях русской степной зимы сталкивались и войска Красной армии. Честь и слава нашим бойцам и командирам, выжившим и победившим в этих сражениях. Как писал поэт А.Т. Твардовский, «немец-барин не привык, русский стерпит — он мужик...». Вместе с тем погодно-климатические условия являлись динамическим элементом обстановки, влияние которого проявлялось не столько напрямую, сколько через степень готовности войск к действиям в зимний период. Более отлаженная работа советских служб по обеспечению войск информацией о погоде позволила командованию РККА более грамотно планировать перегруппировки (с учётом несущей способности льда р. Волги), снабжение и боевые операции⁵⁵.

Как видим, важным действующим лицом в Сталинградской битве оказался «генерал Мороз». Сложные погодные условия по-разному повлияли на противоборствующие стороны, в первую очередь из-за разной степени подготовки к ним. Немецкие войска к боевым действиям в зимний период оказались недостаточно подготовлены, что повлекло за собой негативные последствия не только в 1941, но и в 1942 году под Сталинградом. Подобный подход соответствует выводам современных российских исследователей, рассматривающих погодные условия в неразрывной связи с организацией управления и снабжения войск⁵⁶.

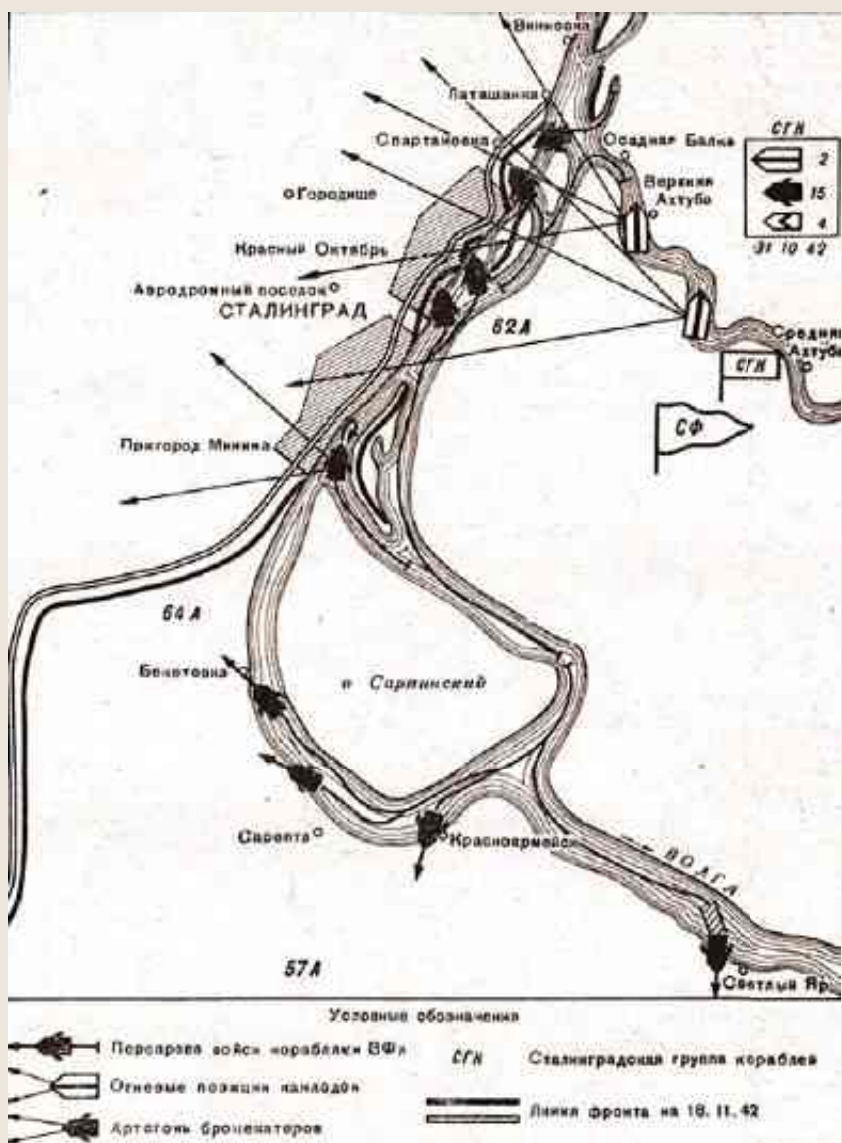
Нельзя не отметить также, что и действия советской стороны значительно осложнялись из-за трудных климати-

ческих условий: ледостав на Волге сильно ограничил возможности ВВФ и обеспечение действий 62-й армии. Немецкая сторона также испытывала серьёзные затруднения в снабжении окружённой германской 6-й армии (командующий генерал-полковник, с 30 января 1943 г. — генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс). Нелётная погода в это время года — густые туманы и сильные метели — осложняла применение немецкой транспортной авиации, в результате чего в декабре 1942 года доставка грузов окружённой группировке войск

была практически полностью парализована⁵⁷.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, важное значение в определении стратегии и тактики боевых действий в Сталинградской битве имел уровень картографической обеспеченности войск, поскольку военно-топографические карты являются основным инструментом отражения орографических, гидрографических и социально-экономических характеристик местности, исполь-

Артиллерийская поддержка сухопутных войск и переправа личного состава и грузов через Волгу кораблями и судами Волжской военной флотилии в районе Сталинграда (19 ноября 1942 — 2 февраля 1943 г.).

Заметно снизилась интенсивность боевых действий флотилии Локтионов И.И. Волжская флотилия в Великой Отечественной войне.

М.: Воениздат, 1974. С. 111.

зуемых командованием при оценке района боевых действий и планировании операций. Существенную роль при этом играет и организация снабжения войск актуальной информацией о погодноклиматических условиях.

Во-вторых, анализ показывает, что сторона, обладающая инициативой, как правило, способна более эффективно использовать географические условия в своих интересах, что во многом определяется уровнем снабжения информацией о них. В противоположность этому сторона, инициативой не обладающая, чаще испытывает негативное влияние тех же факторов, что приводит к снижению эффективности её действий.

В-третьих, каждый из выделенных географических элементов оценки обстановки оказывает самостоятельное и значимое влияние на

планирование и ход боевых действий, однако наибольший эффект проявляется при их комплексном учёте при принятии командиром решения.

В районе Сталинградской битвы географические условия оказывали разнообразное и отчётливо выраженное влияние на ход боевых действий, прежде всего на оперативно-тактическом уровне. Существенным фактором успеха советской стороны стало наличие к этому времени отлаженной системы обеспечения войск информацией о характеристиках местности и погодноклиматических условиях, что способствовало чёткому планированию операций.

В заключение следует отметить, что предложенный нами подход имеет потенциал к значительному расширению. В рамках данной статьи анализ охватывает весь спектр географических усло-

вий района боевых действий, что неизбежно ограничивает глубину рассмотрения отдельных аспектов. Перспективным направлением дальнейших исследований видится привлечение расширенных массивов данных, в т.ч. сведений о геологическом строении территории, что позволит более детально анализировать вопросы выбора местности для фортификационного оборудования и организации обороны⁵⁸. Аналогичным образом использование архивных метеорологических и гидрологических данных открывает возможности для выявления новых закономерностей и взаимосвязей. Отдельного внимания заслуживает ретроспективный пространственный анализ боевых действий, разворачивавшихся в одной и той же местности при различной оперативно-стратегической обстановке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления в 2 т. Т. 2. М.: Новости, 1975. С. 85.

² Брылёв В.А., Дьяченко Н.П., Перцева А.И. Природные условия района Сталинградской битвы // Грани познания. 2017. № 2(49). С. 2—6; Домнин А.И. Географический фактор в Сталинградской битве (оборонительный период) // Военный академический журнал. 2022. № 2(34). С. 85—102; Кринко Е.Ф. Роль природного фактора в сражениях Великой Отечественной войны на юге России в 1942—1943 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 40—46; Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Артюхин Ю.В. Влияние природных факторов на ход и характер боевых действий в большой излучине Дона во время Великой Отечественной войны // Вестник Южного научного центра РАН. 2014. Т. 10. № 2. С. 83—92.

³ Стогний Д.Ю. Военно-топографическое обеспечение боевых действий в Крыму в 1941—1944 годах // Путь к Победе. Октябрь 1.0: Всероссийская научно-практическая конференция к 80-летию начала героической обороны Севастополя 1941—1942 гг.: сборник материалов (Севастополь, 14—16 октября 2021 г.). Симферополь: Антикава, 2021. С. 162—173.

⁴ Прямыцын В.Н. Деятельность отечественных государственных органов

по развитию военной гидрометеорологии (1876—1945 гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2019. 532 с.

⁵ Долгов Е.И., Сергеев С.В. История частей топографической службы. М.: Аксиом, 2012. 642 с.; Алексеев А.А. Геодезическая служба СССР в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.): исторический аспект. Новосибирск: СГГА, 2007. 252 с.

⁶ В изучение и анализ элементов и условий в рамках оценки обстановки входят, среди прочего, изучение и анализ данных о районе боевых действий, метеорологической и климатической обстановке. См.: Военный энциклопедический словарь в 2 т. Т. 2. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. С. 259.

⁷ Клаузевиц К. О войне / Пер. с нем. М.: Логос; Наука, 1994. С. 434.

⁸ Там же. С. 442, 443.

⁹ Михайлов А.А. Военно-научные взгляды П.А. Языкова (1800—1869), его вклад в развитие военной географии и стратегии // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Девятой Международной научно-практической конференции (15—17 мая 2019 г.). Ч. II. СПб., 2019. С. 113—124.

¹⁰ Положение о необходимости разведки местности как основы оценки обстановки есть как в Полевом уставе (ПУ) РККА 1939 г., так и в проектах ПУ-41 и ПУ-43. Согласно перечню факторов

из главы «Действия в особых условиях» ПУ-39 важнейшими условиями, подлежащими оценке, являются рельеф, гидрография, пути сообщения и населённые пункты, а также погодные и климатические условия.

¹¹ Во второй части данной работы он пишет о применении выведенных в первой (теоретической) части принципов военной географии к выбору мест для сооружения крепостей: Языков П.А. Опыт теории военной географии, с приложением к собранию пунктов, для сооружения крепостей предназначаемых. Ч. 2: Краткое руководство, служащее к избранию пунктов для сооружения крепостей. СПб.: Тип. А. Воейкова и К°, 1838. 200 с.

¹² Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб.: Военная топография, 1846. 248 с.

¹³ Леер Г.А. Прикладная тактика. 2-й вып. СПб.: Русская скоропечатня (П.С. Нахимова), 1880. 485 с.

¹⁴ Подробнее о данной дисциплине см.: Военная энциклопедия в 8 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 384.

¹⁵ Там же. С. 387.

¹⁶ Там же. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 107, 108.

¹⁷ Подробнее о военной гидрологии см.: Там же. Т. 2. С. 407.

¹⁸ Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 41.

¹⁹ Подробнее о военной топографии см.: Военная энциклопедия в 8 т. Т. 8. М.: Воениздат, 2004. С. 98.

²⁰ «Рабочая карта представляет собой один из основных, а очень часто и единственный документ, с помощью которого командиры осуществляют управление войсками в бою». См.: *Помбрик И.Д., Шевченко Н.А.* Рабочая карта командира. М.: Воениздат, 1967. С. 4.

²¹ **Кудрявцев Марк Карпович** (1901—1984) — генерал-лейтенант, с 5 октября 1938 г. — исполняющий обязанности, а с 28 сентября 1939 г. — начальник 7-го (топографического) отдела Генерального штаба РККА, который позже был преобразован в Военно-топографическое управление Генерального штаба. В должности руководителя управления прослужил до 1968 г.

²² *Алексеев А.А.* Указ. соч. С. 26.

²³ Есть мнение, что это стало одной из главных причин неудач начального периода войны. «<...> катастрофическое состояние картографического обеспечения Красной Армии в начале войны явилось одной из главных причин трагического для СССР начала войны». См.: Там же. С. 27.

²⁴ М.К. Кудрявцев: «...их [инструменты] приходилось разыскивать в различных организациях и даже у частных лиц: покупать, брать под обязательство возврата или реквизировать». См.: *Кудрявцев М.К.* В конце войны // На безымянной высоте: военные топографы о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Авт.-сост. В.В. Глушков. Совет ветеранов Военно-топографического управления Генерального штаба ВС РФ, 2015. С. 330.

²⁵ Пример подобной карты масштаба 1 : 100 000 см.: Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 206. Оп. 262. Д. 23. Л. 27.

²⁶ Пример подобной картосхемы см.: Там же. Ф. 11107. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

²⁷ Боевой журнал 13-й гвардейской стрелковой дивизии 62 армии

под командованием генерал-майора А.И. Родимцева (Там же. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—72). Основной рабочий масштаб таких журналов — 1 : 10 000, но встречается и 1 : 5000. Другой такой журнал с картосхемами масштаба 1 : 10 000 — журнал 39 гв. сд. за декабрь 1942 — март 1943 г. (Там же. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 19. Л. 1—166).

²⁸ *Алексеев А.А.* Указ. соч. С. 27.

²⁹ Там же. С. 92.

³⁰ Карта-план операции «Кольцо». ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 89. Л. 95.

³¹ *Алексеев А.А.* Указ. соч. С. 45.

³² *Дёйрр Г.* Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 35.

³³ *Чуйков В.И.* Сражение века. М.: Советская Россия, 1975. С. 56.

³⁴ *Домнин А.И.* Указ. соч. С. 92.

³⁵ *Брылёв В.А., Дьяченко Н.П., Перцева А.И.* Указ. соч. С. 3.

³⁶ *Кларк А.* Путь к Сталинграду // От Барбароссы до Терминала. Взгляд с Запада. М.: Изд-во политической литературы, 1988. С. 192.

³⁷ *Домнин А.И.* Указ. соч. С. 96.

³⁸ *Бивор Э.* Сталинград / Пер. с англ. А. Жеребилова, А. Коноплёва, А. Марченко, А. Фельдшерова. Смоленск: Русич, 1999. С. 245.

³⁹ *Карель П.* Сталинград. Крах операции «Блау» / Пер. с нем. С. Гукова. М.: Эксмо, 2005. С. 229, 230.

⁴⁰ **Рогачёв Дмитрий Дмитриевич** (1895—1963) — контр-адмирал, в период Сталинградской битвы командовал Волжской военной флотилией (с февраля 1942 по май 1943 г.). В подчинении командующего Сталинградским фронтом (сначала 1-го, а потом и 2-го формирования) с 24 июня 1942 г. // Хроника боевых действий Волжской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза. Вып. 1 (Кампания 1942 г.). М.: Воениздат, 1945. С. 9.

⁴¹ *Исаев А.В.* Сталинградская битва: самая полная иллюстрированная энциклопедия. М.: Эксмо; Яуза, 2019. С. 181.

⁴² Хроника боевых действий Волжской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 119—122, 160.

⁴³ Там же. С. 154, 155.

⁴⁴ Там же. С. 155—157.

⁴⁵ *Кларк А.* Указ. соч. С. 178.

⁴⁶ Там же. С. 180.

⁴⁷ *Исаев А.В.* Указ. соч. С. 121.

⁴⁸ *Erickson J.* Road to Stalingrad. London: Cassell Military, 2003. С. 367.

⁴⁹ *Прямыцын В.Н.* Указ. соч. С. 369.

⁵⁰ Там же. С. 365.

⁵¹ Там же. С. 367.

⁵² Про 30-градусный мороз пишут и сами немцы, к примеру Вильгельм Адам, 1-й адъютант командующего 6-й полевой армией генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. См.: *Адам В.* Катастрофа на Волге: мемуары адъютанта Ф. Паулюса. Смоленск: Русич, 2001. С. 221. Цифру в 40 градусов мороза упоминает Ганс Дёйрр. См.: *Дёйрр Г.* Указ. соч. С. 36.

⁵³ *Адам В.* Указ. соч. С. 251, 252, 289, 292, 319.

⁵⁴ Об этом писал, в частности, Эйке Миддельдорф. См.: *Миддельдорф Э.* Русская кампания: тактика и вооружение. М.: АСТ, 2000. С. 400.

⁵⁵ *Прямыцын В.Н.* Указ. соч. С. 369, 370.

⁵⁶ Последовательным критиком образа «генерала Мороза» как штампа, созданного для «оправдания» просчётов немецкого командования, является А.В. Исаев. См., например: *Исаев А.В.* Чудо под Москвой. М.: Яуза-каталог, 2020. С. 434, 435.

⁵⁷ *Адам В.* Указ. соч. С. 216.

⁵⁸ *Новиков И.С., Мамедов Г.М., Черкас О.В.* Геопространственные аспекты хода боевых действий 1941—42 гг. в Севастопольском оборонительном районе // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2020. Т. 5. С. 90—97. В данной работе среди прочего анализируются геологическое строение юго-западного побережья Крыма и его влияние на фортификацию.

V.P. Strenkov

«THE TERRAIN ON THE STALINGRAD FRONT WAS EXTREMELY CHALLENGING FOR THE ADVANCE OF OUR TROOPS»

Analysis of geographical elements in the combat area assessment during the planning and conduct of operations during the Battle of Stalingrad in 1942—1943

Information about author. Vladimir Strenkov — student of the History Department at Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow. E-mail: vtstrenkov@gmail.com).

Summary. This paper provides a detailed analysis of the use of various elements in the combat zone assessment during the planning and execution of operations during the Battle of Stalingrad (1942—1943). The focus is on the terrain characteristics, hydrological networks, climatic and weather conditions, socio-economic features of the area, and the role of cartography and meteorological support for the troops. The aim of this study is to develop and test a spatial analysis methodology that can be used to reconstruct the decision-making process of the commanders on both sides at the tactical, operational, and strategic levels. The paper also attempts to systematize traditional methods of combat zone assessment used in Russian military science and apply them to military historical analysis. The results clearly demonstrate the importance of considering both natural and human-made features of the terrain, as well as climatic conditions, in order to understand the planning and progress of military operations. They also support the feasibility of using spatial analysis to study past military actions. This approach can be applied to other battles from the Great Patriotic War and has the potential for further development by incorporating additional spatial and historical data.

Keywords: World War II; Great Patriotic War; Battle of Stalingrad; military topography; military geography; assessment of the area of military operations; spatial analysis; weather and climatic conditions; P.Ya. Yazykov; M.K. Kudryavtsev; D.D. Rogachov.

«...ОТЛИЧНО СРАБОТАЛИ МЕДИКИ!»

Организация эвакуации раненых в годы Великой Отечественной войны

Сведения об авторе. Дудкина Марина Петровна — доцент кафедры истории и философии Сибирского государственного университета путей сообщения, кандидат исторических наук (г. Новосибирск. E-mail: mrd08@mail.ru).

Аннотация. В статье проанализирован механизм санитарной эвакуации, являвшейся важной составной частью этапной системы оказания медицинской помощи раненым бойцам и командирам Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Актуальность темы связана с тем, что накопленный в годы войны успешный исторический опыт не только обогащает историческое знание, но и может быть использован в современных условиях вооружённого противостояния. Работа выполнена с применением как общелогических принципов и приёмов познания, так и специальных методов исторического исследования. Основой для анализа послужил комплекс исторических документов разного типа: приказов, аналитических материалов, статистических данных, инструкций и т.д., основной массив которых был опубликован во время войны и пока ещё в недостаточном объёме введён в научный оборот. Исследование показало, что санитарная эвакуация в годы Великой Отечественной войны представляла собой эффективную, живую, развивающуюся систему, находившуюся в постоянном поле зрения руководящих военно-медицинских органов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; санитарная эвакуация раненых; этапность оказания медицинской помощи; санитар; санинструктор; санитары-носильщики; санитарный транспорт; Ленинградский фронт; Сталинградский фронт; Г.К. Жуков; А.И. Ерёменко; Е.И. Смирнов.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. отличается от других вооружённых конфликтов не только размахом боевых действий, но и колоссальным объёмом вовлечённых в неё людских ресурсов, восполнить убыль которых только за счёт мобилизации было невозможно. Поэтому огромную роль в пополнении личного состава Красной армии играла военная медицина, перед которой была поставлена задача вернуть в строй не менее 75 проц. из числа поражённых в боях, поступивших в медсанбаты и госпитали¹.

Исторический анализ военных конфликтов убедительно показывает, что в подавляющем большинстве случаев медицинская помощь раненым не может ограничиваться первичными мерами непосредственно на поле боя, а требует

последующего лечения в военно-медицинских пунктах и госпиталях. Схема этапности оказания медицинской помощи была разработана ещё до войны и апробирована в локальных конфликтах конца 1930 — начала 1940-х годов. Вопросы организации эвакуации раненых как важной части санитарной тактики в предвоенный период изучались в соответствующих учебных заведениях, флагманом которых являлась Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова в Ленинграде. Её профессором П.И. Тимофеевским был разработан учебник, широко внедрённый в образовательный процесс. Слушатели академии практически отрабатывали методы и приёмы транспортировки раненых на всех этапах, предусмотренных уставом².

В годы войны сложилась единая военно-полевая медицинская доктрина, основные принципы которой раскрыл начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии (ГВСУ) Е.И. Смирнов в феврале 1942 года в докладе на V пленуме Учёного медицинского совета³.

Согласно этому документу лечение раненых представляло собой сложно координированный процесс, связывавшийся воедино бесперебойно действовавшим механизмом санитарной эвакуации. Медицинская помощь осуществлялась в определённой последовательности и распределялась

между лечебными учреждениями, каждое из которых имело чётко определённый функционал. Поэтому военно-санитарная служба действовала в единой системе Тыла Красной армии в течение всей Великой Отечественной войны. В войсках была организована хирургическая, терапевтиче-

ская и реабилитационная помощь раненым бойцам и командирам⁴.

Оказание неотложной медицинской помощи начиналось на поле боя. Для этого в каждой роте формировалось соответствующее отделение, состоявшее из санитаров и санинструкторов. Их снаряжение включало в себя медицинскую сумку и предметы, положенные каждому бойцу, в т.ч. личное оружие. При развёртывании стрелкового подразделения в боевой порядок санитары следовали по оси его движения, а командир санроты и находившиеся при нём санитары — за взводом второго эшелона. Сложность их работы состояла в многозадачности. Они должны были, скрытно передвигаясь, наблюдать за боевой ситуацией, искать раненых, оказывать им первую помощь и при необходимости оттащить в укрытия. Доврачебная помощь в полевых условиях была минимальной: остановка кровотечения, иммобилизация повреждённых конечностей, наложение повязок, введение профилактических сывороток, искусственное дыхание и т.п.⁵ М.Б. Мирский приводит в своей книге сообщение Совинформбюро о героических действиях санитаров Зланина, двое суток не покидавшего поля боя, спасшего несколько десятков красноармейцев. Санитар вытаскивал их одного за другим, снова и снова возвращаясь на линию огня⁶.

Как показывает локальная статистика двух крупных наступательных операций — прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 года и полного её снятия в 1944 году, — в 75 проц. случаев медпомощь на поле боя оказывалась санитарями, 15,8 проц. раненых помогли другие бойцы, всего 6,8 проц. случаев приходилось на самопомощь. Только 0,5 проц. раненых не получили от ротных санитаров доврачебную медицинскую помощь на поле боя. В большинстве своём это были

не утратившие возможности передвигаться легкораненые, самостоятельно добравшиеся до медпунктов и потому попавшие в эту статистику⁷.

В отличие от легкораненых, которым после оказания первой помощи достаточно было просто указать пути выхода к ближайшим тыловым пунктам, тяжелораненые бойцы, не способные самостоятельно передвигаться, требовали эвакуации силами санитарной службы. Согласно действовавшим в тот период нормативным актам санитар был обязан обеспечить укрытие и перенести туда раненого вместе с оружием. Укрытиями служили любые места, защищённые от огня противника и негативного воздействия внешней среды: окопы, ямы, овраги, воронки, кусты, строения, обратные скаты местности и т.п. Если подходящего укрытия не было, санитару предписывалось самоокапываться и окапывать раненого, чтобы защитить беспомощного бойца от возможного повторного поражения. В приказе командующего Сталинградским фронтом генерал-полковника А.И. Ерёмченко от 14 декабря 1942 года указано, что «санитар должен владеть лопатой не хуже, чем бинтом»⁸. Укрытия помечались при помощи различных заранее согласованных знаков. Это могли быть зарубки на дереве, вешки, бинты, марля, дощечки с краткими надписями и т.п. Такие сигналы облегчали поиск санитарями носильщиками получивших боевые повреждения красноармейцев. Действовало категорическое требование, чтобы все раненые были эвакуированы с поля боя в кратчайшие сроки, и его выполнение находилось под строгим контролем командования. Так, в приказе начальника Главного управления Тыла Красной армии генерал-полковника А.В. Хрулёва № 0701 от 10 сентября 1942 года «О недостатках в работе санитарной службы и мерах по их устранению» приводились

случаи, когда получившие боевые травмы красноармейцы находились на поле боя около 6 часов. В 303-й стрелковой дивизии Воронежского фронта 20 раненых оставались без эвакуации более полутора суток⁹. Командующий Сталинградским фронтом А.И. Ерёмченко требовал от начальника санитарной службы, чтобы все случаи нарушения порядка выноса раненых докладывались ему лично¹⁰.

Главная задача начальных этапов эвакуации состояла, таким образом, в том, чтобы максимально оперативно доставить раненого в тыловую медпункт и тем самым спасти ему жизнь, снизить возможность потенциальной инвалидизации. Е.И. Смирнов справедливо указывал, что все огнестрельные раны первично инфицированы и нуждаются в ранней хирургической обработке¹¹. В зимних условиях боевые травмы могли дополнительно осложняться обморожением или простудным заболеванием. Поэтому не способных самостоятельно передвигаться красноармейцев критически важно было доставить в медпункт как можно быстрее. Их вытаскивали не после окончания боевых действий, а непосредственно под ружейно-пулемётным огнём противника. Чем быстрее производилась эвакуация, тем благоприятнее был прогноз. Однако не всегда было возможным вынести раненого с поля боя. В письмах командира медсанроты новосибирца старшего лейтенанта медицинской службы А.Ф. Садовского описан случай, когда во время рейда в тыл противника в зимних полевых условиях для спасения жизни бойца, которому осколком повредило руку, врач согрел у себя за пазухой раненую руку и без хирургического стола, нормального освещения и других условий приступил к операции¹².

Обычно раненые поступали в медпункты и медсанбаты в течение нескольких часов после получения боевой травмы, реже — на второй день.

Старший военфельдшер 1-го танкового батальона 63-й танковой бригады Мелентин (Милинтин) Реванович Юнусов (1909—1943) перевязывает раненого старшего сержанта на Южном фронте. Награждён орденом Красной Звезды 27 декабря 1942 г. Мелентин Реванович погиб 4 января 1943 г. в Орджоникидзевском крае
Собрание Мультимедиа Арт Музея Москвы (МАММ)

Старший военфельдшер 14-й танковой бригады Евгения Лаврентьевна Солтановская перевязывает раненого красноармейца во время боёв за Воронеж
Фото С. Фридлянда

Приказ о награждении военфельдшера Е. Л. Солтановской медалью «За боевые заслуги»
Юго-Западный фронт, январь 1942 г.
Портал «Подвиг народа»

Статистика Ленинградского фронта показывает, что в срок до одного часа после ранения в полковые медпункты прибывали 17,4 проц. раненых, до двух часов — 17,1, до трёх — 22, до четырёх — 18, до пяти — 10,2, до шести — 5,5, от шести до двенадцати — 6,2 и после 24 часов — 3 проц. (так в источнике. — **Прим. ред.**). Таким образом, около 90 проц. всех раненых получали врачебную помощь в срок до шести часов¹³.

Задача выноса раненых возлагалась не столько на санитаров, сколько, главным образом, на санитаров-носильщиков, которые были положены по штату санитарному взводу и санитарному батальону (уровень стрелкового батальона и стрелкового полка) и подчинялись начальнику пункта санитарного транспорта. В бою они следовали за наступающими ротами, где каждому звену определялись направление и сектор работы. Санитары, оказавшие первую помощь тяжелораненым, подавали заранее условленные сигналы носильщикам. Те в свою очередь должны были их найти, вынести с поля боя и дальше эвакуировать от расположения роты до батальонного, реже — до полкового медпункта. В «Руководстве для ротных санитаров и санитаров-носильщиков», изданном в 1942 году и отражавшем накопленный к тому времени опыт, устанавливалась примерная скорость движения носильщиков в 2—2,5 км в час, которая корректировалась с учётом условий местности и боевой обстановки¹⁴.

По ходу движения санитары-носильщики были обязаны наблюдать за состоянием раненых, укрывать их, поправлять повязки, давать воду (если это было разрешено по медпоказаниям), защищать от нападения противника. Обычно усилий только санитаров и санитаров-носильщиков не хватало, и им придавали бойцов из подразделений. Е.И. Смирнов в январе 1942 года в служебном письме на имя дивврача Л.М. Мойжеса

отмечал, что доставить раненых по глубокому снегу и бездорожью в лечебное учреждение в течение 6—15 часов после получения боевой травмы возможно только, если подразделение санитаров-носильщиков будет усилено выделяемыми им в помощь бойцами¹⁵. Эта позиция ГВСУ поддерживалась командованием. А.И. Ерёменко в приказе по войскам Сталинградского фронта в ноябре 1942 года потребовал выделить из личного состава каждой роты по 5 бойцов, обучить их приёмам оказания первой помощи и выноса раненых с поля боя, а в период напряжённых боёв дополнительно формировать команду носильщиков и передавать её в распоряжение старшего врача полка¹⁶. На Ленинградском фронте в период ожесточённых боёв по прорыву блокады в 1943—1944 гг. санитарями и санитарями-носильщиками были вынесены 45,8 проц. пострадавших, 38,3 проц. вышли сами и 8,8 проц. раненых вынесли бойцы соответствующих подразделений¹⁷.

Основной поток раненых прибывал на батальонные медпункты. Это было важное низовое звено медицинской службы. По Ленинградскому фронту в 1943—1944 гг. зафиксирована следующая статистика: 71 проц. раненых, поступивших в полковые медпункты, предварительно получали помощь на батальонном уровне. Лишь 29 проц. были доставлены сразу в полковой пункт. Это были либо легко раненые, либо те, кто получил повреждение в полковом тылу¹⁸.

Для переноса раненых непосредственно с поля боя до ближайшего медпункта использовались носилки, волокуши, специальные лямки и любые подручные средства. Способы и средства переноски зависели от условий местности. «Военно-медицинский журнал» в 1944 году делился со своими читателями двумя способами эвакуации раненых через вод-

ные преграды, о которых рассказала сержант медицинской службы А.К. Любимова. Санитары на обоих берегах реки закрепляли верёвку, на неё привязывали пробковый пояс, его надевали на раненого и таким образом перетаскивали его на другой берег. Второй способ — на носилках, укреплённых на резиновых автомобильных камерах¹⁹. На Ленинградском фронте в 1943—1944 гг. в условиях лесисто-болотистой местности наибольшее применение нашли лодочки-волокуши с заострёнными концами. Ими были эвакуированы 58 проц. раненых, лыжно-носилочными приспособлениями — 19 проц., вынесены на шинелях и плащпалатках — 20 проц., на носилках — всего 3 проц.²⁰ На 4-м Украинском фронте во время эвакуации раненых через Сиваш использовались деревянные волокуши, которые цугом по 3—4 повозки привязывали к лошади. Там же при транспортировке раненых через пески применяли волокуши, но подбитые железными листами²¹. Иногда использовался так называемый эстафетный метод, когда звенья носильщиков с подручными средствами расставлялись на пути от роты до батальона на расстояние в 10—15 минут и передавали раненых от одного поста другому²².

Работа медицинской службы в боевых условиях была ответственной и очень опасна. Поэтому приказом наркома обороны СССР № 281 от 23 августа 1941 года «О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу» за эвакуацию с поля боя 15 раненых с их личным оружием санитары представлялись к медалям «За отвагу» или «За боевые заслуги», за 25, 40 и 80 вынесенных раненых — к орденам Красной Звезды, Красного Знамени и ордену Ленина соответственно²³.

Для вывоза раненых с поля боя в зимних условиях ис-

пользовались также нартовые упряжки санитарных собак, которые ГВСУ считало ценнейшим транспортом. Они применялись для розыска раненых, доставки им горячего питья и перевязочных материалов, транспортировки пострадавших в безопасный район — в батальонные и полковые медицинские пункты, в редких случаях — в дивизионные медсанбаты²⁴.

Дальнейшая судьба раненых зависела от результатов медицинской сортировки, позволявшей оценить характер и тяжесть полученного бойцом поражения и определить, какая помощь и в каком порядке должна быть ему оказана и куда его следовало перевозить. Качеству сортировки и оформлению соответствующей сопроводительной документации придавалось огромное значение²⁵.

Из войскового района раненые при необходимости переправлялись в армейские и фронтовые госпитали. Если боец признавался нуждавшимся в специализированной медицинской помощи, то его в течение 1—5 суток направляли в армейские подвижные полевые госпитали первой и второй линии. Там на излечении оставались раненые, срок пребывания которых в медучреждениях при нормативе в 30 суток обычно не превышал 15—20 дней²⁶. Бойцы, имевшие поражения средней степени тяжести и тяжёлые, поступали в эвакуационники и доставлялись по этапам в госпитали фронтового уровня, куда они поступали не позднее пятого дня с момента получения боевой травмы²⁷.

Эвакуация на этих этапах осуществлялась с использованием санитарного транспорта, и здесь имелись две серьёзные проблемы.

Первая — дефицит специальных транспортных средств, сложившийся ещё до войны. Предполагалось, что по грунтовым дорогам раненые будут перевозиться двуколками, по-

На передовую за раненым
полуостров Рыбачий, 1941—1942 гг.
 Фото С. Шиманского
 Собрание МАММ

В полковом медпункте
Берлин, май 1945 г.
 Фото В. Фаминского

Эвакуация раненых самолётами на Большую землю
4-й Украинский фронт, южный берег Сиваша, ЭП-30 51-й армии, апрель 1944 г.
 Фото В. Фаминского

возками, саними, грузовыми автомобилями с закрытым кузовом и машинами автобусного типа²⁸. Согласно опубликованному в феврале 1941 года проекту мобилизационного плана Наркомат здравоохранения для санитарной эвакуации к 1 июля должен был обеспечить дополнительно 3486 лошадей, 766 легковых, 1191 грузовой и 907 специальных автомобилей²⁹. Но война внесла в этот процесс свои коррективы. Так, в Западном особом военном округе, ставшем после 22 июня Западным фронтом, из 795 положенных по штату санитарных машин на 15 апреля 1941 года в наличии было всего 333, из которых техническое состояние по 1 категории имели 16³⁰. Сложное начало войны не способствовало устранению этой проблемы. Согласно справке-донесению начальника санитарного управления Западного фронта военврача 1 ранга М.М. Гурвича № 01678 от 5 декабря 1941 года имевшийся автосанитарный транспорт не мог обеспечить потребности эвакуации раненых. Его было необходимо пополнить минимум на 30 единиц, но взять их было неоткуда³¹.

Дефицит санитарного автотранспорта был перманентной проблемой, поэтому для перевозки раненых часто применялся порожняк — войсковой и армейский транспорт, подвозивший к линии фронта боеприпасы и продовольствие и забиравший в обратный рейс раненых. При подготовке Белгородско-Харьковской наступательной операции на Степном фронте изначально планировалось, что примерно 50 проц. таких перевозок будут осуществляться возвращавшимися в тыл армейскими машинами³². В 51-й армии 4-го Украинского фронта во время наступления на г. Мелитополь в октябре 1943 года 70 проц. раненых были эвакуированы порожняком³³. Машины в холодное время года предписывалось отапливать, а

раненых укутывать одеялами или спальными мешками. Это не всегда получалось. Так, на Донском фронте в ноябре 1942 года только 50 проц. санитарных машин имели отопление³⁴.

Близость железнодорожных путей к линии фронта увеличивала возможности санитарной эвакуации. Это позволяло задействовать временные военно-санитарные поезда и санитарные летучки, способные одновременно перевезти большое количество раненых бойцов и командиров из полковых пунктов в армейский и фронтовой тыл. Поезда и летучки состояли в основном из приспособленных товарных вагонов и теплушек, но отличались по составу. Временным поездам помимо постоянной части могли придаваться дополнительные вагоны или переменная часть. Их количество определялось текущей ситуацией на фронте и интенсивностью поступления раненых³⁵. В пути следования раненые бойцы обеспечивались базовым медицинским уходом и питанием, однако главной задачей таких составов была всё же максимально оперативная доставка пострадавших в госпитали для оказания специализированной помощи.

Военно-санитарные поезда регулярно подвергались нападению вражеской авиации. Первые такие случаи отразились в документах уже в начале войны, несмотря на то что составы имели маркировочные знаки в соответствии с Женевской конвенцией, а значит, находились под защитой международного права. Советское руководство обращалось с протестами в организации Красного Креста и Красного Полумесяца, но положительного результата это не принесло. В справке-отчёте о состоянии санитарного транспорта Западного фронта на начало декабря 1941 года указано, что из эксплуатации выбыли 10 из 32 поездов. Пять (№ 1024, 1044, 1048, 1049, 1054) полностью сгорели при вражеских налётах, ещё пять по той же

причине находились в ремонте³⁶. 30 сентября 1942 года на пути к станции Ильмень от немецкой авиации пострадали две санитарные летучки — № 802 и № 803, погибли 50 человек, 100 получили повторные повреждения. 15 октября того же года был атакован военно-санитарный поезд на станции Баскунчак, погибли 9 человек, 19 были ранены³⁷.

Для транспортировки пострадавших в боях и срочных грузов медицинского назначения на фронте применялась санитарная авиация, хотя объём перевозок ею раненых был ощутимо меньше, чем санитарными поездами. В соответствии с приказом Наркомздрава СССР от 20 марта 1942 года с этой целью привлекались самолёты гражданской авиации, порядок использования которых определялся ГВСУ³⁸. Эвакуация раненых могла также осуществляться речным транспортом. Ответственность за её организацию возлагалась на Наркомречфлот. Так, в 1943 году на летнюю навигацию с этой целью были выделены 50 судов на 15 тыс. мест для Ленинградского, Центрального и Западного фронтов³⁹. Речные суда также были объектами охоты немецких лётчиков. 26 июля 1942 года бомбардировке подверглось санитарное судно «Композитор Бородин», перевозившее раненых через Волгу, и это был далеко не единичный случай⁴⁰.

Вторая проблема — удлинение путей санитарной эвакуации в ходе активного наступления войск и удалённости лечебных учреждений — дивизионных медсанбатов, подвижных полевых армейских госпиталей — от линии фронта. Полковник медицинской службы В.А. Буков справедливо указывал, что во время обороны, напротив, санитарная эвакуация не представляла особых затруднений: фронт был стабилен, эвакуационные пути изучены, поток раненых небольшой⁴¹.

Хронически не хватало средств для перевозки меди-

цинского имущества и персонала вслед за наступающими войсками. Так, на Степном фронте во время Курской битвы в начале августа 1943 года медсанбаты и армейские госпитали отстали примерно на 120—140 км, что в условиях перманентной нехватки санитарного транспорта увеличивало сроки доставки раненых в лечебные учреждения⁴². Как показала практика, если госпиталь находился на удалении в 150—300 км от линии боевого соприкосновения, то он мало вовлекался в медицинское обеспечение наступательной операции⁴³.

Во фронтовом районе развёртывались госпитали двух типов: для раненых, срок лечения которых не превышал 60 дней; и сортировочно-эвакуационные, куда поступали красноармейцы с тяжёлыми поражениями. Транспортировке в глубокий тыл подлежали те бойцы и командиры, сроки лечения которых превышали два месяца, и те, кто в перспективе подлежал списанию из рядов Красной армии⁴⁴.

Оценка эффективности работы медицинской службы на этапах эвакуации может быть проанализирована на основе статистики патологоанатомических диагнозов. Эти данные были опубликованы уже после войны. Они позволяют отметить следующие закономерности: наибольшая летальность от непосредственного действия травмы, полученной в боевой обстановке, наблюдалась на этапе войскового района — 75,1 проц. в среднем за весь период войны, в армейском районе этот показатель составлял 27,6 проц., во фронтовом — 5,9 проц. Важно, что высокий показатель смертности на войсковом уровне не снижался в течение всех четырёх лет войны. В 1941 году он равнялся 66,3 проц., в 1942 — 72,9 проц., в 1943 — 73,7 проц., в 1944 — 82,2 проц. Очевидный перевес летальности на медпунктах батальонов, полков и в медсанбатах по сравнению с другими этапами эвакуации

Погрузка раненых в постоянный военно-санитарный поезд

Фото красноармейца А. Хлебникова

*Фото выполнено по указанию начальника управления
33-го распределительного эвакуационного пункта*

**Выгрузка раненых из санитарного грузовика ЗиС-5
в полевом госпитале**

Калининский фронт, август 1943 г.

Санитар на собачьей упряжке вывозит раненого с поля боя

Австрия, апрель 1945 г.

*«История России в фотографиях»
Собрание МАММ*

объяснялся тем, что именно туда в первую очередь поступали все тяжелораненные. Часть вынесенных с поля боя красноармейцев с серьёзными повреждениями умирали в первые, максимум третьи, сутки из-за кровопотери, шока или комбинации этих причин, и только небольшая доля смертей обуславливалась несвоевременной доставкой раненых в лечебное учреждение. Второй важнейшей причиной смертности на фронте были осложнения после боевой травмы — столбняк, гангрена, сепсис, плеврит и другие, обычно проявлявшиеся на 3—5-й день. Поэтому если в войсковом районе летальность от осложнений составляла всего 23,6 проц., то в армейском почти вдвое больше — 67,5 проц., во фронтовом уже 84,9 проц.⁴⁵ Анализ этих статистических данных показывает, что уровень смертности на этапах эвакуации главным образом зависел от трёх факторов: тяжести полученного ранения, сроков начала оказания квалифицированной медицинской помощи и от её качества.

Последний этап санитарной эвакуации — перевозка раненых в глубокий тыл. Основным транспортом в этом случае были постоянные военно-санитарные поезда, курсировавшие от армейских и фронтовых госпитальных баз к местам расположения эвакогоспиталей. Такой состав обычно формировался из пассажирских вагонов, обслуживался командой медицинских работников и фактически представлял собой госпиталь на колёсах⁴⁶. После выгрузки раненых на станции прибытия и передачи их эвакогоспиталю этапная цепочка эвакуации завершалась, а военно-санитарный поезд порожняком возвращался во фронтовой район.

Таким образом, разработанная в предвоенный период этапная лечебно-эвакуационная система для раненых бойцов и командиров оказалась действенной моделью военно-медицинского обеспечения армии. Е.И. Смирнов с гордостью цитировал оценку

Г.К. Жукова: «...Отлично сработали медики!»⁴⁷. Данная система убедительно продемонстрирова-

ла свою эффективность в годы Великой Отечественной войны, что способствовало достижению

поставленной цели — возврату в строй 72,3 проц. пострадавших в боях⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Военно-санитарный справочник / Сост. П.В. Абрамов, А.А. Васильев, Н.З. Ванюшкин и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Л.: Медгиз, 1941. С. 7.

² Тезисы для проработки на практических занятиях по санитарной тактике (составлены по материалам проекта устава полевой санитарной службы РККА). Куйбышев, 1939. 102 с.

³ Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: сборник документов и материалов / Отв. сост. Л.И. Завалищенко. М.: Медицина, 1977. С. 106, 107.

⁴ Вишневецкий А.Ф. Санитарная служба Красной армии: краткое пособие для врачей и студентов / Отв. ред. военврач 1 ранга А.Н. Соколов. 2-е изд., испр. М.: Л.: Медгиз, 1941. С. 13—17.

⁵ Капралов А.Г. Что нужно знать санитару. 12-е изд. Л.: Медгиз, 1941. С. 83—88.

⁶ Мирский М.Б. Обязаны жизнью. М.: Политиздат, 1991. С. 22.

⁷ Павловский В.Н. Медицинское обеспечение наступательных операций армии // Военно-медицинский журнал. 1944. Март—апрель. С. 58.

⁸ Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. С. 215.

⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13(2-2). Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г. — 1942 г. / Отв. сост. А.И. Барсуков. М.: ТЕРРА, 1997. С. 301.

¹⁰ Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. С. 216.

¹¹ Там же. С. 106.

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. Р. 2371. Оп. 1. Д. 144. Л. 49.

¹³ Павловский В.Н. Указ. соч. С. 59.

¹⁴ Руководство для ротных санитаров и санитаров-носильщиков. М.: Наркомздрав; Медгиз, 1942. С. 69—72.

¹⁵ Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 215.

¹⁷ Павловский В.Н. Указ. соч. С. 58.

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Белецкий И.Д., Выходцев В.А., Наймушин И.М. О подготовке санитаров и санитаров-носильщиков // Военно-медицинский журнал. 1944. Май. С. 55.

²⁰ Павловский В.Н. Указ. соч. С. 58.

²¹ Ходорков Ф.А. Особенности лечебно-эвакуационной работы в зимних условиях // Военно-медицинский журнал. 1944. Январь—февраль. С. 14.

²² Руководство для ротных санитаров и санитаров-носильщиков. С. 69.

²³ Тыл Вооружённых сил в документах. М.: Воентехлит, 2000. С. 91.

²⁴ Ходорков Ф.А. Указ. соч. С. 13.

²⁵ Сиверс С.Г., Куслик М.И. Опыт эвакуационно-сортировочной группировки раненых по срокам лечения // Военно-медицинский журнал. 1944. Февраль. С. 53—55.

²⁶ Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. С. 97.

²⁷ Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. в 35 т. Т. 35. Раздел 2. Патолого-анатомические и статистические данные о причинах смерти на поле боя и в лечебных учреждениях действующей армии от огнестрельных ранений. М.: Медгиз, 1949—1955. С. 22.

²⁸ Руководство для ротных санитаров и санитаров-носильщиков. С. 6.

²⁹ 1941: к 70-летию начала Великой Отечественной войны: документы и ма-

териалы в 2 т. Т. 1. СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2011. С. 226, 227.

³⁰ Там же. С. 331.

³¹ Тыл Вооружённых сил в документах. С. 153—156.

³² Там же. С. 370.

³³ Там же. С. 420.

³⁴ Там же. С. 236.

³⁵ Руководство по организации и работе военно-санитарных поездов. М.: Медгиз, 1942. С. 3, 4.

³⁶ Тыл Вооружённых сил в документах. С. 153—156.

³⁷ Смирнов Е.И. Проблемы военной медицины. Ч. I. М., 1944. С. 120, 121.

³⁸ Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. С. 119, 120.

³⁹ Тыл Вооружённых сил в документах. С. 323, 324.

⁴⁰ Смирнов Е.И. Указ. соч. С. 120, 121.

⁴¹ Буков В.А. Об организации эвакуации по назначению раненых и больных из медсанбатов // Военно-медицинский журнал. 1944. Июнь. С. 14.

⁴² Тыл Вооружённых сил в документах. С. 370.

⁴³ Ходорков Ф.А. Очередные задачи лечебно-эвакуационного обеспечения войск // Военно-медицинский журнал. 1945. Январь—февраль. С. 14.

⁴⁴ Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. С. 195.

⁴⁵ Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. в 35 т. Т. 35. С. 447.

⁴⁶ Руководство по организации и работе военно-санитарных поездов. С. 3, 4.

⁴⁷ Смирнов Е.И. Фронтное милосердие. М.: Воениздат, 1991. С. 30.

⁴⁸ Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. С. 21.

М.Р. Dudkina

«THE MEDICS DID A GREAT JOB!»

Organizing the evacuation of the wounded during the Great Patriotic War

Information about author. Marina Dudkina — assistant professor at the Department of History and Philosophy of the Siberian State University of Transport, Cand. Sc. (Hist.) (city of Novosibirsk. E-mail: mpd08@mail.ru).

Summary. This paper analyzes the mechanism of medical evacuation, which was a crucial component of the multistage system of providing medical assistance for wounded soldiers and commanders of the Red Army during the Great Patriotic War. The significance of this topic stems from the fact that the successful historical experience gained during the war not only enriches historical knowledge but also has the potential to be applied in contemporary armed conflicts. In conducting this analysis, the work employs both general logical principles and methods of inquiry as well as specialized techniques of historical research. The analysis was based on a collection of various historical documents, including orders, analytical materials, statistical data, and instructions, most of which were published during the war and have not been sufficiently introduced into scientific circulation. The study shows that medical evacuation during the Great Patriotic War was an effective and dynamic system that was constantly monitored by the leading military medical authorities.

Keywords: The Great Patriotic War; medical evacuation of the wounded; orderly stages of medical care; medical instructor; stretcher-bearers; medical transport; Leningrad Front; Stalingrad Front; G.K. Zhukov; A.I. Yeryomenko; Ye.I. Smirnov.

В.В. Инкин,
В.В. Антонова,
Ю.В. Руденко

«...НЕ ОСТАЛОСЬ НИЧЕГО, КРОМЕ ГОЛОДА И ТИФА»

Британская интервенция против Советской России (1918—1920):
сравнительный анализ поводов вмешательства и причин провала

Сведения об авторах. Инкин Виктор Владимирович — учитель Державинского лицея Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (г. Тамбов. E-mail: vic-ink@yandex.ru);

Антонова Виктория Вячеславовна — ученица 11-го класса Державинского лицея Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (г. Тамбов. E-mail: antonova.vika09@mail.ru);

Руденко Юлия Владиславовна — ученица 11-го класса Державинского лицея Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (г. Тамбов. E-mail: yulya.rudenko.09@bk.ru).

Аннотация. В статье на основе вводимых в научный оборот документов Национального архива Соединённого Королевства (меморандумы военного кабинета, отчёты разведки, стенограммы заседаний правительства) анализируются механизмы принятия решений о британской интервенции в Советской России в 1918—1920 гг. Установлено, что на начальном этапе интервенции средства «прокси-войны» (поддержка белых армий, пропаганда, дипломатическое давление) использовались для подготовки обоснований прямого военного вторжения. Выявлены региональные различия в мотивации: на Севере доминировал военно-стратегический фактор (противодействие германской угрозе), на Юге и в Закавказье — экономические интересы (контроль над нефтяными месторождениями). Авторы приходят к выводу, что провал интервенции стал следствием не только героического сопротивления Красной армии, но и внутренних противоречий в британском руководстве, отсутствия единой стратегии, а также неготовности британского общества и армии к затяжной войне в России.

Ключевые слова: Советская Россия; Великобритания; интервенция; Гражданская война; архивные документы; Белая армия; Антанта; У. Черчилль; А.И. Деникин; П.Н. Врангель.

Обращение к опыту иностранной военной интервенции в Советской России в годы Гражданской войны сохраняет актуальность в контексте академической востребованности¹, поскольку исследователи до сих пор выявляют локальные эпизоды конфликта². Также происходит рост современных дискуссий о формах внешнеполитического давления, об использовании прокси-методов и механизмах принятия решений по поводу вмешательства во внутренние дела суверенных государств³.

Национальный архив Соединённого Королевства содержит богатый материал, касающийся вторжения армий Антанты в Советскую Россию во время Гражданской войны 1918—1922 гг. Меморандумы

правительства и отчёты Службы безопасности Великобритании содержат материал о политической ситуации в России, о революционных процессах, положении войск интервентов и РККА на различных фронтах. Масса документов оцифрована и доступна для исследователей в электронной форме.

Источники позволяют установить особенности пребывания войск интервентов, а также детали планирования интервенции в Россию в целом. В этом отношении актуально рассмотреть историю героической страницы борьбы молодой Советской республики с армиями интервентов глазами врага, изучив оценку ситуации и планы действий при подготовке и проведении оккупации.

Тема Гражданской войны и интервенции в РСФСР являлась в советской историографии важнейшей, поскольку раскрывала героическую

страницу борьбы оплота социализма с контрреволюцией и мировым империализмом. В 1920—1930-е годы причины и ход интервенции изучали

Е.Е. Якушкин, М.Ю. Левидов, Н.Н. Яковлев, И.И. Минц, А.И. Анишев. В послевоенный период продолжал работать над проблематикой Г.Е. Мым-

рин. В 1960—1980-е годы были изданы такие крупные фундаментальные работы по истории Гражданской войны, как двухтомный сборник коллектива авторов под редакцией Н.Н. Азовцева. Интервенцией занимались историки С.Г. Лившиц, Г.В. Кузьмин, Ф.Д. Волков, М.И. Светачев.

В зарубежной англоязычной историографии постулировались тезисы об агрессивной сущности большевизма, которую интервенция и призвана была остановить, что представлено в некоторых работах ряда историков (У. Гуд, У. и З. Кутсы, Дж. Уайт, Дж. Альберт, Дж. Светенхейм, Дж. Бредли)⁴.

Общая картина и хронология интервенции подробно представлены в классической работе Э. Модсли, которая детально характеризует военные кампании, мотивы и итоги интервенции⁵.

К. Кинвиг тщательно проанализировал роль У. Черчилля как главного идеолога и лоббиста военной интервенции⁶. Ранее советский историк В.Г. Трухановский объяснил такую позицию стремлением Великобритании подавить очаг социализма⁷, что стало причиной, по которой она выступила главным организатором иностранной интервенции⁸.

Д. Райт уделил особое внимание роли войск доминионов (Австралия, Канада, Южная Африка) и сделал акцент на предании забвению факта интервенции, поскольку британское правительство использовало фигуру умолчания этой страницы истории⁹.

Российский исследователь И.А. Соков на примере Канады убедительно показывает, что участие доминионов Великобритании в интервенции определялось не только лояльностью метрополии, но и их экономическими и политическими интересами. При этом отмечается, что внутриполитические факторы (рост общественного недовольства, раскол в обществе из-за призыва) сыграли решающую роль в досрочном сворачивании военного присутствия¹⁰.

За последние годы интерес к теме иностранной интервенции возрос, увеличилось количество публикаций о Белом движении¹¹, об отношениях белых с интервентами, о социокультурных аспектах Гражданской войны, а также о её локальных эпизодах¹².

Справедливо отмечена важная проблема — долгое отсутствие источников с противоположной стороны конфликтов у отечественных и зарубежных исследователей, которая отчасти разрешилась благодаря раскреживанию документов¹³. Своё диссертационное исследование историк С.А. Миронюк посвятил дискуссиям в британском правительстве по поводу интервенции, рассмотрев факторы её начала и прекращения.

При изучении политики Великобритании в связи с темой

интервенции историки активно привлекают материалы прессы¹⁴.

Исследованы различные факторы интервенции. Например, аргумент о «германской угрозе» часто приводился в качестве довода в пользу необходимости интервенции, что современными учёными трактуется как преувеличение сил Германии¹⁵.

Сделаны выводы о том, что интервенция начиналась «по соглашению», но в процессе выявлялись разногласия между странами Антанты, каждая из которых старалась извлекать собственную выгоду¹⁶, что влияло и на общий успех в борьбе с советской властью.

Относительно провала британской интервенции приводятся следующие данные о причинах: несвоевременные поставки помощи антисоветским силам,

Фрагмент плаката «План Антанты удушения Советской власти (май—октябрь 1918 г.)»

План Антанты удушения Советской власти (май—сентябрь 1918 г.) / Сост.: А.Н. де-Лазари и Н.Н. Лесевицкий. М.; Л.: Гос. изд-во, отд. воен. лит-ры, 1928. С. 3.

Э. Айронсайд вручает медали британским военным в Архангельске
1919 г.

Имперский военный музей (Лондон)

Германский император Вильгельм II и гетман Павел Скоропадский
(справа) на встрече в сентябре 1918 г.

Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2023. №4 (100). С. 60.

отсутствие чёткой стратегии, незнание объективной ситуации в стране¹⁷, что было в целом свойственно обстановке Гражданской войны. Рассмотрены не только проблемы вокруг несогласованности сил Антанты в интервенции, но и реальные трудности командования в связи с резко изменившимися условиями в России и мире¹⁸.

Публикации «Военно-исторического журнала» расширяют проблемное поле исследования интервенции. В частности, В.А. Арцыбашев на основе оперативных документов Всероссийского главного штаба убедительно показал, что военно-стратегическое положение Советской России весной—летом 1918 года оценивалось военным руководством как катастрофическое именно из-за сочетания германской оккупации и угрозы высадки войск Антанты. Данное заключение заставляет по-новому взглянуть на расчёты британского кабинета министров, стремившегося использовать эту уязвимость для расчленения страны и установления контроля над её ключевыми ресурсами¹⁹.

Обращаясь к дискуссии о нижнем хронологическом пороге Гражданской войны, В.В. Корнеев, анализируя процесс формирования политических субъектов противоборства, обоснованно отнёс начало полномасштабных боевых действий не к революционным событиям 1917 года, а к весне—лету 1918-го. Тогда после заключения Брестского мира произошла окончательная кристаллизация «красного» и «белого» лагерей, а страны Антанты перешли от скрытой поддержки антисоветских сил к открытой военной интервенции²⁰.

С.В. Холяев на основе анализа позиции российских антибольшевистских сил (включая эсеров и представителей Белого движения) приходит к выводу, что уже к 1919—1920 гг. многие из них осознали, что политика бывших союзников по Антанте была направлена

не на восстановление «единой и неделимой» России, а на её расчленение и превращение в колониальный придаток Запада. Это способствовало росту антибританских настроений в белом лагере²¹. Автор подчёркивает, что интервенты относились к своим «союзникам» из Белого движения как к временному инструменту, действуя в России как на оккупированной территории, что в итоге привело к консолидации патриотических сил вокруг советской власти как единственной, отстаивавшей суверенитет страны.

Аналогичную картину инструментального использования иностранных сил в интересах ослабления России раскрывает С.И. Константинов на примере Чехословацкого корпуса. Исследователь подчёркивает, что его действия на территории России (включая массовые расправы, террор и прямое участие в попытках свержения советской власти) позволяют квалифицировать их как агрессию, направленную на расчленение страны и подавление её суверенитета, что коррелирует с общей стратегией британского правительства²².

В статье В.И. Мусаева констатируется, что действия Западной добровольческой армии П.Р. Бермондта, спровоцированные немецкими военными кругами, привели к расколу антибольшевистского фронта на северо-западе и ослабили позиции Белого движения²³. Этот вывод интересен в том ключе, что использование интервентов сыграло на дискредитацию белых и в конечном счёте способствовало провалу интервенции в целом.

Выявленные нами исторические источники позволяют углубить и конкретизировать выводы историографии интервенции Великобритании:

1) разногласия и аргументация внутри британского правительства по различным аспектам интервенции — экономическим, военно-стратегическим, гуманитарным — звучали в кабинете

министров и военном министерстве Англии;

2) экономическая мотивация интервенции в каждом регионе РСФСР может быть связана с документами, в которых изложены конкретные решения;

3) имеющиеся архивные материалы позволяют не только описать переход Великобритании от «прокси-войны» к прямой интервенции и «санитарному коридору», но и показать механизм этого перехода.

Интервенты на Русском Севере

На заседании кабинета министров Великобритании 14 ноября 1918 года Советской России было уделено особое внимание. В принятом в тот день документе (протоколе заседания) содержится информация об общем положении России после взятия власти большевиками и о росте числа вооружённых конфликтов на окраинах страны. Отмечалось, что часть правительства была настроена против интервенции, поскольку боялась вовлечения в новые во-

России. С одной стороны, как указывалось в протоколе заседания от 14 ноября, имелись примеры Голландии и Швейцарии, где немцы использовали большевиков в качестве агентов влияния, что позволяло трактовать революционный процесс как следствие внешнего воздействия, а не объективного развития классовой борьбы, с другой — в России существовало классовое разделение, которое вело к разрушению общества²⁵.

Правительство Великобритании было обеспокоено, т.к. получившие в 1917 году независимость окраины бывшей Российской империи могли перейти под контроль большевиков, которые не придавали значения национальным границам, а выступали в целом за революционное изменение существовавшего уклада²⁶.

Для дискредитации революционеров в России в глазах рядовых британцев и французов было принято решение опубликовать сведения о том, что большевики создают продовольственный кризис, чтобы

Для дискредитации революционеров в России в глазах рядовых британцев и французов было принято решение опубликовать сведения о том, что большевики создают продовольственный кризис, чтобы уморить голодом политических противников

енные операции неизвестного масштаба²⁴.

Кабинет слабо контролировал происходившее в РСФСР, при этом подчёркивалось, что попытки поддержать без прямого вмешательства какое-либо антибольшевистское правительство были фактически невозможны из-за их недолговечности (в качестве примера упоминалась ситуация, сложившаяся в то время в Омске).

Британское правительство противоречиво оценивало революционные силы в Советской

уморить голодом политических противников²⁷.

Поскольку политическое и военное руководство не видело возможности развернуть полномасштабную войну с вторжением в центральные регионы РСФСР, было решено осуществлять оккупацию окраин и поддерживать антисоветские силы там, где они действовали²⁸.

Британская разведка согласно меморандуму от 2 января 1919 года наблюдала за ситуацией в Финляндии, где концентрировались немецкие войска. По рас-

чѐтам британцев, существовала угроза немецко-финского нападения на Мурманскую железную дорогу, что отсылало к военному аспекту стратегии Первой мировой войны²⁹. В то же время командующему союзными войсками на Севере России на этом театре военных действий ставилась задача «защиты Финляндии от большевизма»³⁰.

Интерес представляет интерпретация миссии интервентов со стороны британского командования, которое выразило обеспокоенность относительно безопасности местных жителей — часть из них пошла на сотрудничество с интервентами. Сообщалось, что в случае если большевики установят контроль над территориями, ранее занятыми британцами, то они начнут расправу с местными жителями³¹.

В меморандуме сообщалось о недовольстве, наблюдавшемся в британском обществе по поводу принятого в Лондоне решения о вторжении английских войск в Советскую Россию. Подчёркивалось, что лучшим решением при таких острых дискуссиях стало бы бездей-

У. Черчилль, 1918 г.
Имперский военный музей
(Лондон)

мировой войны, когда в результате неудачных наступлений Антанты солдаты выказывали неповиновение и бунтовали³³. Данный меморандум является ценным источником для оценки морального духа интервентов. Исходя из отчёта командующего, важным фактором про-

разорить страну и превратить её в колонию³⁴.

Интервенты от Причерноморья до Закавказья

Для стран Антанты Брестский мир обернулся рядом проблем, связанных с появлением новых стратегических возможностей Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Османская империя, Болгария) в 1918 году. Особенно этому фактору уделялось внимание при анализе ситуации на Юге России, где германские войска оккупировали Правобережную Украину.

Так, доступ немцев к Одессе в марте 1918 года вызвал беспокойство британского генштаба относительно возможности проникновения в Закавказье быстрее, чем это могли бы сделать британские войска, воевавшие в Месопотамии³⁵.

Несмотря на то что генштаб признавал неосуществимость военного превосходства Германии в Западной Европе, предполагалось, что немцы смогут перекрыть доступ Великобритании к Каспийскому морю, предотвратят проникновение британской агентуры в Армению и осуществят в дальнейшем «натиск на восток», вплоть до берегов Тихого океана³⁶.

Начальник имперского генштаба Генри Уилсон полагал, что в связи с угрозой германского продвижения на Кавказ интересы Великобритании будут затронуты больше, чем любой другой страны Антанты, и в связи с этим предлагал побудить США и Японию к вторжению в Сибирь³⁷.

Однако вопрос о вмешательстве Японии являлся проблематичным для кабинета министров Великобритании, поскольку разделение Советской России на зоны влияния являлось предметом скрытой конкуренции между интервентами³⁸. Тем не менее точка зрения британского генштаба оправдывала необходимость охвата России со всех фронтов. Так РСФСР и бывшие террито-

Доступ немцев к Одессе в марте 1918 года вызвал беспокойство британского генштаба относительно возможности проникновения в Закавказье быстрее, чем это могли бы сделать британские войска, воевавшие в Месопотамии

ствие. Также указывалось, что на оккупированной британцами территории Русского Севера наблюдались случаи беспорядков в воинских частях под командованием генерала Эдмунда Айронсайда, особенно после заключения перемирия с Германией. Военное министерство возлагало надежды на «решительные меры» для подавления бунтов³². Практика военно-полевых судов была распространена в годы Первой

вала интервенции стала её непопулярность как в британском обществе, так и в самой армии Соединённого Королевства.

При всех указанных обстоятельствах интервенции под маской гуманитарно-освободительной миссии в рассмотренных документах опускался тот факт, что Великобритания с союзниками сама совершила акт агрессии, вторгнувшись в Советскую Россию с нескольких направлений, намереваясь

рии Российской империи стали полем боя между империалистическими державами.

Использование Германией и Австро-Венгрией продовольственных ресурсов Украины для снабжения войск в мае 1918 года оказалось в центре внимания британской разведки в регионе³⁹. Это могло стать поводом для вмешательства с целью перекрыть сельскохозяйственные поставки Центральным державам. В этой связи рассматривались возможности использования в британских интересах местного крестьянства для партизанской борьбы с немцами⁴⁰.

Факты переворота в Киеве и прихода к власти П.П. Скоропадского при поддержке Германии тоже обозначались как причины опасного усиления противника в регионе⁴¹. Возникло предположение о возможности Германии использовать успехи на Украине как плацдарм для контрреволюции в Советской России и для дальнейшего восстановления монархии. Всё это способствовало бы созданию прогерманского блока, включившего территории Украины и России⁴², что для Великобритании означало бы огромное усиление Германии даже после потенциального окончания войны на западе. Такие же аргументы приводились в кабинете министров при обсуждении вопроса об интервенции в Сибирь и на Русский Север⁴³. Однако отметим: несмотря на то что интервенты имели собственные грабительские интересы в отношении Советской России, их объединяло стремление подавить социалистическую революцию⁴⁴.

В конце лета 1918 года кабинет министров Великобритании активнее следил за ситуацией в Закавказье, поддерживая белогвардейские казачьи отряды Л.Ф. Бичерахова и устанавливая контакты с новообразованными правительствами через агентуру генерал-майора Лионеля Денстервиля⁴⁵, противодействовавшего Бакинской

коммуне. Полковник Л.Ф. Бичерахов командовал отрядом, действовавшим в Закавказье и на севере Персии, сотрудничал с британцами. Он руководил силами в Порт-Петровске, но к началу 1919 года под давлением британцев был вынужден уйти в отставку⁴⁶.

Для вмешательства в регион имелись следующие поводы, зафиксированные в меморандуме от 4 октября 1918 года: стремление остановить геноцид армян со стороны турецких войск⁴⁷; недопущение усиления Турции, что создало бы угро-

Царицына и развитие наступления на Москву добавляли веса таким аргументам⁵⁴. Он же 25 сентября 1919 года изложил кабинету министров комплекс аргументов, доказывавших необходимость поддержки сил генерала А.И. Деникина в борьбе с Советами. Подходя к вопросу об экономической затратности помощи Деникину, Черчилль сообщил следующее. Часть военных припасов, являвшихся излишками (в Египте и Салониках), могла быть использована без ущерба для британской экономики, а в случае успеха

Несмотря на то что интервенты имели собственные грабительские интересы в отношении Советской России, их объединяло стремление подавить социалистическую революцию

зу для британских интересов в Персии и Индии⁴⁸; обращения представителей армянского и грузинского народов за помощью к великим державам⁴⁹. Однако экономической причиной стало стремление овладеть бакинскими месторождениями нефти, которые могли попасть в руки большевиков или турок⁵⁰.

Что же касается ситуации вокруг вооружённых сил Юга России (ВСЮР), то правительство Великобритании обозначило проблему не только затратности британской экономики, но и сложности морской транспортировки из-за чрезвычайно серьёзной нагрузки на судоходство⁵¹.

Увеличение эксплуатации судов неизбежно вело к нарастанию расхода угля, и министерство судоходства Британии опасалось усиления недовольства шахтёров из-за роста их эксплуатации⁵². Тем не менее с начала 1919 года военный министр Великобритании У. Черчилль лоббировал в правительстве вопрос о поддержке на Юге России белогвардейских сил, аргументируя их успехами⁵³. Взятие белогвардейцами

Деникина эти поставки стали бы приоритетными в сравнении с ранее имевшимися долгами Российской империи⁵⁵. В то же время министр указал на важность неэкономической стороны вмешательства. В обмен на понесённые расходы у Великобритании был бы политический аргумент для влияния на Россию в будущем, не говоря уже о возможности погашения всей крупной российской задолженности в случае возвращения страны к дореволюционным позициям⁵⁶.

Однако амбициозные планы Соединённого Королевства относительно экономики средств на интервенцию (например, транспортировку 60 российских локомотивов с Севера на Юг России) свидетельствовали о недостаточном понимании ситуации, складывавшейся в Советской России⁵⁷.

После открытой интервенции

К началу 1920 года официально Лондону стало очевидно, что стратегия прямой военной интервенции и масштабной поддержки Белого движения потерпела крах. В январе пред-

SECRET

49

8224

WAR CABINET.

FINAL CONTRIBUTION TO GENERAL DENIKIN.

MEMORANDUM BY THE SECRETARY OF STATE FOR WAR.

I make the following proposals to the Cabinet:—

1. The supplies now required by General Denikin may be divided into three classes. The first class is the supplies of arms and munitions which are surplus to British military requirements and are of a non-marketable character. A proportion of these are in Egypt or at Salonika. The cost of bringing them home and breaking them up would probably exceed any resultant scrap value. On the other hand, if they are sent to General Denikin they figure as a debit to Great Britain by Russia, and if Russia is restored they will rank at their full value with the rest of her accepted liabilities. If it were thought desirable, I think it very likely that General Denikin's administration, with the assent of other Russian authorities, would accept the condition that charges for supplies provided during the war of liberation should take precedence over all other debts. In any case no appreciable loss or expense is caused to us by these assignments of surplus non-marketable supplies, although for repayment purposes they figure at the large amount of 11 millions. In fact it may be accepted that their storage here would involve needless expense since their retention for Army purposes would be unnecessary.

2. The second class consists of certain military stores, principally clothing, equipment, certain vehicles, and boots, which although surplus to British military requirements, and to some extent part worn, have a marketable value. Some of these are, however, indispensable to any coherent scheme of aid. They involve no new charge to the Exchequer, but their assignment deprives us of an appropriation-in-aid which would amount certainly to a considerable proportion of the nominal value. It is proposed, therefore, to limit supplies of surplus marketable stores to 2½ million pounds.

3. The third class of aid consists of supplies which have to be purchased or replaced, and in the cost of shipment of all the above. Both these items involve new charges on the Exchequer. It is proposed to limit the supply of non-surplus stores, i.e., those which have to be purchased, to a maximum of 300,000£, and to limit the transportation expenses on all the above to a maximum of 300,000£. In this connection it might be possible to transport from North Russia to South Russia some 60 locomotives of Russian origin and gauge, involving no cost save that of the sea journey.

The composition of these categories of stores detailed above is shown in Appendix A.

Фрагмент меморандума У. Черчилля, объясняющий финансовые выгоды для Великобритании от помощи армии А.И. Деникина

The National Archives (United Kingdom). Churchill Winston S. Final Contribution to General Denikin: memorandum. 1919, September 25 (CAB 24/89/24; former reference: GT 8224). P. 1.

А.И. Деникин вступает в Екатеринодар (Краснодар). 1919 г.
Имперский военный музей (Лондон)

ставители британского кабинета министров констатировали, что более не было смысла поддерживать антибольшевистские выступления на окраинах бывшей Российской империи. По их мнению, в этих регионах «не осталось ничего, кроме голода и тифа»⁵⁸. Такая циничная констатация стала не только признанием гуманитарной катастрофы, но и свидетельством того, что интервенты, опустошив эти территории, не видели в них стратегической или экономической выгоды.

Интервенция нанесла Советской России, охваченной Гражданской войной, огромный ущерб. Тем не менее Республика Советов, оказавшись в начале иностранной интервенции в наихудшем положении по сравнению с захватчиками, сумела отстоять завоевания Октября.

Поражение белых армий в Советской России сопровождалось стремительным отказом кабинета министров Великобритании от гуманистической риторики, ранее служившей прикрытием для вмешательства во внутренние дела РСФСР. Это наглядно проявилось в дискуссиях об эвакуации из страны беженцев — военнослужащих белых армий и гражданских лиц, сотрудничавших с интервентами. Несмотря на декларировавшееся «желание помочь», английское правительство заявило о невозможности обеспечивать раненых, больных и инвалидов, постановив не вывозить их в метрополию⁵⁹. Так, потерпев военное и политическое поражение, Великобритания отказалась и от моральных обязательств, которые сама же провозглашала. Этому могло способствовать множество факторов: необходимость восстановления после Первой мировой войны самой Британии; проблема обеспечения британских ветеранов войны; опасения правительства по поводу агентов большевиков среди масс эвакуируемых.

Для организации тактики «выжженной земли» Британское

адмиралтейство высказывало предложения об уничтожении большевистских военно-морских сил в портах Чёрного моря (Севастополь, Новороссийск). Однако от такой меры британское правительство воздержалось, поскольку это могло помешать дальнейшему восстановлению торговых отношений с Россией⁶⁰.

29 января 1920 года британский кабинет министров констатировал, что от ведения открытой войны против большевиков необходимо отказаться по следующим причинам:

1) отсутствие людских и экономических ресурсов⁶¹;

2) рост общественного недовольства в Великобритании⁶²;

3) разгром вооружённых сил А.В. Колчака и А.И. Деникина и прекращение борьбы ключевых очагов сопротивления советской власти (Польша, Финляндия, Прибалтика, Архангельск)⁶³;

4) истощение населения Великобритании и Франции после пятилетней мировой войны⁶⁴.

В связи с этим свёртывалась поддержка Британии главнокомандующего ВСЮР П.Н. Врангеля. Сообщалось, что на фоне готовившихся переговоров с советским правительством переход сил Врангеля в наступление должен рассматриваться как основание для прекращения британских обязательств перед его войсками⁶⁵.

Несмотря на провал интервенции, правительство Великобритании всё ещё рассчитывало на получение компенсации за национализированную советской властью после Октябрьской революции 1917 года британскую собственность и на выполнение финансовых обязательств, взятых ещё Российской империей. В 1919 году эта тема стала одной из ключевых во время переговоров с Советской Россией⁶⁶. Это свидетельствует о том, что финансовые интересы Соединённого Королевства изначально доминировали над декларируемыми гуманитарными и военно-стратегиче-

скими целями интервенции. Именно поэтому британский кабинет министров готов был отказать в поддержке антибольшевистским силам, чтобы, с одной стороны, окупить затраченные на интервенцию средства, а с другой — сохранить экономическое влияние в Советской России.

После вывода британских войск с территории РСФСР изменилась стратегия борьбы с ней со стороны Великобритании: от прямого военного вторжения — к поддержке антибольшевистских сил. Так, лучшим исходом по решению британского правительства в 1920 году стало оказание помощи Польше в войне с РСФСР⁶⁷. Однако, не имея нужного количества силовых ресурсов, Великобритания была вынуждена ограничиться политикой «баланса сил» в Европе с применением не военных, а дипломатических и экономических методов. Это означало и свёртывание поддержки Бе-

бинете министров Британии по вопросам интервенции в РСФСР, выявить различия и сходства в мотивах и формах британского вмешательства в разных регионах Советской России. На Севере был сделан акцент на противодействии германо-финской угрозе и защите местного населения (по официальной версии), хотя реальной целью стало создание в этом регионе плацдарма для влияния Британии. На Юге и в Закавказье доминировали её экономические интересы (контроль над бакинской нефтью), при этом фиксировалось недопущение усиления Германии и Турции, а также использовались гуманитарные предлоги (защита армян).

Переход от одной стратегии к другой определялся не столько идеологическими соображениями, сколько прагматическим расчётом: соотношением затрат и возможных выгод, уровнем общественной поддержки вну-

Для организации тактики «выжженной земли» Британское адмиралтейство высказывало предложения об уничтожении большевистских военно-морских сил в портах Чёрного моря (Севастополь, Новороссийск)

лого движения на территории РСФСР.

Грабительские походы Великобритании были приостановлены, а Советской России предстояло преодолеть разрушительные явления империалистической и Гражданской войн, чтобы показать всему миру возможности прогрессивного развития социалистического строя, который с момента его появления империалисты всего мира так старательно пытались уничтожить.

Таким образом, анализ документов Национального архива Великобритании позволил реконструировать механизмы принятия решений, аргументацию и внутренние разногласия в ка-

три страны и реальным положением на фронтах Гражданской войны.

Архивные материалы свидетельствуют, что Великобритания сменила тактику «прокси-войны» на прямую интервенцию, а после её провала перешла к дипломатическому и экономическому давлению на РСФСР.

Ключевыми фигурами в выстраивании британской политики стали лидеры белых армий — А.В. Колчак, А.И. Деникин, П.Н. Врангель. Их сотрудничество с Лондоном носило сложный и противоречивый характер. С одной стороны, без британской военно-технической

помощи белые армии вряд ли смогли бы достичь тех успехов, которые они имели в 1919 году, с другой — зависимость от союзников оборачивалась для белых командиров необходимостью согласовывать свои стратегические планы с интересами Британии. Руководство последней в свою очередь рассматривало белых лидеров прежде всего как инструмент для достижения своих геополитических задач — ослабления Советской России и сохранения контроля над ключевыми экономическими регионами. Отношение Лондона к белым армиям было сугубо прагматичным: поддержка оказывалась до тех пор, пока

она отвечала британским интересам и не требовала чрезмерных затрат. Наиболее цинично это проявилось в отношении П.Н. Врангеля, чьи войска были фактически предоставлены самим себе в разгар боёв.

Несмотря на декларируемые официальным Лондоном гуманитарные и стратегические цели, ключевыми мотивами британской интервенции против Советской России в 1918—1920 гг. стали подавление её как очага социализма, закрепление британского влияния после окончания Первой мировой войны, установление контроля над ключевыми экономическими

центрами (в первую очередь нефтедобывающими районами) и возвращение финансовых вложений, сделанных Великобританией в Российскую империю до Октября 1917 года.

Провал британской интервенции в РСФСР стал следствием упорного сопротивления Красной армии и советского народа, сумевших отстоять независимость страны, а также результатом внутренних противоречий в политическом руководстве и обществе Великобритании. Кроме того, сыграл свою роль прагматичный отказ Лондона от союзников, как только их дальнейшая поддержка перестала отвечать британским интересам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мусаев В.И. Мурманский легион в 1918—1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 7. С. 19.

² Донсков А.М., Марченко О.В. «Трудно тогда было под Кодышем... но стояли, не унывали». Бои на территории современного Плесецкого района в 1918—1919 гг. // Там же. 2023. № 10. С. 49.

³ Голди В.И. Иностранная военная интервенция в годы Гражданской войны в России (1917—1922): опыт истории и уроки для современности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. № 24(3). С. 139.

⁴ Миронюк С.А. Интервенция в Россию в политических дискуссиях правящих кругов Великобритании (1917—1919 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: [Рос. ун-т дружбы народов], 2021.

⁵ Mawdsley E. The Russian Civil War. Edinburgh: Birlinn, 2011.

⁶ Kinvg C. Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918—1920. London: Hambledon Continuum, 2006.

⁷ Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. 3-е изд. М.: Междунар. отношения, 1982.

⁸ Он же. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. (1918—1939 гг.). М.: ИМО, 1962. С. 164.

⁹ Wright D. Churchill's Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918—20. Solihull, West Midlands: Helion & Company Limited, 2022.

¹⁰ Соков И.А. Участие Канады в иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке России в 1918—1919 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 1. С. 25—29.

¹¹ Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы

Гражданской войны 1917—1920 гг. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006.

¹² Гагкуев Р.Г., Петин Д.И. Гражданская война на Кубани в воспоминаниях Н.И. Рогозина // Исторический вестник. 2022. Т. XLII. С. 156—179.

¹³ Миронюк С.А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. — декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности // Там же. 2024. Т. 47. С. 323.

¹⁴ Ланцев С.Н. Британский истэблшмент: за и против интервенции в Советскую Россию // Вестник Брянского университета. 2013. № 2. С. 49.

¹⁵ Гагкуев Р.Г. Германская угроза в Сибири как фактор начала интервенции стран Антанты на востоке России в 1918 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Вып. 1(147).

¹⁶ Рябов В.В., Нефедов А.Ю. Интервенция в России: бескорыстная помощь или собственные интересы? // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 4. С. 6, 7.

¹⁷ Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918—1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. С. 257.

¹⁸ Гагкуев Р.Г. Белое движение и интервенция: к вопросу об оказании союзниками по Антанте помощи Восточному фронту. 1918—1919 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 80.

¹⁹ Арцыбашев В.А. «Настало время... разъяснить всё это народу, который слишком круто сбит на миролюбивый тон...»: о последствиях вторжения германских интервентов в Россию в 1918 году // Военно-исторический журнал. 2024. № 9. С. 7.

²⁰ Корнеев В.В. «...От февраля к октябрю 1917 г. формировались предпосылки будущей Гражданской войны»: к вопросу о времени Гражданской войны в России // Там же. 2023. № 1. С. 5.

²¹ Холяев С.В. «Сыграть на раздробление и обессиливание России, чтобы обратить её... в страну-колонию» // Там же. 2017. № 6. С. 65.

²² Константинов С.И. «За кровь, которая... льётся на необозримом братоубийственном поле битвы в России, чехословаки несут наибольшую ответственность...»: чехословацкий корпус в Гражданской войне в России // Там же. 2021. № 5. С. 58.

²³ Мусаев В.И. «...Эти приказы я не обязан исполнять, поскольку вы не полный хозяин своих действий». Западная добровольческая армия П.П. Бермондта и немецкая политика в Прибалтике в 1919 году // Там же. 2022. № 3(743). С. 20.

²⁴ The National Archives (United Kingdom), TNA (UK). Great Britain. War Cabinet. Conclusions of a Meeting of the War Cabinet. 1918, November 14 (CAB 23/8/23; former reference: WC 502). P. 2. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7652226>.

²⁵ Ibid. P. 4.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. P. 6.

²⁸ Ibid. P. 7.

²⁹ Ibid. Wilson Henry. Allied Forces in North Russia: memorandum. 1919, January 2 (CAB 24/72/90; former reference: GT 6589). P. 2. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7732630>.

³⁰ Ibid. P. 3.

³¹ Ibid. P. 4.

³² Ibid. P. 5.

³³ Лиддел-Гарт Б. Правда о войне 1914—1918 гг. / Пер. с англ. О. Триэль;

с предисл. М.М. Ланда. М.: Гос. воен. изд-во, 1935. С. 252.

³⁴ Антисоветская интервенция и её крах, 1917—1922 / [Поляков Ю.А., Шишкин В.А., Мухачев Ю.В. и др.; редкол.: Ю.В. Мухачев и др.]. М.: Политиздат, 1987. С. 56.

³⁵ TNA (UK). Wilson Henry. Effect of German Access to Odessa and thence through Baku to N.W. Persia. Note by the Chief of the Imperial General Staff on G.T. 3840 circulated by the Secretary of State for Foreign Affairs on 7th March, 1918: memorandum / Henry Wilson. 1918, March 11 (CAB 24/44/91; former reference: GT 3891). P. 1. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7642407>.

³⁶ Ibid. P. 2.

³⁷ Ibid. P. 3.

³⁸ Инкин В.В. Формирование британской позиции по вопросу интервенции в Сибирь и сдерживания Японии (январь—июль 1918 г.) в свете документов Национального архива Соединённого Королевства // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы VI междунар. науч.-практ. конф (Омск, 22—23 октября 2025 г.). Омск: ОмГТУ, 2025. С. 120.

³⁹ TNA (UK). Political Intelligence Department, Foreign Office. The Position in the Ukraine: memorandum. 1918, May 17. (CAB 24/52/36; former reference: GT 4634). P. 1. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7643161>.

⁴⁰ Ibid. P. 3.

⁴¹ Ibid. Recent Events in the Ukraine: memorandum. 1918, July 1 (CAB 24/57/10; former reference: GT 5010). P. 1. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7643538>.

⁴² Ibid. P. 2.

⁴³ Ibid. Balfour A.J. Japanese Intervention in Siberia. Draft communication by Mr. Balfour to Sir C. Greene: memorandum.

1918, June 24 (CAB 24/55/53; former reference: GT 4952). P. 9. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7643480>.

⁴⁴ Гражданская война в СССР в 2 т. Т. 1: Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (окт. 1917 г. — март 1919 г.) / [Азовцев Н.Н., Гусаревич В.Д., Тинин А.Л. и др.]. М.: Воениздат, 1980. С. 159.

⁴⁵ TNA (UK). Great Britain. War Cabinet. Conclusions of a Meeting of the War Cabinet. 1918, August 20 (CAB 23/7/24; former reference: WC 461). P. 2. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7652187>.

⁴⁶ Лобанов В.Б., Михайлов В.В. Падение Горского правительства в 1919 году // Военно-исторический журнал. 2018. № 1. С. 51.

⁴⁷ TNA (UK). Political Intelligence Department, Foreign Office. Memorandum on Turco-German Relations over the Caucasus: memorandum. 1918, October 4 (CAB 24/66/8; former reference: GT 5908). P. 1. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7644441>.

⁴⁸ Ibid. P. 9.

⁴⁹ Ibid. P. 3.

⁵⁰ Ibid. P. 9, 10.

⁵¹ Ibid. Ministry of Shipping. Assistance to General Denikin at Novorissk: memorandum. 1919, March 3 (CAB 24/76/23; former reference: GT 6922). P. 1. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7732969>.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid. Churchill Winston S. Supplies for General Denikin's Force: memorandum. 1919, February 21 (CAB 24/75/67; former reference: GT 6867). P. 1. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7732913>.

⁵⁴ Бакланова И.С. Военно-стратегические планы командования Вооружённых сил Юга России на 1919 год:

историография вопроса // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 69.

⁵⁵ TNA (UK). Churchill Winston S. Final Contribution to General Denikin [Electronic resource]: memorandum. 1919, September 25 (CAB 24/89/24; former reference: GT 8224). P. 1. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7734277>.

⁵⁶ Ibid. P. 2.

⁵⁷ Ibid. P. 1.

⁵⁸ Ibid. Great Britain. Conference of Ministers. Conclusions of a Meeting of the Conference of Ministers. 1920, January 27 (CAB 23/37/20; former reference: Ministerial Conference 20). P. 15. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7652890>.

⁵⁹ Ibid. P. 14.

⁶⁰ Ibid. Cabinet. Conclusions of a Meeting of the Cabinet. 1920, January 29 (CAB 23/20/7; former reference: CC 7 (20)). P. 6. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7652553>.

⁶¹ Ibid. P. 2.

⁶² Ibid.

⁶³ Ibid. P. 7.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid. Conference of Ministers. Conclusions of a Meeting of the Conference of Ministers. 1920, June 11 (CAB 23/37/39; former reference: Ministerial Conference 39). P. 2. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7652909>.

⁶⁶ Ibid. Curzon of Kedleston. Political and Social Aspect of Bolshevik Policy in Russia: memorandum. 1919, July 17 (CAB 24/84/78; former reference: GT 7778). P. 1. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7733828>.

⁶⁷ Ibid. Great Britain. Conference of Ministers. Conclusions of a Meeting of the Conference of Ministers. 1920, January 27 (CAB 23/37/20; former reference: Ministerial Conference 20). P. 15, 16. URL: <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7652890>.

V.V. Inkin, V.V. Antonova, J.V. Rudenko

«...NOTHING REMAINED BUT FAMINE AND TYPHUS»

The British intervention in Soviet Russia (1918—1920):
a comparative analysis of the reasons for the intervention and its failure

Information about authors. Victor Inkin — teacher of the Derzhavin Lyceum of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin (city of Tambov. E-mail: vic-ink@yandex.ru);

Victoria Antonova — 11th grade student of the Derzhavin Lyceum of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin (city of Tambov. E-mail: antonova.vika09@mail.ru);

Julia Rudenko — 11th grade student of the Derzhavin Lyceum of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin (city of Tambov. E-mail: yulya.rudenko.09@bk.ru).

Summary. This paper, based on documents from the National Archives of the United Kingdom (war cabinet memoranda, intelligence reports, and government meeting transcripts), introduces an analysis of the decision-making processes behind the British intervention in Soviet Russia between 1918 and 1920 into scholarly discourse. The paper argues that during the initial stage of the intervention, proxy warfare (supporting White armies, conducting propaganda campaigns, and exerting diplomatic pressure) was employed to prepare for a direct military intervention. Regional differences in motivation were identified: in the north, the military-strategic factor (countering the German threat) was dominant, while in the south and Transcaucasia, economic interests (control over oil fields) prevailed. The authors concluded that the failure of the intervention was not only the result of the heroic resistance of the Red Army, but also due to internal contradictions within the British leadership, a lack of a unified strategy, and unpreparedness for a prolonged war in Russia on the part of British society and the army.

Keywords: Soviet Russia; Great Britain; intervention; Civil War; archival documents; White Army; Entente; W.L.S. Churchill; A.I. Denikin; P.N. Wrangel.

«УВЕЛИЧИТЬ ВЫПУСК... 37-ММ ЗЕНИТНЫХ АВТОМАТИЧЕСКИХ ПУШЕК — В ШЕСТЬ РАЗ»

Производство зенитных орудий на заводе имени К.Е. Ворошилова
(1939—1941 гг.)

Сведения об авторе. Сергомасов Михаил Юрьевич — доцент кафедры экономики предприятия и правового регулирования бизнеса Коломенского института (филиала) Московского политехнического университета, кандидат исторических наук (г. Коломна. E-mail: sergotasov_tu@mail.ru).

Аннотация. В статье показан процесс производства 76-мм зенитных пушек образца 1931 года (З-К) и 37-мм автоматических зенитных пушек образца 1939 года (61-К). На основе неопубликованных документов Российского государственного архива экономики автор проанализировал детали масштабной реконструкции предприятия, которая проходила накануне Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено оснащению его современным в те годы станочным оборудованием, включая импортное. Раскрыт процесс переименований предприятия и передачи его из ведения Артиллерийского управления РККА в Наркомат оборонной промышленности. В завершение отмечено, что в начале Великой Отечественной войны завод № 4 имени К.Е. Ворошилова стал крупнейшим в СССР производителем малокалиберных зенитных пушек. В силу определённых причин его история продолжает оставаться недостаточно исследованной.

Ключевые слова: Коломна; станция Голутвин; Государственный артиллерийский ремонтно-опытный завод № 1; 76-мм зенитная пушка образца 1931 г. (З-К); Государственный Союзный завод НКОП имени К.Е. Ворошилова; М.Н. Логинов; завод № 8 имени М.И. Калинина; миномётные вьюки; 37-мм зенитная автоматическая пушка образца 1939 г. (61-К); Я.А. Шифрин; В.Ф. Елисеев; А.Д. Брускин; Наркомат вооружения.

В современных условиях особую актуальность приобретает изучение опыта работы оборонно-промышленного комплекса накануне и в годы Великой Отечественной войны.

В сложной международной обстановке 30-х годов XX века Правительство СССР первостепенное внимание уделяло развитию тяжёлой промышленности, и прежде всего военной. По итогам выполнения первых двух пятилетних планов валовая продукция всей промышленности Советского Союза выросла по сравнению с 1928 годом в 4,6 раза¹. СССР вышел на первое место в Европе и на второе в мире по общему объёму промышленной продукции. В годы первых пятилеток были реконструированы фактически все старые машиностроительные заводы, по-

строено много новых. В приоритете третьего пятилетнего плана (1938—1942 гг.) стояло ускоренное развитие оборонной промышленности, особенно таких её отраслей, как авиационная и танковая.

Исходя из опыта боевых действий в Испании, на особый контроль было поставлено производство зенитных орудий. В 1930-е годы советская зенитная артиллерия по многим показателям уступала европейской, и прежде всего германской. Конструкторским коллективом под руководством М.Н. Логинова² были разработаны перспективные зенитные орудия, такие как 85-мм зенитная пушка образца 1939 года (52-К), 37-мм автоматическая зенитная пушка образца 1939 года (61-К) и 25-мм автоматическая зенитная пушка образца 1940 года (72-К)³.

В середине 1930-х годов основным производителем зенитных орудий в СССР был завод № 8 имени М.И. Калинина. К сожалению, его мощностей не хватало, что-

бы обеспечить советские Вооружённые силы этим видом артиллерии. Для увеличения производства зениток стране необходим был ещё один крупный специализирован-

ный завод. Быстрое решение проблемы правительство видело в перепрофилировании и реконструкции одного из ремонтно-артиллерийских предприятий, подчинённых

Артиллерийскому управлению (АУ) РККА.

Летом 1937 года специально созданная правительственная комиссия обследовала мощности предприятий Артиллерийского управления. Результатом её работы стала докладная записка от 27 октября 1937 года на имя председателя Комитета обороны при Совете народных комиссаров (СНК) СССР В.М. Молотова⁴. В записке в духе того времени подчёркивалось: «На основании обследования заводов выявлено, что в результате долголетнего вредительства, как со стороны промышленности, так и со стороны Артиллерийского управления, развёрнутой программы по производству материальной части артиллерии не было. В силу чего не только не было соответствующего плана строительства новых артиллерийских заводов и должной реконструкции старых, а, наоборот, имеющиеся мощности в основном были парализованы загрузкой станочного оборудования гражданскими заказами»⁵.

Для увеличения мощностей по производству новых артиллерийских систем комиссия предложила передать в Народный комиссариат оборонной промышленности (НКОП) Государственный артиллерийский ремонтно-опытный завод № 1 (ГАРОЗ № 1), располагавшийся в г. Коломне, недалеко от станции Голутвин⁶. Предприятие планировалось перевести на выпуск 37-мм и 45-мм зенитных пушек. Металлургической базой нового производства был рекомендован завод № 92 в Горьком⁷. Докладную записку подписали народный комиссар машиностроения А.Д. Брускин, начальник Артиллерийского управления РККА командарм 2 ранга Г.И. Кулик и начальник 3-го Главного управления НКОП Б.Л. Ванников.

Приказом НКО № 167сс от 17 мая 1938 года ГАРОЗ № 1 был передан в ведение Народного комиссариата оборонной промышленности, а приказом

М.Н. Логинов

№ 408 от 29 октября 1938 года переименован в Государственный Союзный завод НКОП имени К.Е. Ворошилова⁸.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1939 года Наркомат оборонной промышленности был разделён на несколько народных комиссариатов. Для производства артиллерийских систем и стрелкового вооружения был образован Народный комиссариат вооружения (НКВ) под руководством Б.Л. Ванникова. Государственный завод имени К.Е. Ворошилова был включён в 1-е Главное управление (артиллерийское).

С 1939 года завод имени К.Е. Ворошилова изготавливал 76-мм полуавтоматические зенитные пушки образца 1931 года, заводской индекс 3-К⁹. Техническая документация для их производства на завод № 4 была передана с завода № 8 имени М.И. Калинина¹⁰. Изготовление 76-мм зениток на заводе осуществлялось по утверждённому заместителем наркома вооружения СССР П.Н. Горемыкиным плану с учётом кооперации и проводившейся масштабной реконструкции предприятия. Для помощи в подготовке производ-

ства зенитных орудий на завод имени Ворошилова были переведены заместитель начальника КБ завода № 92 П.И. Костин, назначенный начальником КБ завода, 7 специалистов с завода № 8, 10 технологов с других заводов, а также 20 молодых специалистов. В Коломну были командированы конструктор артиллерийского вооружения М.Н. Логинов и инженер-технолог М.З. Олевский.

В соответствии с заданием основную часть орудия — ствол с затвором и полуавтоматом — изготавливал завод имени К.Е. Ворошилова. По плану 1939 года он должен был изготовить 325 стволов¹¹. Часть комплектующих для окончательной сборки зенитки выпускалась по кооперации.

По данным на 15 мая 1939 года, из общего количества (1234) деталей зенитки завод имени К.Е. Ворошилова изготавливал 656¹². Выступая 21 мая в Наркомате вооружения с отчётом о развёртывании производства изделий 3-К, директор завода В.Ф. Елисеев отметил, что «процесс освоения и производства деталей системы 3-К находится в начальной стадии, и темпы его недостаточны»¹³.

Из доклада известно, что литьё и поковки завод имени К.Е. Ворошилова получал по договорам с заводов № 8 имени М.И. Калинина, № 92 (Горьковский артиллерийский завод имени Сталина) и Коломенского машиностроительного имени В.В. Куйбышева. Завод № 92 поставлял стальное литьё, штамповки, орудийные поковки, всего 43 наименования. Коломенский машиностроительный завод — 64 наименования, в основном стальное литьё и штамповку, а завод № 8 — 30 наименований¹⁴.

В докладе подчёркивалось, что завод № 8 (в лице директора Н.Э. Носовского) игнорирует обязательства по кооперации. Делался вывод, что «если завод № 8 не примет к исполнению план кооперации с заводом

им. К.Е. Ворошилова, то последний будет вынужден работать в задел»¹⁵.

Параллельно с налаживанием серийного производства 76-мм зениток в 1938—1939 гг. на заводе имени К.Е. Ворошилова была проведена масштабная реконструкция.

Летом 1938 года для ввода новых производственных мощностей на предприятии было создано Управление капитального строительства (УКС). Строительство производственных цехов велось ускоренными темпами. Для этого были сняты строители с ряда городских объектов. Например, было остановлено строительство комплекса зданий учебного комбината.

Архивные документы свидетельствуют, что для строительства новых цехов в большом количестве требовались рабочие разных специальностей: землекопы, каменщики, плотники, арматурщики, бетонщики, штукатуры-маляры, кровельщики и др. В 1939 году на возведении заводских объектов трудились более 1000 человек¹⁶. Общая потребность УКСа в строителях на 1 января 1940 года была определена в 2500 человек¹⁷.

Строительство шло в сложных условиях. Для размещения рабочих по нормативам требовалось 12,5 кв. м жилой площади на человека. Завод

располагал жилыми зданиями барачного типа площадью 5500 кв. м. Велось строительство ещё 7000 кв. м жилых площадей. Для размещения иногородних строителей руководство предприятия получило согласие к 1 июня 1939 года установить 60 палаток на 850 человек.

Для прибывавших в производственные цеха рабочих из других регионов УКС имело разрешение помогать им в перевозке бревенчатых домов.

В 1939 году по утверждённому плану УКС должно было построить и ввести в эксплуатацию 6 производственных цехов¹⁸. Основными объектами промышленного строительства были цеха: механо-сборочные № 1 и № 2, нормалей, прицелов, инструментальный, опытный и ремонтный. Их строительство планировалось завершить в 1939 году. В 1940 году в планах УКС стояло строительство кузнечно-прессового цеха, цеха металлоконструкций, деревоотделочного, термического цехов, артиллерийского полигона, автогаража, пожарного депо, котельной и других объектов.

После передачи в Народный комиссариат оборонной промышленности предприятие начало работать с полной загрузкой. По данным на май 1939 года, завод имел 528 металлообрабатывающих станков

(табл. 1). С учётом ввода новых производственных мощностей предприятию требовались ещё 602 новых станка¹⁹. Наркомат вооружения имел договоры с ведущими западными станкостроительными фирмами на поставку нового станочного оборудования для завода имени Ворошилова²⁰. В 1939 году общие потребности предприятия в импортном оборудовании были определены в 187 станков²¹.

В основном заказы на изготовление станочного оборудования выполняли советские станкостроительные предприятия: Московский станкостроительный завод «Красный пролетарий», Московский станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе, Ленинградский станкостроительный завод имени Я.М. Свердлова и др.

С расширением производства предприятие испытывало нехватку квалифицированной рабочей силы, главным образом — станочников. Из документов Российского государственного архива экономики известно, что к концу 1939 года потребность в квалифицированных рабочих на заводе должна была составить 2056 человек²². Весной 1939 года руководство завода планировало решить кадровую проблему за счёт переподготовки специалистов других специальностей, выпуска учащихся заводского ФЗУ и поиска рабочих на стороне (табл. 2).

13 июня 1939 года Народный комиссариат вооружения СССР издал приказ № 98-е, в котором подчёркивалось, что развёртывание производства системы 3-К на заводе имени К.Е. Ворошилова идёт медленно. Завод не принял всех мер по использованию наличных мощностей на развёртывание и освоение системы. В целях ликвидации узких мест предприятие обязано было усилить кооперацию с заводом № 8, а именно практиковать обмен специалистами и перевести цеха на трёхсменную работу. Управление капитального стро-

Таблица 1

Наличие станочного оборудования на заводе имени К.Е. Ворошилова (1 мая 1939 г.)

№ п/п	Типы металлообрабатывающих станков	Наличие на 1 мая 1939 г.
1	Токарные станки	169
2	Сверлильные и револьверные станки	165
3	Вертикально-фрезерные, горизонтально-фрезерные, продольно-фрезерные и др.	84
4	Шлифовальные различной модификации	18
5	Зубонарезные, протяжные и др.	51
6	Пушечно-нарезные, пушечно-полировальные и другие узкой направленности	41
Итого		528

Составлена по: РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 157.

ительства завода имени К.Е. Ворошилова обязали в 1939 году сдать в эксплуатацию 8 цехов²³.

После выхода приказа на заводе произошли кадровые изменения. Новым директором предприятия был назначен Яков Абрамович Шифрин, ранее работавший заместителем директора Ленинградского завода «Большевик»²⁴.

Помимо производства зенитных пушек в 1939 году завод имени К.Е. Ворошилова имел государственный заказ на изготовление 700 комплектов конских миномётных выюков. Они предназначались для перевозки 82-мм миномёта БМ-37 конструкции Б.И. Шавырина. Миномёт был принят на вооружение постановлением Комитета обороны от 26 февраля 1939 года как «82-мм батальонный миномёт обр. 1937 г.» (БМ-37). Выюки, выпущенные заводом имени К.Е. Ворошилова, предназначались для кавалерийских и горнострелковых частей²⁵.

Наряду с зенитными пушками и миномётными выюками в 1939 году предприятие изготавливало подвижные артиллерийские мастерские (ПАМ).

В конце 1939 года завод прекратил выпуск 76-мм зенитных пушек²⁶. Изготовленные в Коломне зенитки и весь задел для этих орудий были переданы на завод № 8 имени М.И. Калинина. В январе 1940 года производство 76-мм зенитных пушек свернул и завод № 8. Основной продукцией завода имени К.Е. Ворошилова (завод № 4) стали 37-мм зенитные автоматические пушки. При плане в 900 орудий предприятие сумело в 1940 году выпустить всего 544 орудия.

В сравнении с 76-мм зенитками налаживание производства 37-мм зенитных автоматических пушек представляло собой более сложный технологический процесс и осуществлялось медленно. Невыполнение плана по выпуску 37-мм зениток в первом полугодии 1940 года обсуждалось в Комитете обороны при СНК СССР. Поста-

Я.А. Шифрин

новлением Комитета обороны № 301 от 5 июля 1940 года ответственным за исправление сложившейся ситуации был определён нарком вооружения Б.Л. Ванников²⁷.

В первые дни Великой Отечественной войны СНК СССР выдал задание Наркомату во-

оружения «увеличить выпуск 85-мм зенитных пушек в два раза (завод № 8), а 37-мм зенитных автоматических пушек — в шесть раз (завод № 4)»²⁸.

В 1941 году завод № 4 имел государственный заказ на выпуск 37-мм и 25-мм зенитных автоматических пушек в количестве 1700 орудий. До начала эвакуации (в Красноярск в октябре 1941 г.) завод в Коломне изготовил 2153 штуки 37-мм зениток. В ноябре и начале зимы в Красноярске из привезённых из Коломны комплектующих эвакуированные с предприятием специалисты собрали ещё 76 зениток²⁹. Всего в 1941 году завод № 4 выпустил 2229 штук 37-мм зенитных автоматических пушек.

Изготовление более сложных в сравнении с 37-мм зенитками 25-мм автоматических зенитных пушек (72-К) завод № 4 освоил вскоре после начала Великой Отечественной войны³⁰. Эти зенитки применялись для поражения низколетящих самолётов. До начала эвакуации завод № 4 в Коломне выпустил 276 штук

Таблица 2

Потребности и наличие квалифицированных рабочих на заводе имени К.Е. Ворошилова в 1939 году

№ п/п	Наименования профессий	Наличие на 1 мая 1939 г.	Потребности на конец 1939 г.
1	Токари	242	339
2	Токари-револьверщики	36	82
3	Фрезеровщики	75	182
4	Строгальщики	31	76
5	Долбёжники	10	35
6	Шлифовщики	14	55
7	Слесари	420	241
8	Сверловщики	18	247
9	Клепальщики	2	3
10	Сварщики	15	20
11	Термисты	—	12
12	Кузнецы	25	5
13	Молотобойцы	31	—
14	Прочие	1445	759
Итого		2364	2056

Составлена по: РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 157.

**Батарея 76-мм зенитных пушек образца 1931 г. (З-К)
268-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона ведёт
огонь по противнику в районе Одессы
*Фото Г. Зельмы, август 1941 г.***

Батарея советских 76-мм зенитных пушек З-К на позиции

**Расчёт 37-мм зенитной автоматической пушки 61-К перемещает
своё орудие во время боёв за освобождение Белоруссии
*Лето 1944 г.***

25-мм автоматических зенитных пушек. В Красноярске из комплектующих деталей, привезённых из Коломны, были собраны ещё 125 зениток. В 1942 году завод № 4 прекратил производство 25-мм зенитных орудий.

Подводя итог, необходимо отметить, что накануне Великой Отечественной войны завод № 4 имени Ворошилова успешно завершил масштабную реконструкцию. На предприятии вступили в строй новые цеха, оснащённые современным на тот период станочным, металлургическим и другим специальным оборудованием. Завод работал в кооперации с заводом № 8 имени Калинина, Киевским заводом «Арсенал» и другими оборонными предприятиями Советского Союза. Решена была и кадровая проблема. 2 октября 1940 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О создании государственных трудовых резервов» заводская школа ФЗУ была реорганизована в ремесленное училище № 8. В 1941 году в нём обучались более 600 человек.

Завод имени К.Е. Ворошилова стал основным производителем 37-мм зенитных автоматических пушек. С началом Великой Отечественной войны в соответствии с постановлением ГКО № 99сс от 11 июля 1941 года предприятие было эвакуировано в Красноярск. В октябре вместе с заводом в Красноярск выехали 9862 человека, были отправлены 1584 единицы станочного и другого сложного оборудования, необходимого для изготовления зенитных пушек. В 1943 году было принято решение оставить завод № 4 в Красноярске.

После окончания Великой Отечественной войны на основной части коломенской территории завода № 4 был образован завод тяжёлого станкостроения. В канун празднования 40-летия Победы подвиг коломенских специалистов, создававших

на заводе № 4 необходимое фронту вооружение, был высоко отмечен советским правительством. Правопреемник завода № 4 в Коломне — завод тяжёлого станкостроения Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1985 года

был награждён орденом Отечественной войны I степени.

В 2021 году в знак признания высоких заслуг тружеников тыла, внесших весомый вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков, Коломне было присвоено почётное звание

«Город трудовой доблести». В память о вкладе в Великую Победу тружеников завода № 4 на одном из пилонов, примыкающем к стеле «Коломна — город трудовой доблести», находится изображение 37-мм зенитной автоматической пушки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Промышленность СССР: статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1957. С. 10.

² **Михаил Николаевич Логинов** (1903—1940) — советский конструктор артиллерийского вооружения. Лауреат Сталинской премии. Созданные под его руководством 45-мм противотанковая пушка образца 1937 г., 37-мм автоматическая зенитная пушка образца 1939 г., 85-мм зенитная пушка образца 1939 г., 25-мм автоматическая зенитная пушка образца 1940 г. активно использовались в годы Великой Отечественной войны. Скончался от туберкулёза 28 октября 1940 г. в Крыму и был похоронен в Ливадии. 3 сентября 2020 г. прах конструктора с воинскими почестями был перезахоронен на Федеральном военном мемориале «Пантеон защитников Отечества» в Мытищах.

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 206.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7537. Оп. 1. Д. 78. Л. 357—361.

⁵ Там же. Л. 357.

⁶ Там же. Л. 357—361.

⁷ Там же.

⁸ Завод имени К.Е. Ворошилова был построен в 1914 г. предпринимателем Э. Липгартом в Коломне для производства сельскохозяйственных машин. Вскоре после начала Первой

мировой войны завод купил концерн «Коломна — Сормово» для Коломенского машиностроительного завода и наладил там выпуск трёхдюймовых артиллерийских снарядов. В 1918 г. в Коломну на базу снарядного отдела Коломенского машиностроительного завода был эвакуирован Петроградский арсенал. В годы Гражданской войны и НЭПа снарядный отдел Коломенского машиностроительного завода стал самостоятельным предприятием и специализировался на изготовлении арсенальной продукции для лёгкой артиллерии. В 1926 г. завод был передан в распоряжение Артиллерийского управления РККА и осуществлял ремонт артиллерийских систем.

⁹ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.

¹⁰ 76-мм зенитная пушка образца 1931 г. была разработана на основе немецкой 75-мм зенитной установки фирмы «Рейнметалл». По полученной от фирмы технической документации завод № 8 в Подлипках Московской обл. изготовил первые опытные образцы пушки, получившие заводской индекс 3-К. В 1932 г. пушка была принята на вооружение под названием «76-мм зенитная пушка обр. 1931 г.». В начале января 1940 г. производство этих пушек (в Красной армии их называли «немками») было прекращено.

¹¹ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 157. Л. 23.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 60.

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Там же. Л. 37—48.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же. Л. 7.

²³ Там же. Д. 107. Л. 58—59.

²⁴ С 25 марта 1938 г. директором Государственного оружейного оптического и сталелитейного завода «Большевик» (завод № 232) являлся Д.Ф. Устинов. 9 июня 1941 г. он был назначен народным комиссаром вооружения СССР.

²⁵ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 157. Л. 7, 56.

²⁶ Промышленность СССР... С. 10.

²⁷ 7 июня 1941 г. нарком Б.Л. Ванников был обвинён в шпионаже и арестован. Наркомом вооружения был назначен директор ленинградского завода «Большевик» Д.Ф. Устинов.

²⁸ Устинов Д.Ф. Во имя Победы. М.: Центрполиграф, 2016. С. 156.

²⁹ Производство 37-мм зенитных пушек завод № 4 завершил в 1945 г. в г. Красноярске. Всего было выпущено 18 872 пушки.

³⁰ Сергомасов М.Ю. Производство военной техники на коломенских заводах в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 8. С. 51, 52.

M.Yu. Sergomasov

«IT IS NECESSARY TO INCREASE THE PRODUCTION... OF 37-MILLIMETER ANTI-AIRCRAFT AUTOMATIC CANNONS BY SIX TIMES»

Production of anti-air weapons at the K.Ye. Voroshilov factory (1939—1941)

Information about author. Mikhail Sergomasov — assistant professor at the Department of Enterprise Economics and Legal Regulation of Business at the Kolomna Institute (branch) of the Moscow Polytechnic University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Kolomna. E-mail: sergomasov_mu@mail.ru).

Summary. This paper describes the production process of two types of anti-aircraft guns: the 76-mm model 1931 (3-K) and the 37-mm model 61-K, using unpublished documents from the Russian State Archive of Economics. The author analyses the details of a large-scale plant reconstruction that took place on the eve of World War II, paying particular attention to the introduction of modern machinery, including imported equipment. The paper also describes the renaming of the factory and its transfer from the Artillery Directorate to the People's Commissariat of Defense Industry. It is noted that Voroshilov Factory No. 4, which became the largest manufacturer of small-caliber anti-aircraft guns in the USSR at the start of World War II, has a relatively unknown history.

Keywords: Kolomna; Golutvin Station; State Artillery Repair and Experimental Plant No. 1; 76-mm anti-aircraft gun, model 1931 (3-K); State Union Plant NKOP named after K.Ye. Voroshilov; M.N. Loginov; Plant No. 8 named after M.I. Kalinin; mortar packs; 37-mm anti-aircraft automatic gun, model 1939 (61-K); Ya.A. Shifrin; V.F. Yeliseyev; A.D. Bruskin; People's Commissariat of Armaments.

«ЖИЗНЬ — РОДИНЕ, ЧЕСТЬ — НИКОМУ!»

Особенности нравственного воспитания в кадетских корпусах и военных гимназиях императорской России

Сведения об авторах. Дугин Игорь Михайлович — доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, полковник в отставке, кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: duginigor@yandex.ru);

Теренин Андрей Евгеньевич — начальник кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, полковник, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург. E-mail: aaa.ttt.2025@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе исторических документов, научной и мемуарной литературы исследуются особенности нравственного воспитания в кадетских корпусах и военных гимназиях в течение всего времени их функционирования в императорской России. Благодаря эффективной воспитательной работе выпускники этих военных образовательных учреждений в своём большинстве отличались высокоразвитым чувством патриотизма, офицерской чести, верностью присяге, бескорыстием, честностью, крепостью духа и другими важными качествами. Междисциплинарный характер исследования даёт возможность сформировать у представителей исторической и педагогической наук более полное и глубокое представление о методах нравственного воспитания будущих офицеров в конкретный исторический период; оценить влияние исторических личностей на развитие этого процесса, а также уяснить содержательные, организационные, идеологические и иные аспекты такого развития.

Ключевые слова: Российская империя; Русская Императорская армия; кадетские корпуса; военные гимназии; Императорский сухопутный шляхетский кадетский корпус; нравственное воспитание; исторические особенности нравственного воспитания; Главный штаб военно-учебных заведений; Главное управление военно-учебных заведений; Ф.А. Ангальт; И.И. Бецкой; К.И. Опперман; М.С. Перский; Я.И. Ростовцев; М.М. Сперанский; С.С. Уваров; К.Д. Ушинский.

Создание первых кадетских корпусов в середине XVIII столетия было вызвано потребностью Российской империи в широкомасштабной и качественной подготовке национальных кадров для службы на военном и гражданском поприще. Первый в России Императорский сухопутный шляхетский кадетский корпус был открыт в Санкт-Петербурге в феврале 1732 года по указу императрицы Анны Иоанновны Правительствующему сенату¹. Деятельность корпуса дала положительный результат, поэтому по его образцу стали создаваться другие аналогичные военно-учебные заведения. В декабре 1752 года в столице был открыт Морской шляхетский кадетский корпус, в августе 1758 года — Пажеский корпус, в октябре 1762 года — Артиллерийский и Инженерный шляхетский кадетский корпус.

Кадетские корпуса и военные гимназии прошли сложный путь развития, состоявший из нескольких этапов, в течение

которых их предназначение было различным. В XVIII веке они подготавливали дворянскую молодёжь к служению Отечеству как на военном, так и на гражданском поприще. В первой половине XIX столетия, функционируя как сугубо военные образовательные учреждения, занимались подготовкой офицерских кадров для Русской Императорской армии. Вследствие глубоких реформ военного образования в 1860-х годах военные гимназии (1863—1881 гг.) и кадетские корпуса (1882—1917 гг.) в качестве общеобразовательных учебных заведений готовили воспитанников к поступлению в военные училища².

На каждом этапе нравственному воспитанию в этих военно-учебных заведениях были присущи свои особенности, обусловленные конкретными историческими причинами: социально-экономическими, политическими и духовными условиями жизни общества, потребностями армии и флота в офицерских кадрах,

результатами военных действий, воззрениями царствующих особ и видных государственных деятелей на цели военного образования, состоянием педагогической теории и практики и др. Вместе с тем представляется возможным выделить ряд устойчивых признаков, проявлявшихся на протяжении всего времени существо-

вания военных гимназий и кадетских корпусов в императорской России. Общим оставалось то, что нравственное воспитание усилиями субъектов воспитательной деятельности различного уровня и статуса обрело и устойчиво сохраняло за собой ведущую позицию в системе воспитательной работы.

Уклад жизни воспитанников в первых кадетских корпусах был достаточно суровым. Поскольку кадеты имели статус «нижних чинов», то требования к ним, по сути, не отличались от требований командира роты к солдатам. Неудивительно, что в таких условиях в практике воспитания доминировали методы принуждения: надзор, запрет, наказание и др. Например, в «Уставе корпуса кадетов», изданном Сенатом 18 ноября 1731 года, указывалось, что с помощью надзора в воспитанниках следует формировать учтивость, пристойную покорность, умение повелевать и бороться с ложью и другими непристойными пороками³. Следует отметить, что методы принуждения, подчас достаточно жёсткие (занесение имён нарушителей на «чёрную» доску, содержание в карцере, розги и др.), использовались для влияния на сознание и поведение воспитанников практически на всём протяжении существования кадетских корпусов и военных гимназий в рассматриваемый период⁴.

Между тем уже на первом этапе наиболее прогрессивные и педагогически компетентные директора стремились использовать методы и приёмы воспитания, основанные на уважении личного достоинства воспитанников. Так, в интересах нравственного развития кадет новаторские для своего времени педагогические средства применял генерал-поручик Фёдор Евстафьевич Ангальт, который был директором Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в 1787–1794 гг. К таким средствам относились: общение с воспитанниками посредством

уважительного диалога; убеждение и увещевание; чтение «поучительной» литературы и ведение читательских дневников; «говорящие» стены, на которых были начертаны афоризмы, пословицы, изречения нравственного содержания⁵.

Генерал-лейтенант Михаил Степанович Перский, пройдя в том же кадетском корпусе должности инспектора классов и батальонного командира, возглавлял это военное учебное заведение в 1820–1832 гг. Его незаурядные личные качества

Указ Анны Иоанновны об учреждении Корпуса кадетов 1731 г.

и «педагогическое подвижничество» ярко описаны в повести Н.С. Лескова «Кадетский монастырь». Участвовавший в Швейцарском походе А.В. Суворова, всесторонне образованный, ведущий спартанский образ жизни, скрупулёзно вникавший в учебный процесс и потребности воспитанников, Михаил Степанович служил для них образцом в исполнении служебного долга. Много внимания М.С. Перский уделял формированию в корпусе традиций «кадетского братства», товарищества, взаимопомощи, взаимовыручки⁶.

Аналогичные принципы были изложены в руководящих документах по организации обучения и воспитания в кадетских корпусах и военных гимназиях. К примеру, в «Уставе всех военно-учебных заведений второго класса», который был составлен по высочайшему повелению в 1830 году Комитетом по организации военно-учебных заведений под председательством инженер-генерала Карла Ивановича Оппермана. В специальной главе документа показывалась роль нравственного воспитания, раскрывалась его цель, которая заключалась в «соделаньи» (создании) воспитанников добродетельны-

**Портрет императрицы
Анны Иоанновны**
*Неизвестный художник
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)*

ми и благочестивыми. Среди нравственных чувств, которые необходимо было формировать у кадет, выделялись: страх Божий, благочестие, чувство долга, беспредельная преданность государю, повиновение начальству, нежная почтительность к родителям, уважение к старшим, благодарность и любовь

к ближнему. К главнейшим же нравственным качествам были отнесены: власть над собой, воздержанность, укрощение страстей, стремление к совершенствованию себя, деятельность, порядок, честность, бескорыстие, правдолюбие, справедливость, твёрдость духа, неустрашимость и скромность. В качестве средств нравственного воспитания были названы: внушение, требование, наблюдение, развитие нравственных чувств, пример, соревнование, учение, чтение, разговоры, награждения и наказания⁷.

В разработанном несколько позже комиссией под руководством начальника Штаба военно-учебных заведений Якова Ивановича Ростовцева и утверждённом императором в 1849 году «Наставлении для образования воспитанников военных учебных заведений» была сформулирована комплексная стратегическая цель воспитания и представлен идеальный портрет выпускника корпуса: христианин, добрый сын, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер, отличающийся чистым (бескорыстным) желанием отплатить государю за его бла-

Здание Первого кадетского корпуса (бывший Дворец Меншикова на Васильевском острове)

Гравюра И.Э. История русского искусства. Т. 3. М.: Издание И. Кнебель, 1910.

годеяния честною службою и честною смертью⁸.

Ведущая позиция нравственного воспитания в системе воспитательной работы была сохранена и после преобразования кадетских корпусов в военные гимназии, и после восстановления кадетских корпусов. Убедиться в этом можно обратившись к «Инструкции по воспитательной части для военных гимназий и однородных с ними заведений и прогимназий», где перед командным и педагогическим персоналом были поставлены две главные воспитательные цели: развитие физическое и духовно-нравственное и образование необходимых для обеспечения этого развития привычек, склонностей, правил, убеждений⁹.

Первая цель должна была достигаться физическими упражнениями с соблюдением медицинских норм нагрузки и гигиены, а также путём привития воспитанникам высоких нравственных качеств: чувства долга, чести, решительности, мужества, силы воли, самообладания, религиозного чувства веры, а также чувства прекрасного и гармонии. Вторую цель предполагалось достигать привитием воспитанникам любви к труду, чистоплотности и аккуратности, взаимовыручки, дисциплинированности и исполнительности, стремления к физическому и интеллектуальному совершенствованию. Результатом достижения этих целей должно было стать привитие воспитанникам руководящих всею их жизнью христианских нравственных правил и убеждений¹⁰.

В соответствии с «Инструкцией по воспитательной части для кадетских корпусов» совокупность всех воспитательных мер, принимавшихся каждым кадетским корпусом, должна была прочно устанавливать в его питомцах необходимые основы для приготовления из них: искренне и деятельно верующих христиан, самоотвержен-

**Портрет графа Фёдора
(Фридриха) Евстафьевича
Ангальта**

*Художник П.И. Брюлло, 1810 г.
Государственный
художественно-
архитектурный дворцово-
парковый музей-заповедник
«Царское Село»*

но преданных Престолу, строго повинующихся законной власти и одушевлённых сознательным чувством долга верных слуг России, добрых и почтительных сыновей, честных и трудолюбивых граждан, образованных, дельных и крепких духом и телом воинов, серьёзно смотрящих на службу государству и обществу не как на средство, а как на благороднейшую цель своей жизни, с полной готовностью пожертвовать ею на защиту Царя и Отечества от врагов внешних и внутренних. Исходя из этой общей цели в кадетских корпусах среди основных направлений воспитательной работы выделялось духовно-нравственное воспитание, нацеленное на формирование у воспитанников любви к Родине, личной храбрости, мужества, преданности воинскому долгу, бескорыстия, уважения законов, товарищества, инициативы, смелости, доверия, самопожертвования, терпения, простоты, скромности и других нравственных качеств¹¹.

Отсутствие опыта подготовки дворянской молодёжи к военной и гражданской службе заставило инициаторов создания кадетских корпусов в России поначалу копировать прусский и датский опыт. Однако уже на первом этапе зарождается и постепенно усиливается стремление реформаторов военного образования отойти от зарубежных лекал и опереться на отечественные педагогические идеи и духовно-нравственные ценности.

Импульс к зарождению этой практики положила реформаторская деятельность Екатерины II и её личного секретаря и единомышленника во взглядах на воспитание юношества Ивана Ивановича Бецкого в период его руководства Сухопутным шляхетским кадетским корпусом. Будучи, как и сама императрица, приверженцем теории свободного воспитания Ж.Ж. Руссо, И.И. Бецкой стремился привнести в образовательный процесс идеи, способствовавшие не только военно-профессиональному, но и нравственному развитию воспитанников. По его мнению, для достойного служения Отечеству у кадет в первую очередь должны быть сформированы необходимые нравственные качества; нравственное воспитание в системе воспитательной работы должно быть приоритетным направлением; для нравственного и культурного развития будущему офицеру важно основательно осваивать общеобразовательные дисциплины; внутренний регламент корпуса должен способствовать устранению праздности и приучению воспитанников к уходу за собой¹².

Особое внимание И.И. Бецкой обращал на подбор воспитателей, наделённых здравым разумом, имевших соответствующее образование и опыт воспитательной работы. В его представлении их обязанностью являлось всестороннее изучение положительных

и отрицательных сторон кадет; исправление нерадивых воспитанников, по возможности личным примером, кротостью и лаской. Иван Иванович полагал, что при приёме в корпус предпочтение должно отдаваться детям дворян, пострадавшим на войне или не имевшим материального достатка¹³.

Подобные подходы просматриваются и в реформаторской деятельности в сфере образования государственного и общественного деятеля Михаила Михайловича Сперанского. Одной из его заслуг стала разработка и реализация проекта Императорского Царскосельского лицея, призванного осуществлять подготовку российской управленческой элиты. В лицее, несмотря на его гуманитарно-юридическую направленность, для желавших служить Отечеству на военном поприще организовывалось дополнительное военное обучение. В этом случае выпускники получали права выпускников Пажеского корпуса. Есть основание полагать, что педагогические идеи М.М. Сперанского были воплощены и в образовательном процессе Пажеского корпуса, который в 1802 году императорским рескриптом был переведён из разряда придворного учебного заведения в военное и организован по типу кадетских корпусов. Подчеркнём, что только в лицее и Пажеском корпусе были запрещены телесные наказания для воспитанников¹⁴.

Опираясь на гуманистические педагогические идеи эпохи Просвещения (Ф. Вольтер, Д. Дидро, Дж. Локк) и накопленный отечественный опыт, М.М. Сперанский разработал своё педагогическое учение, в котором вопросам нравственного воспитания было отведено центральное место. Цель воспитания, по мнению реформатора, заключается в формировании у молодых людей качеств патриота, гражданина, стержневыми характеристиками которого являются высокая нравствен-

**Портрет Карла Ивановича
Оппермана**

*Художник Дж. Доу, 1821 г.
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)*

ность, бескорыстное служение Отечеству, трудолюбие. Процесс воспитания понимался им широко, включая и образование. Для него понятия «правда», «добро», «духовность», «нравственность», «дружба» являлись основополагающими. Одним из первых в России М.М. Сперанский обосновал требования к педагогам как гражданских, так и военно-учебных заведений. Среди этих требований: умение находить оптимальные способы психологического воздействия на воспитанников; отдавать предпочтение «кротким и снисходительным» мерам влияния на них; быть способным улавливать с воспитанниками доброжелательные отношения; учитывать возрастные и социальные особенности; соблюдать нормы педагогической этики и др.¹⁵

В эпоху Николая I особый подход к нравственному воспитанию наиболее полно проявился в деятельности министра народного просвещения Российской империи графа Сергея Семёновича Уварова,

который предложил в качестве идеологического фундамента для российского юношества такие духовные ценности, как «православие», «самодержавие» и «народность». Именно в этих ценностях он видел основу русской идентичности, противопоставляя их ценностям «свободы», «равенства» и «братства», составлявшим идеологическую основу французской буржуазной революции конца XVIII столетия¹⁶.

Усилиями субъектов воспитательной деятельности (воспитателей, преподавателей, церковнослужителей) кадетских корпусов и военных гимназий составляющие «ценностной триады» обретали нравственный смысл. «Православие» выступало в качестве идейной основы морального духа российского воинства. «Самодержавие» как фундамент политической системы государства предполагало почитание власти императора. «Народность», с одной стороны, подчёркивала равноценность русского народа другим народам, а с другой — его самобытность¹⁷. В дальнейшем именно в русле этих духовных ценностей выстраивалась воспитательная работа в кадетских корпусах и военных гимназиях. Обратим внимание и на то обстоятельство, что С.С. Уваров в качестве основного средства воспитания у юношества нравственных и патриотических качеств рассматривал историю, преподавание которой, по его мнению, «есть дело государственное»¹⁸.

На этапе функционирования военных гимназий и кадетских корпусов как общеобразовательных учебных заведений вопросы нравственности поднимались всё более отчётливо под влиянием общественного движения, в авангарде которого находились известные отечественные педагоги К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, В.И. Водовозов, А.Я. Герд, Н.А. Корф, П.Ф. Лесгафт, В.П. Острогорский и др. Наиболее значительное влияние на нравственное

воспитание в военно-учебных заведениях оказала педагогическая концепция Константина Дмитриевича Ушинского, которая послужила ориентиром для реформы воспитательной системы кадетских корпусов в начале XX века, осуществлённой по инициативе великого князя Константина Константиновича (в 1910 г. он был назначен на должность главного начальника Высших учебных заведений). Опорой для этих преобразований послужили научно-педагогические представления К.Д. Ушинского: о единстве природного, душевного и духовного начал в человеке как объекте воспитания; о патриотизме как важнейшем нравственном качестве личности; о педагогическом идеале, заключающемся в гармонии нравственных, умственных и физических качеств воспитанников; о нравственном влиянии на молодых людей как основной педагогической задаче; о детстве и отрочестве как наиболее благоприятном времени для нравственного развития воспитанников; о разумной требовательности к воспитанникам, формирующей у них чувство долга и ответственность; о личном примере, убеждении, упражнении, педагогическом такте, поощрении и принуждении как методах нравственного воспитания; о деятельности и активности воспитанников как основных условиях нравственного развития; об особой роли труда для нравственного, умственного и физического развития воспитанников и др.¹⁹

В период существования кадетских корпусов и военных гимназий постоянно совершенствовалось управление воспитательным процессом. В начале их функционирования оно осуществлялось посредством указов царствующих особ, уставов, разрабатывавшихся под их контролем, исполнение которых возлагалось на директоров учебных заведений. Поэтому внутренний уклад этих

Портрет Я.И. Ростовцева

*Художник С.К. Заряно,
1855 г.*

*Омский областной музей
изобразительных искусств
имени М.А. Врубеля*

образовательных учреждений и царивший в них морально-психологический климат, а также специфика организации образовательного процесса чрезмерно зависели от позиции руководителей корпусов и гимназий²⁰.

Лишь в 1805 году, когда число военно-учебных заведений значительно увеличилось, по указанию императора Александра I был учреждён «Совет о военно-учебных заведениях», целью которого являлось введение «единого и общего начала в воспитании питомцев»²¹. Стремление к «единому началу в воспитании» в царствование императора Николая I воплотилось в создании специальных органов по управлению военным образованием. В 1832 году был образован Штаб управления начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка, который в 1855 году был преобразован в Главный штаб военно-учебных заведений. В этой связи представляется важным обратить внимание на деятельность генерала от

инфантерии Якова Ивановича Ростовцева, который с 1835 по 1860 год руководил Главным штабом. По его инициативе стал издаваться «Журнал для чтения воспитанниками военно-учебных заведений», главным редактором которого был он сам. Я.И. Ростовцев создавал условия для привлечения в кадетские корпуса наиболее квалифицированных преподавателей, а также для командировок за границу перспективной молодёжи в целях ознакомления с зарубежным педагогическим опытом. Он ввёл в практику годичные стажировки высших должностных лиц Главного штаба в должности директора кадетского корпуса и сам прошёл такую стажировку во втором кадетском корпусе²².

Несмотря на предпринятые в середине XIX столетия меры по совершенствованию управления кадетскими корпусами, стало очевидно, что оно далеко не оптимально. Более того, специальной комиссией был сделан вывод о кризисном состоянии воспитания будущих офицеров. Одна из причин кризиса виделась в том, что управлялись кадетские корпуса, как и прежде, по личному усмотрению директоров. Поэтому в 1863 году в ходе реформы военного образования было создано Главное управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ), структура которого на протяжении всего времени существования неоднократно менялась. На 1917 год при нём функционировали педагогический музей военно-учебных заведений и редакция журнала «Педагогический сборник»²³.

Деятельность ГУВУЗа и его структурных подразделений была достаточно эффективной и способствовала совершенствованию нравственного воспитания в кадетских корпусах и военных гимназиях, которое стало осуществляться по единым организационно-методическим документам, излагавшим его цели, задачи,

Павильон Педагогического музея военно-учебных заведений
на выставке «Устройство и оборудование школы»
1912 г.

Выпускной экзамен по Закону Божию в Первом Московском
императрицы Екатерины II кадетском корпусе
Фото П. Павлова, 1903—1905 гг.

Воспитанники одного из младших классов 3-го Московского
кадетского корпуса с преподавателями во время урока

содержание, методику, условия эффективности, разработанные на научной основе²⁴. Централизованный и системный характер приобрела работа по изучению, обобщению, обмену и распространению передового опыта нравственного и других видов воспитания кадет, которому способствовали: регулярно проводившиеся под эгидой ГУВУЗа съезды воспитателей и преподавателей кадетских корпусов и военных гимназий; командировки лучших воспитателей в заграничные военно-учебные заведения для изучения передового педагогического опыта; анализ отчётов о командировках и разработка на их основе практических рекомендаций по совершенствованию учебно-воспитательного процесса²⁵.

Деятельность ГУВУЗа создавала условия для привлечения к исследованию проблем воспитания и обучения выдающихся отечественных педагогов и психологов: И.М. Драгомирова, А.А. Крогиуса, А.Н. Макарова, А.Ф. Лазурского, А.Н. Нечаева, Н.Е. Румянцева и др. Контент-анализ материалов «Педагогического сборника» за период с 1884 по 1904 год показал, что за это время на его страницах проблемы нравственного, патриотического, воинского воспитания обсуждались в прямой постановке более 130 раз. Тематика публикаций была разнообразна и затрагивала широкий круг педагогических проблем. Однако наиболее часто обсуждались вопросы: методики подготовки и проведения различных форм нравственного просвещения (этические беседы, коллективные чтения, дискуссии по нравственным вопросам и др.); использования возможностей коллектива воспитанников в интересах их нравственного воспитания; профилактики и преодоления негативных традиций в жизнедеятельности воспитанников; индивидуализации воспитательной работы в целях формирования нрав-

ственных качеств воспитанников; укрепления дисциплины, организованности и правопорядка в подразделениях; воспитания у кадет нравственных и патриотических качеств; совершенствования форм и методов нравственного воспитания; гуманизации служебных и межличностных отношений между педагогами и воспитанниками и т.д.

Наряду с совершенствованием учебно-воспитательного процесса осуществлялось последовательное расширение арсенала средств повышения престижа и профессионально-педагогической компетентности субъектов нравственного воспитания. Прежде всего здесь стоит отметить постоянное внимание царствующих особ и членов императорской фамилии к подбору директоров кадетских корпусов и военных гимназий. В значительной мере этому способствовало их шефство над конкретными военно-учебными заведениями, которое вошло в практику управления ими. Так, согласно указу Екатерины II от 7 марта 1765 года она взяла на себя шефство над Сухопутным шляхетским кадетским корпусом. Павел I практически сразу по восшествии на престол взял все кадетские корпуса в своё непосредственное ведение. От их директоров он требовал регулярных личных докладов о положении дел, о нуждах учебных заведений, о всех выпускавшихся из корпуса кадетов, о принятых в корпус воспитанниках, о производстве в чин и поощрении корпусных офицеров²⁶.

Активно использовалось материальное стимулирование для повышения престижа воспитателей и преподавателей в кадетских корпусах. Например, Александр I офицерам 1-го и 2-го кадетских корпусов, Пажеского корпуса, Военно-сиротского дома, Московского кадетского корпуса было пожаловано «преимущество одного чина» против армейских

офицеров. В царствование Николая I было разработано «Положение о службе по учебной части при военно-учебных заведениях сухопутного ведомства», в котором устанавливался «порядок определения, увольнения и преимуществ, дарованных за службу в военно-учебных заведениях». С 1839 года всем военным чинам военно-учебного ведомства через пять лет службы выплачивалось полуторное жалованье, а через десять лет — двойное²⁷.

Действенным средством повышения профессионально-педагогической компетентности субъектов нравственного воспитания был их отбор и повышение квалификации. На первом этапе существования

кадетских корпусов использование этого средства едиными руководящими документами не регламентировалось. Однако внимание, которое уделялось военно-учебным заведениям царствующими особами и высшими государственными сановниками, способствовало тому, что командный и педагогический состав в своём большинстве отличался высокими деловыми и моральными качествами, необходимым образованием и богатым военно-служебным опытом. Об этом убедительно свидетельствует история Артиллерийского и Инженерного шляхетского кадетского корпуса, в стенах которого ныне расположена Военно-космическая академия

Кадет-мушкетер и кадет-гренадер Кадетского корпуса в царствование императрицы Анны Иоанновны в 1730—1740 гг.
Собрание мундиров 1-го кадетского корпуса. Тетрадь 1. Составлено и издано собственною Чертежною Его Императорского Высочества Генерал-Инспектора по Инженерной части в 1833 г.

имени А.Ф. Можайского. Там служили многие незаурядные личности: математики Н.В. Верещагин, В.М. Висковатов, С.Е. Гурьев; архитектор Ф.И. Демерцов, по проекту которого в 1796 году было возведено новое здание корпуса. Будущий военный министр А.А. Аракчеев занимал в корпусе должность обер-офицера, преподавал математику и артиллерию, а также заведовал корпусной библиотекой. Младшим преподавателем был будущий герой Отечественной войны 1812 года генерал А.П. Ермолов. В корпусе начинал служебную карьеру М.И. Кутузов, преподававший в нём математику²⁸.

После образования ГУВУЗа качественно улучшилась работа по подбору и повышению квалификации педагогических кадров. Под его началом разрабатывались единые требования к воспитателям и преподавателям²⁹. Так, в «Инструкции по воспитательной части для военных гимназий» были отражены следующие требования к воспитателям из числа гражданского персонала: призвание к педагогическому труду и наличие специального образования; знание специальной литературы; благовоспитанность и житейская мудрость; крепкое физическое здоровье; умение общаться с детьми, подчинять их своему влиянию, правильно оценивать их пороки, заблуждения и слабости; знание детского организма и жизни детского коллектива³⁰. Позже ГУВУЗом было определено, что каждый из воспитателей военных гимназий должен удовлетворять трём основным критериям: иметь высшее образование, соответствующие качества характера и быть не моложе 26 лет.

После реорганизации военных гимназий в кадетские корпуса требования к воспитателям из числа офицеров качественно изменились. В соответствии с «Положением о кадетских корпусах» офицеры из войск для замещения вакантных должностей воспи-

Портрет графа Сергея Семеновича Уварова
Художник В.А. Голике, 1833 г.
Государственный исторический музей (Москва)

тателей стали отбираться лично директорами учебных заведений, затем они прикомандировывались к корпусу на два года в виде испытательного срока. Отбор кандидатов проводился с учётом следующих критериев: офицер должен был иметь высшее образование; быть в чине не выше штабс-капитана гвардии или капитана армии; прослужить в офицерском звании не менее четырёх лет, из них не менее двух лет в строю³¹.

В XX веке требования к отбору кандидатов на воспитательские должности из числа офицеров ещё более возросли. В 1907 году циркулярным распоряжением по военно-учебным учреждениям всем кандидатам перед прикомандированием их к кадетским корпусам стали устраивать испытания по знанию «Инструкции по воспитательной части». С 1914 года в соответствии с приказом военного министра № 541 для кандидатов на воспитательские должности был установлен новый ценз: они должны были прослужить в офицерском звании не менее пяти лет и быть в звании поручика гвардии или

штабс-капитана армии. Те из них, кто успел к этому времени окончить одну из военных академий, должны были прослужить в войсках не менее года. В соответствии с этим же приказом все офицеры-воспитатели кадетских корпусов периодически направлялись на стажировку в войска во время летних каникул³². Высокие профессиональные и личностные качества офицеров-воспитателей, богатый опыт службы в войсках повышали их моральный авторитет в глазах воспитанников, пробуждали у кадет стремление подражать своим наставникам.

Таким образом, благодаря эффективной воспитательной работе воспитанники кадетских корпусов и военных гимназий на всех этапах их существования отличались в своём большинстве высокоразвитым чувством патриотизма, офицерской чести, верностью присяге, бескорыстием, честностью, крепостью духа и другими важными качествами. Большую роль в нравственном воспитании будущих офицеров играли не только преподавательский состав и руководство военно-учебных заведений, но и представители царствующей фамилии, видные государственные сановники, уделявшие непосредственное внимание учебно-воспитательному процессу. Выработанные столетия назад методики в усовершенствованном виде применяются и сегодня. Так, в системе современного кадетского образования активно используются воинские ритуалы (посвящение в кадеты, церемония очередного выпуска, кадетские смотры); в качестве элементов духовно-нравственного воспитания широко практикуются беседы, чтение произведений классиков, воспитательное чтение газет с последующим коллективным обсуждением; культивируется высоко ценившаяся в кадетской среде дореволюционных корпусов традиция товарищества и боевого братства; привива-

ется уважение к государственному, военному и кадетским символам. В образовательные программы включаются дисциплины, которые помогают воспитывать будущих защитни-

ков Родины в лучших кадетских традициях: основы геральдики, история Отечества, этика, риторика, история православной культуры и др. Сегодняшних кадет, как и их предшествен-

ников, отличает следование неписаному, но святому кодексу чести. Через столетия пронесли они свой славный девиз: «Жизнь — Родине, честь — никому!».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Указ Анны Иоанновны от 29 июля 1731 г. об учреждении корпуса кадетов. Печатан в Москве: При Сенате, 10 ноября 1731.

² Басаев В.Р. Становление и развитие кадетских корпусов в императорской России, XVIII век — начало XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2000. С. 172.

³ Регламент о содержании Корпуса кадетского: утвержден 18 ноября 1731 г. Печатан в Москве: При Сенате, 30 нояб. 1731. С. 16.

⁴ Галенковский П.А. Воспитание юношества в прошлом: ист. очерк пед. средств при воспитании в воен.-учеб. заведениях (в период 1700—1856 гг.). СПб.: Тип. И. Генералова, 1904. С. 24—26; Ховрина Л.Н. Гуманизация в военном образовании дореволюционной России в период с 1700 по 1917 гг. Дисс. ... докт. пед. наук. М., 1996. С. 34.

⁵ Глинка М.С. Искусство учиться про-гуливаться, или Ручная энциклопедия для воспитания, составленная графом Ангальтом. М.: Унив. тип., 1829. С. 126—131.

⁶ Лесков Н.С. Кадетский монастырь: русский военный рассказ XIX — начало XX века. М.: Правда, 1988. С. 315—318.

⁷ Устав для военно-учебных заведений второго класса. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1830. С. 17—31.

⁸ Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1849. С. 2.

⁹ Инструкция по воспитательной части для военных гимназий и однородных

с ними заведений и прогимназий. СПб., 1882. С. 16.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб., 1886. С. 6.

¹² Бецкой И.И. Рассуждения, служащие руководством к новому установлению Шляхетского кадетского корпуса. СПб.: Печ. при Сенате, 1776. С. 5; Рошфор К. «Новая порода людей» Императрицы Екатерины и Первый Кадетский корпус // Париж: Военная быль, 1971. С. 1—5.

¹³ Бецкой И.И. Указ. соч. С. 21.

¹⁴ Морозов В.И. М.М. Сперанский и реформы образования в начале XIX века // Управленческое консультирование. 2008. № 4. С. 159.

¹⁵ Румянцева Н.М. Просветительско-педагогическое учение М.М. Сперанского: историческое и современное значение. Дисс. ... докт. пед. наук. М., 2006. С. 40.

¹⁶ Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века: преемственность и развитие. Дисс. ... докт. ист. наук, 2009. С. 615.

¹⁷ Кудяева Т.А. Педагогические идеи С.С. Уварова и их значение для российского образования. Дисс. ... канд. пед. наук. М., 2008. С. 172.

¹⁸ Там же. С. 112.

¹⁹ Исаков Е.П. О нашем национальном опыте. К завещанной доблести: педагогические этюды. М.: Б.и., 2002. С. 495.

²⁰ Перепечий В.В. Деятельность государственных и военных органов

России по развитию системы кадетских корпусов русской армии в середине XVIII — начале XIX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 178.

²¹ Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в России. М.: ВПА имени Ленина, 1990. С. 49.

²² Там же. С. 82.

²³ Там же. С. 104—107.

²⁴ Дугин И.М. Нравственное воспитание учащихся кадетских корпусов России (историко-педагогический анализ). СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2006. С. 43.

²⁵ Там же. С. 48.

²⁶ Каменев А.И. Указ. соч. С. 43, 44.

²⁷ Там же. С. 50.

²⁸ Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского: исторические предшественники (1712—1941). СПб.: ВКА имени А.Ф. Можайского, 2012. С. 277.

²⁹ Дугин И.М. Роль офицера-воспитателя в организации нравственного воспитания учащихся кадетских корпусов дореволюционной России // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2008. № 11. С. 83.

³⁰ Инструкция по воспитательной части для военных гимназий и однородных с ними заведений и военных прогимназий. СПб., 1882. С. 25.

³¹ Дугин И.М. Роль офицера-воспитателя в организации нравственного воспитания учащихся кадетских корпусов дореволюционной России... С. 86.

³² Там же. С. 86, 87.

I.M. Dugin, A.Ye. Terenin

«LIFE FOR THE MOTHERLAND, HONOR FOR NONE!»

The features of moral education in cadet corps and military schools in Imperial Russia

Information about authors. Igor Dugin — assistant professor of the Military-Political Department at the A.F. Mozhayskiy Military Space Academy, colonel (ret.), Cand. Sc. (Phil.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: duginigor@yandex.ru);

Andrey Terenin — head of the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces) of the A.F. Mozhayskiy Military Space Academy, colonel, Cand. Sc. (Psych.) (St. Petersburg. E-mail: aaa.ttt.2025@mail.ru).

Summary. This paper, drawing on historical documents, scholarly literature, and memoirs, examines the characteristics of moral education in cadet corps and military gymnasiums throughout their existence in Imperial Russia. Thanks to effective educational efforts, most students at these military educational institutions are distinguished by a highly developed sense of patriotism, officer honor, loyalty to the oath, selflessness, honesty, fortitude, and other important qualities. The interdisciplinary nature of the study allows researchers from historical and pedagogical disciplines to develop a more comprehensive and in-depth understanding of the methods of moral education for officers in a specific historical period. They can assess the impact of historical figures on this process and explore the substantive, organizational, ideological, and other aspects of its evolution.

Keywords: Russian Empire; Russian Imperial Army; cadet corps; military gymnasiums; Imperial Land Noble Cadet Corps; moral education; historical features of moral education; General Staff of Military Educational Institutions; Main Directorate of Military Educational Institutions; F.A. Anhalt; I.I. Betskoy; K.I. Opperman; M.S. Perskiy; Ya.I. Rostovtsev; M.M. Speranskiy; S.S. Uvarov; K.D. Ushinskiy.

«САМОЕ ЛУЧШЕЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЕСТЬ ЗАЩИЩАТЬ СВОЕ ОТЕЧЕСТВО»

Типология военного героизма (на примерах Великой Отечественной войны и современных военных конфликтов)

Сведения об авторе. Квасов Олег Николаевич — заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г.Ф. Морозова, доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж. E-mail: kvasovoleg@yandex.ru).

Аннотация. В статье анализируются научные определения понятия «подвиг» и отмечается отсутствие приемлемой для истории, военного дела и патриотического воспитания классификации военного героизма. Автором предлагается оригинальная типология военного подвига, в основу которой положено сочетание двух основных критериев: тип героизма (физический, моральный и витальный) и особенности военной деятельности, а также выделяются пять разновидностей подвига (подвиг самопожертвования; подвиг боевого единства; подвиг боевого мастерства; подвиг самоотверженности и стойкости духа; подвиг военной сопричастности), проиллюстрированных примерами из летописи Великой Отечественной войны и военной операции России в Сирийской Арабской Республике.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Герой Советского Союза; подвиг советского народа; типология военного подвига; физический, моральный и витальный героизм; особенности военной деятельности; классификация военного героизма; гвардейские части.

Совершенствование тактики и стратегии, развитие оборонных технологий, формирование военных блоков и прочие современные атрибуты не могут отменить определяющего значения человеческого фактора на войне. Воин во всех своих профессиональных, качественных и количественных проявлениях был и остаётся важнейшим звеном успеха вооружённого противоборства. Соответственно, физическая, психологическая и профессиональная подготовка военнослужащих является как государственной, так и общегражданской задачей. Огромное значение в этой связи имеет общественно-психологическое состояние личного состава, которое проявляется в вопросах воспитания, когнитивных способностях, мировоззрении и ценностях представителей военной профессии. Поэтому весьма актуальна проблема современного осмысления подвигов

советских бойцов в годы Великой Отечественной войны, формирования осознанного ценностного отношения к ним со стороны нынешних поколений.

Несмотря на то что сам феномен советского героизма и отдельные его проявления многократно исследовались в отечественной историографии, системный механизм, упорядочивающий огромное количество подвигов, до сих пор в полной мере не выработан¹. Имеющиеся аналитические работы характеризуют подвиги как онтологическую сущность, по родам войск, отдельным воинским подразделениям, театрам и периодам военных действий, что не позволяет систематизировать воинский героизм как единый феномен, акцентировать внимание на механике героической деятельности и, как следствие, выработать продуктивные воспитательные методики.

Среди факторов победы в Великой Отечественной войне помимо достижений военного руководства, способности государства реализовать свой экономический потенциал и поддержки мирового сообщества наиважнейшим был высокий патриотический подъём

населения, что проявилось при формировании народного ополчения, в обширном партизанском движении, массовом героизме на фронте и в тылу. Общеизвестны цифры, демонстрирующие индивидуальный фронтовой героизм. Так, за боевые действия в Великую Отечественную вой-

ну Героями Советского Союза стали 11 635 человек, дважды Героями — 107 человек и трижды Героями — двое. Помимо этого полными кавалерами ордена Славы стал 2671 боец, а ордена Славы хотя бы одной степени — более миллиона человек. При этом стоит учитывать, что ор-

дена Славы стали удостаивать только с 1944 года, а в начальный период войны награждения военнослужащих вообще были сопряжены с рядом сложностей. Поэтому огромное количество подвигов советских солдат и офицеров, совершённых при отступлении, в окружении, в тылу противника, остались неизвестными или не отмеченными государством. Отдавая должное этим безымянным героям и преклоняясь перед их героизмом, главным памятником Великой Отечественной войны в России принято считать Могилу Неизвестного Солдата с Вечным огнём в Александровском саду, у стен Московского Кремля.

В первые послевоенные десятилетия Советский Союз жил воспоминаниями о войне. Сама атмосфера общественного сопереживания и постоянные контакты с ветеранами создавали единое информационное пространство, в рамках которого героические примеры гармонично формировали ценностный мир молодёжи. Имена Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Марата Казея, Олега Кошевого и многих других были одновременно и именами нарицательными, которые отражали существенные отличительные признаки героических поступков, несущих воспитательное и ценностное значение². Современная молодёжь по целому ряду причин оказалась в другом информационном поле, и для восприятия многочисленных и многообразных примеров мужества советских людей требуются особые теоретическое осмысление, чувственная рефлексия и типологизация военных подвигов.

С древних времён отношение к подвигам имело особый характер. Представление об общественном прогрессе было непосредственно связано с именами героев, мифологизировано и персонализировано. Прометей, Геракл, Ахилл и прочие персонажи древнегреческой мифологии представляют собой яркий ценностный мир Античности, который, хотя и обладает свой-

ственным только этой эпохе и культуре характером, имеет стереотипные антропоморфные признаки.

Попытки понять феномен подвига и поведение героев предпринимались неоднократно³. Несмотря на обширный набор дефиниций, преимущественно под подвигом понимаются действия, осуществляемые в экстремальных условиях и обстоятельствах для достижения общественно значимых целей. Социальная значимость и необходимость приложить чрезвычайные индивидуальные усилия определяют особое культурное отношение к таким поступкам. Подвиги не только имеют актуальную ценность, но и становятся новыми нормами поведения, формируют воспитательное и ценностное пространство.

Неотъемлемой составляющей подвига является его исполнитель, т.е. герой, и подчас эти два понятия используют как синонимы, объединяя субъекта и деяние в одно целое. Характерно, что данная взаимосвязь наиболее отчётливо прослеживалась в древности, когда в основе такого объединения лежала божественная воля. Так, непобедимость древнегреческих героев Ахилла, Геракла, Персея базировалась на родственных связях с богами; непосредственное соперничество богов предопределяло победы Одиссея, Тесея и Гектора. Обращаясь к богу, совершали подвиги и в Средневековье, тогда как индивидуальная воля и инициатива героя считались вторичными. Только в Новое время проявление героизма начинают связывать с индивидуальным, самостоятельным и осознанным выбором исполнителя, а его причины видеть в общественных ценностях — чести, долге, традициях и патриотизме. «Самое лучшее предназначение есть защищать свое Отечество», — писал русский поэт и государственный деятель Г.Р. Державин⁴.

Типология героев многочисленна, как и разнообразны определяющие их критерии. К феномену героизма обращались

все мыслители, пытавшиеся постичь законы общественного развития или внутренний мир человека: Н.К. Михайловский, К. Маркс, Р.У. Эмерсон, З. Фрейд, Ф. Ницше, С.Н. Булгаков, Т. Карлейль, К. Юнг, Й. Хейзинга и др. К числу часто используемых типологий героев можно отнести концепцию, предложенную социологом В.Д. Плаховым, который на основе сфер деятельности выделил 15 основных типов героев с присущими им в 6 случаях разновидностями⁵. Применительно к военной деятельности Плахов выделил пять видов воина-героя: защитник, завоеватель, солдат, царь, полководец. Классификация психолога Е.В. Рязуновой базируется на бинарной оппозиции ситуаций с выделением четырёх типов героя: «герой как воплощение жизненной миссии», «герой как защитник», «герой как помощник» и «герой как кумир»⁶.

К неотъемлемым признакам героического поступка относят его добровольность, выраженный и высокий риск деяния, альтруизм и бескорыстие героя⁷. Многообразная и глубокая природа героизма создаёт большие сложности в постижении этого феномена. Поэтому подчас ограничиваются простым выделением трёх видов героического проявления, в основе которых лежит характер риска. Таким образом, выделяют: сопряжённый с непосредственной угрозой потерять жизнь физический героизм; моральный героизм, характеризующий мировоззренческий конфликт, борьбу со стереотипами и навязываемыми нормами; витальный героизм, определяемый как внутренняя борьба человека со своими недостатками, жизненными проблемами, трудностями.

Очевидно, что проявления героизма для каждой сферы человеческой деятельности будут иметь свою логику, содержание и специфику, поэтому нами предлагается оригинальная типология военного подвига, в основу которой положено сочетание двух основных крите-

Александр Матросов
Художник В.Е. Памфилов, 1953—1954 гг.
Центральный музей ВС РФ

Георгиевский зал Большого Кремлёвского дворца.
Слева направо: трижды Герои Советского Союза полковник
Александр Покрышкин, маршал Георгий Жуков, майор Иван Кожедуб
Фото Я. Халипа

Торжественная передача танковой колонны «Дмитрий Донской»
Красной армии
д. Горелки, Тульская обл., март 1944 г.

риев: тип героизма (физический, моральный и витальный) и особенности военной деятельности. Можно выделить пять типов данного феномена: 1) подвиг самопожертвования; 2) подвиг боевого единства; 3) подвиг боевого мастерства; 4) подвиг самоотверженности и стойкости духа; 5) подвиг военной сопричастности. При этом граница между разными типами подвигов, как и подобает типологизации, не является жёсткой, а отдельные подвиги могут иметь сочетание элементов нескольких типов. Определяющим в типологии является наиболее яркое и характерное проявление той или иной стороны военного дела, причём боевая деятельность не отделяется от тыловой, что является важнейшим условием для победы в современных войнах и позволяет достойно характеризовать и определять героические усилия рабочих, инженеров, конструкторов, учёных, волонтеров и др. Для понимания и характеристики каждого типа подвига лучше это сделать на конкретных примерах из летописи Великой Отечественной войны и военных конфликтов современности.

Подвиг самопожертвования наиболее ярко проявляет сущность профессии военнослужащего, готового при необходимости ценой своей жизни выполнить поставленную задачу и защитить мирную жизнь. Но именно в боевых условиях это alter ego проявляется наиболее чётко. Подвиг А.М. Матросова тому яркий пример. В феврале 1943 года стрелок Александр Матросов, исчерпав все боевые возможности подавить укрепленную огневую точку врага, в броске закрыл своим телом амбразуру вражеского пулемёта, тем самым дав своим сослуживцам возможность приблизиться к вражеским позициям и уничтожить противника. Несмотря на то что подобные подвиги совершали неоднократно и до него, именно с именем Матросова ассоциируется это

героическое деяние. За годы войны «подвиг Матросова», по далеко не полным данным, совершили 470 советских воинов⁸. Подобный, по сути, поступок в самом начале войны совершил и лётчик Н.Ф. Гастелло. 26 июня при выполнении боевого задания его бомбардировщик ДБ-3Ф был подбит противником. Вместо того, чтобы всему экипажу (Н.Ф. Гастелло, А.А. Бурденюк, А.А. Калинин и Г.Н. Скоробогатый) покинуть самолёт на парашютах и тем самым спасти себе жизнь, командир направил охваченную пламенем машину на вражескую механизированную колонну и посредством самопожертвования и «огненного тарана» выполнил боевую задачу. Справочники указывают, что подвиг Гастелло за годы войны был повторён более пятисот раз⁹. Такое же самопожертвование совершили 2 декабря 2022 года в ходе боёв за Артёмовск на бомбардировщике Су-24М российские лётчики А.С. Антонов и В.Н. Никишин. Выполняя боевую задачу, повреждённую ракетой ПЗРК боевую машину они направили на скопление бронетехники противника.

Примеров индивидуальных подвигов советских бойцов в годы Великой Отечественной войны, в основе которых лежала необходимость, жертвуя собственной жизнью, выполнить приказ и свой воинский долг, огромное множество¹⁰.

Если подвиг самопожертвования ассоциируется в первую очередь с индивидуальным героизмом, то подвиг боевого единства и братства демонстрирует боевую сплочённость и взаимодействие целого воинского подразделения. Образно такой подвиг подчас именуют «подвигом 28 панфиловцев» — бойцов 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии (Панфиловской дивизии), которые 16 ноября 1941 года во главе с политруком В.Г. Клочковым отчаянно сдерживали танковый натиск в окрестностях разъезда Дубосеково¹¹. Очевидно, что без

коллективных усилий всей страны невозможны были оборона Брестской крепости, Москвы, Сталинграда, Ленинграда, Кавказа, Советского Заполярья, но данный подвиг выделяет героизм отдельного воинского подразделения как единого целого, в котором залогом выполнения боевой задачи становится сплав мастерства, взаимовыручки, доверия и верности долгу. Подвиги десантного отряда старшего лейтенанта К.Ф. Ольшанского, защитников дома Павлова в Сталинграде, подпольщиков «Молодой гвардии» в Краснодоне и другие многочисленные примеры демонстрируют именно это единство. Наиболее ярко такое сочетание боевых качеств отразилось в практике присвоения воинским частям и подразделениям наименования гвардейских¹². А таковыми за годы войны стали свыше 4500 частей, кораблей, соединений и объединений Красной армии. Эта же практика награждения особо отличившихся воинских частей и подразделений продолжается и в ходе Специальной военной операции (СВО).

Профессиональное мастерство военного проявляется наиболее однозначно и категорично на поле боя. В каждом роде войск за годы Великой Отечественной войны появились признанные мастера, квалификация которых подтверждалась не только количеством одержанных индивидуальных побед. Однако именно статистика наиболее красноречиво характеризует доблестного воина. На счету лучших советских асов А.И. Покрышкина и И.Н. Кожедуба соответственно 59 и 62 воздушные победы, снайперы М.И. Сурков и Л.М. Павличенко уничтожили соответственно 702 и 309 вражеских захватчиков, танкист Д.Ф. Лавриненко за несколько первых месяцев войны подбил и сжёг 52 фашистских танка, а экипаж, возглавляемый старшим лейтенантом З.Г. Колобановым, только за один бой 20 августа 1941 года уничтожил 22 танка противника.

В качестве подготовки бойцов, в их слаженных действиях на поле боя проявляется подвиг армейского командного состава. Только вместо демонстрации индивидуальных боевых качеств задача командира заключается в способности подготовить и создать максимально возможные условия для победы благодаря преимуществам своей армии, учёту слабостей врага, анализу различных обстоятельств и факторов: географических, климатических и пр. Свои командирские качества военачальники должны демонстрировать на всех иерархических уровнях, высший из которых ассоциируется с понятием «полководец»¹³. К концу Великой Отечественной войны в Красной армии была целая плеяда выдающихся полководцев, а имена А.И. Антонова, И.Х. Баграмяна, А.М. Василевского, Н.Ф. Ватутина, Н.Н. Воронова, Л.А. Говорова, А.И. Ерёменко, Г.К. Жукова, И.С. Конева, Р.Я. Малиновского, К.А. Мерецкова, И.Е. Петрова, К.К. Рокоссовского, Ф.И. Толбухина, И.Д. Черняховского и других навсегда вошли в историю русского военного искусства.

Обстоятельства смерти юной разведчицы Зои Анатольевны Космодемьянской стали известны стране в январе 1942 года. Её героизм, смелость и сила духа перед лицом смерти будут вдохновлять миллионы защитников Отечества до самого конца войны. Подвиг генерала Дмитрия Михайловича Карбышева, который с негибаемой стойкостью пронёс верность стране и присяге через все годы концлагерного плена и страшную смерть; упорство и целеустремлённость, которые помогли лётчику Алексею Петровичу Маресьеву выжить и, потеряв ноги, продолжить громить врага, — такие примеры имеют огромное вдохновляющее значение. «Честь имею!», «Русские не сдаются!», «Своих не бросаем!» — эти принципы русского воинства характеризуют профессиональное кредо советского и российского офицера. Ярким примером тому стал

Памятник генералу Д.М. Карбышеву на территории бывшего концентрационного лагеря Маутхаузен (Австрия)

Оборона Брестской крепости в 1941 году
Художник Е.А. Зайцев, 1950 г.

Подвиг 28 героев-панфиловцев
Художник Д.К. Мочальский, 1942 г.
Симферопольский художественный музей

подвиг заместителя командира эскадрильи 187-го гвардейского штурмового авиационного полка гвардии майора Р.Н. Филипова. Во время облёта зоны деэскалации «Идлиб» на территории Сирийской Арабской Республики 3 февраля 2018 года его штурмовик Су-25СМ был сбит выстрелом из переносного зенитного ракетного комплекса, а сам лётчик катапультировался. На земле он попал в окружение боевиков и погиб в последовавшем за этим бою: отстреливаясь от нападавших из табельного оружия, Филипов был тяжело ранен. Истекая кровью, он подорвал себя и приблизившихся врагов гранатой.

Войны техногенного характера наиболее ярко демонстрируют необходимость единства фронта и тыла для одержания победы. Именно тыл обеспечивает качество и количество техники, которая в умелых руках военнослужащих становится залогом несокрушимой обороны и неотвратимого возмездия. В период тяжёлых испытаний патриотизм позволяет и в тылу терпеть невзгоды и лишения войны, трудности мобилизации, несчастье утрат, подвигая на «героизм массовой будничной работы»¹⁴. Эвакуационные мероприятия, мобилизация экономики, научно-технические разработки, массовое производство военной техники можно характеризовать как единый подвиг тыла с огромным количеством индивидуальных и коллективных героических поступков¹⁵. И примеров добровольного альтруистического труда в период Великой Отечественной войны было очень много. Индивидуальные и коллективные пожертвования, инициативные и оформленные общественными учреждениями и государством, не только подпитывали материальную основу Победы, но и формировали единство духа, показывали сопричастность боевым усилиям фронтовиков. На сданные пчеловодом Ф.П. Головатым личные средства были постро-

ены два боевых самолёта, на пожертвования коллектива оркестра Л. Утёсова — два истребителя, на вклады прихожан Московской патриархии сформировали танковую часть «Дмитрий Донской» (19 танков Т-34-85 и 21 огнемётный танк ОТ-34). Массовые жертвования граждан принимал Фонд обороны, который собрал за годы войны 22,3 млрд руб. и 9663 кг драгметаллов. Современное волонёрское движение является ярким проявлением гражданской позиции россиян и преемственности победных традиций.

Огромную роль в информировании общественности о

героических событиях, в акцентировании обстоятельств и идеализации фактов играют пропаганда и массовая печать. И несмотря на имеющиеся лакуны, неточности и даже фактические ошибки журналистов и политработников в описании некоторых событий, характер подвига и суть героизма это не меняет¹⁶. Многие из подвигов, затронув самые искренние, сокровенные и архетипичные качества и чувства людей, начинают жить своей жизнью, мифологизируются, становясь уже частью цивилизационного фундамента культуры¹⁷.

Приведённые в данной статье примеры демонстрируют

огромную роль в достижении победы над фашизмом героизма советских граждан, который на протяжении всей войны в массовом масштабе проявлялся на фронте и в тылу. Предложенная типология героических поступков призвана акцентировать внимание на подвиге как на важной и неотъемлемой составляющей подготовки личного состава Вооружённых сил Российской Федерации, правильно обосновать роль героизма в достижении победы и в дальнейшем внедрять оптимальные педагогические методики воспитания военно-служащих и всей российской молодёжи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волкогонов Д.А. Сущность, критерии и формы воинского героизма // Военно-исторический журнал. 1972. № 6. С. 12—19; Шумихин В.С. Современная историография о героизме советских воинов в Великой Отечественной войне // Историография Великой Отечественной войны: сборник статей. М.: Наука, 1980. С. 127—134.

² Головашина О.В. «Всегда есть место подвигу...»: герои и героизм в советских учебниках истории // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 86—97.

³ Лобченко Л.С. Героизм как ценность: исторический аспект: антропологическая аналитика: сборник научных трудов. Нижний Новгород: Нижегородский гос. тех. ун-т имени Р.Е. Алексеева, 2015. С. 77—86.

⁴ Державин Г.Р. Из неизданного // Проект «Собрание классики» (Lib.ru/Классика). URL: http://az.lib.ru/d/derzhawin_g_r/text_1812_iz_neizdannogo.shtml.

⁵ Плахов В.Д. Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы: монография. СПб.: КАРО, 2008. С. 48—67.

⁶ Рягузова Е.В. Герой как культурное означающее // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2014. № 2. С. 120—125.

⁷ Гуторович О.В. Герой и героизм: сущность, историческая эволюция, проявление // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 8. Философские науки. Вып. 57. С. 73.

⁸ Багаутдинов А.М., Багаутдинов Р.А. Подвиг Александра Матросова: анализ советских и немецких документов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 224 с., 1 л. портр.

⁹ 80 лет подвига Гастелло «огненный таран». Екатеринбург: СОМБ, 2021. С. 5.

¹⁰ Ачмиз К.Г. «Русские не сдаются!».

Подвиг самопожертвования советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 1(30). С. 2—2.

¹¹ Мягков М.Ю. Подвиг панфиловцев. Новые документы и факты // Военно-исторический журнал. 2019. № 5. С. 4—16; Дроздов К. Героев было не только двадцать восемь // Родина. 2012. № 5. С. 6—11; Кикнадзе В.Г. Великая Победа над фашизмом. Фальсификация — нет! М.: Прометей, 2025. С. 151—156.

¹² Кузьмичев А.П. Советская гвардия. М.: Военное изд-во, 1969. С. 5.

¹³ Рубцов Ю.В. О полководцах Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 62—70.

¹⁴ Волкогонов Д.А. Указ. соч. С. 15.

¹⁵ Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производственных сил СССР в 1941—1942 гг. М.: Наука, 1966. С. 5—14.

¹⁶ Тихонов В.В. Огненный таран Н. Гастелло: создание пропагандистского образа и коммеморативные практики // Архивный поиск. Вып. 3. М.: Архив РАН, 2020. С. 322—336.

¹⁷ Барт Р. Мифология. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2000. С. 283—286.

O.N. Kvasov

«THE ULTIMATE PURPOSE IS TO PROTECT ONE'S HOMELAND»

A typology of military heroism (based on examples from the Great Patriotic War and modern military conflicts)

Information about author. Oleg Kvasov — head of the Department of Social Sciences and humanities at the Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov, D. Sc. (Hist.), associate professor (city of Voronezh. E-mail: kvasovoleg@yandex.ru).

Summary. This paper examines the scholarly definitions of the term feat and highlights the absence of a universally accepted classification of military heroism in the fields of history, military affairs, and patriotic education. The author presents a novel typology of military feats, based on two primary criteria: the type of heroism (physical, moral, and vital) and the characteristics of military activity. Five distinct types of feats are identified: self-sacrifice, military cohesion, combat expertise, dedication and resilience, and military engagement. These are exemplified through case studies from the Great Patriotic War in Russia and its military operations in Syria.

Keywords: Great Patriotic War; Hero of the Soviet Union; feat of the Soviet people; typology of military feat; physical, moral and vital heroism; features of military activity; classification of military heroism; guard units.

«ВСЕ ЛИЦА, ОКАЗЫВАВШИЕ СОДЕЙСТВИЕ НЕПРИЯТЕЛЬСКИМ ВОЙСКАМ НА НАШЕЙ ТЕРРИТОРИИ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ РАЗОБЛАЧЕНЫ»

Полиция Варшавского генерал-губернаторства Российской империи
в борьбе с разведкой противника в ходе Первой мировой войны (1914—1916 гг.)

Сведения об авторе. Зверев Вадим Олегович — профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского университета МВД России, полковник полиции в отставке, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург. Email: zverevota@mail.ru).

Аннотация. В статье раскрывается «контрразведывательная история» полиции Варшавского генерал-губернаторства во время Первой мировой войны. Основным познавательным смысловым каркасом разрешения данной научной проблемы стали неопубликованные ранее документальные сведения из 14 дел 11 фондов 3 архивохранилищ (Российский государственный военно-исторический архив, Государственный архив Российской Федерации и Исторический архив Омской области). Столь значительный ресурс позволил сложить общее представление о масштабном характере заброски германских и австрийских агентов в Привислинский край (зима—весна 1915 г.), а также проанализировать вклад входивших в его состав территориальных органов полиции в общее дело борьбы с тотальным шпионажем. В работе отражены разнообразные формы участия рядовых полицейских в обнаружении и нейтрализации вражеской агентуры (уличные аресты, производство обысков, агентурное наблюдение). Выделена совокупность характерных для околоточных надзирателей, городовых, стражников и некоторых других полицейских чинов профессионально-психологических качеств, способствовавших их усердной и самоотверженной работе «по линии контрразведки». Сделан акцент на том, что решение новых, межведомственных задач полиция успешно совмещала со своей традиционной функцией — обеспечением порядка и безопасности в общественных местах. По итогам исследования сформулированы выводы о важном предназначении полицейских как опоре самодержавия в роковые годы.

Ключевые слова: Российская империя; Первая мировая война; Варшавское генерал-губернаторство; жандармы; общая полиция; спецслужбы; контрразведка; выявление агентов и резидентов; нейтрализация агентов; организация наблюдения; шпионаж в пользу Германии; компания «Зингер»; платные осведомители; угрозы безопасности Российского государства; шпионы; С.В. Муев; Л. Сыч; А. Смоктунович.

Вот уже несколько лет Российская Федерация проводит Специальную военную операцию (СВО) на Украине, освобождая от неонацистов исконно русские территории (Малороссия). Восстановлением и поддержанием порядка в сёлах и городах занимаются российские полицейские. Причём качество их работы и результат в части предупреждения и пресечения уголовной, в т.ч. военно-шпионско-диверсионной преступности, зависят не только от наличия хорошей

профподготовки, но и от способности учитывать накопленный исторический опыт. В данной статье пойдёт речь о контрразведывательной деятельности служивших в Варшавском генерал-губернаторстве (ВГГ) полицейских, которые также решали сложные и непрофильные служебно-боевые задачи, действовали в условиях непосредственной близости к фронту, демонстрировали примеры доблестного и беззаветного служения Родине, рисковали жизнью.

Варшавское генерал-губернаторство Российской империи, или Варшавский военный округ, с расположенными в нём воинскими частями, штабами, управлениями, крепостями, складами и другими объектами военно-стратегиче-

ского назначения и гражданской инфраструктуры всегда находился в поле особого внимания западноевропейских (германской и австрийской) спецслужб — тем более с началом Первой мировой войны (ПМВ). Согласно данным русской контрразведки (КР), при-

ведённым в «Сводке полученных в районе армий Северо-Западного фронта сведений о лицах, заподозренных в государственной измене и военном шпионстве с 1 января по 1 мая 1915 г.», из 1069 указанных в ней человек каждый второй был задержан на

передовой линии или в тыловых районах Варшавской, Ломжинской, Сувалкской, Петроковской и других губерний Привислинского края¹. Активную оперативно-разыскную деятельность в его пределах по выявлению агентов и резидентов германской и австрийской разведок вели органы политического сыска (варшавские охранное отделение, жандармские управления) и военная КР, о тактике, основных заслугах и неудачах которых имеются лишь редкие, краткие и малоинформативные упоминания в мемуарах (например, у П.Г. Курлова², М. Ронге³), трудах крупных специалистов по истории разведки/контрразведки (П.Ф. Рябиков⁴, К.К. Звонарев⁵, В.Г. Орлов⁶, Н.С. Батюшин⁷), а также монографической литературе последних десятилетий (В.М. Клеандрова и Л.С. Яковлев⁸, А.И. Байдаков, В.Б. Барковский, Ю.А. Волосов⁹, Я.Ф. Погоний, В.К. Виноградов, А.А. Зданович¹⁰, З.И. Перегудова¹¹, С.Н. Галвазин¹², А.А. Зданович¹³, Н.С. Кирмель¹⁴).

Судя по числу публикаций и хронологии их появления в свет, исследовательский интерес к проблемам шпионажа и русских спецслужб периода ПМВ в российской историографии всесторонний, многолетний, но стремительно угасающий. И это при том, что учёные не до конца изучили региональную специфику и результаты сложнейших мероприятий по выявлению разведшкол и их воспитанников, в частности, на оккупированных территориях ВГГ. Научно-историческое же обеспечение содействия контрразведывательным отделениям со стороны других, непрофильных госслужб, главным образом общей полиции, и вовсе осталось на периферии истории ПМВ. Между тем в крупнейших архивохранилищах Российской Федерации (Москва) «мёртвым грузом» лежат объёмные тома контрразведывательных переписок, где можно встретить описание разнообразных форм участия чинов общей полиции — от помощника варшав-

ского генерал-губернатора по полицейской части и варшавского обер-полицмейстера до земских стражников — в розыске и нейтрализации агентов противника.

Путём введения в научный оборот множественной источниковой базы, а также её избирательного обобщения и анализа мы можем восполнить образовавшиеся лакуны и пролить свет на эпизодичную историю полицейского противостояния шпионским угрозам в ВГГ. Это предусматривает решение ряда вытекающих из данной научной проблемы задач. Будут возвращены из ретроспективного небытия образы рядовых блюстителей порядка, отмечены их место и роль в борьбе с нетипичными криминальными вызовами. В стремлении актуализировать и «очеловечить» правоохранительные будни на «фронте необъявленной войны» мы составим профессионально-психологический портрет «варшавского полицейского», т.е. собирательный образ сотрудников, служивших в губерниях ВГГ. Предполагается также развенчать ошибочное представление, ещё бытующее в исторической науке, о том, что в годы ПМВ все структуры Российского государства, не исключая полицию, вносили свой вклад в победу над врагом лишь в рамках ведомственной принадлежности и компетенции. Реализации этого научного замысла и будет подчинена вся логика и сущность последующего изложения документальных сведений, а также их авторское прочтение.

А начать хотелось бы с мысли В.М. Клеандровой и Л.С. Яковлева о том, что общеупотребительной мерой противодействия иностранным агентам являлась «организация наблюдения органами общей полиции»¹⁵. Действительно, ещё в указе Петра I от 25 мая 1718 года говорилось об одном из назначений полицейских: следует «накрепко смотреть приезжих, какие люди, и чтоб всякий хозяин тотчас объявил, кто к нему станет и какой человек...»¹⁶.

Эта норма оказалась жизнеспособной и эффективной на долгие времена. Допустим, в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг. и после её окончания военные губернаторы пограничных территорий, тем более тех, на которые распространялась юридическая сила военного положения, инициировали правовые акты, запрещавшие домовладельцам незаконную сдачу собственного жилья под наём, и принуждали соответствующие категории заинтересованных лиц информировать полицейские чины о фактах предоставления жилья в аренду. К примеру, в своём обязательном постановлении № 5 от 2 сентября 1905 года губернатор Степного края генерал от кавалерии Н.Н. Сухотин запрещал населению «допускать проживание у себя лиц, не имеющих установленных видов на жительство»¹⁷. Похожее обязательное постановление, но уже в расширенной трактовке и за подписью степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Е.О. Шмита, гласило: «1) Все домовладельцы или их управляющие, а равно содержатели гостиниц, постоялых дворов, меблированных комнат и т.п. должны доставлять в свою полицейскую часть сведения о каждом вновь прибывшем лице и вид последнего для явки» (№ 1 от 4 сентября 1913 г.)¹⁸.

И поэтому начертание Петра I, как, собственно, и его же триада — «общественный порядок, безопасность (речь идёт о её общественном, нравственном значении). — Прим. авт.) и благочиние» — вскоре стала парадигмой, фундаментальным основанием и смыслом полицейской службы, в т.ч. направленной на обеспечение основ военной или, выражаясь терминологией столетней давности, внешней безопасности Российской империи вплоть до начала XX века.

Накануне ПМВ, в то время как многие жители ВГГ на длительной и возмездной основе сотрудничали с резидентами иностранных разведок («основ-

ная сеть германской разведки была развёрнута в Польше...»¹⁹), местные полицейские по крупным собирали специфические знания о природе шпионажа и накапливали собственный опыт борьбы со шпионами. И когда с их множественными, разнохарактерными и небезуспешными криминальными деяниями военно-разыскные подразделения попросту не справлялись, а их «смежники» — жандармские управления — одновременно ещё сдерживали подпольно-деструктивную деятельность революционеров, на помощь привлекали полицию. Являясь последней и надёжной опорой самодержавия, её сотрудники были призваны осуществлять наблюдение и поисковые мероприятия. Так, из 3-го параграфа «Инструкции для борьбы с тайной разведкой противника в районе Варшавской крепости в мирное время (1909 г.)» следовало, что «административные власти крепостного района (уездная земская стража, городская и общая полиция...) обязаны содействовать крепостному штабу как в выслеживании, так и в поимке разведчиков противника»²⁰. Одновременно складывалась практика уличного и, как правило, инициативного задержания преступников. Так, в 1911 году стражник городской команды Н. Горбачев в г. Кельцы пресёк действия студента Е. Конопацкого, фотографировавшего приграничные «старинные здания, костёлы, башни и прочее, могущие служить опорными пунктами для австрийских

войск во время военных действий»²¹. 18 августа 1913 года в Варшаве чиновники 13-го полицейского участка преградили путь дезертиру нижнему чину 14-го драгунского Малороссийского полка В. Дейшу, у которого были изъяты «три копии строевых приказов по различным войсковым частям»²². В губерниях ВГГ примеры вовлечённости полицейских в контрразведывательную работу носили неоднократный и повсеместный характер, о чём свидетельствуют изученные нами многочисленные архивные данные Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ).

К началу военных действий на Восточном фронте приставы, околоточные надзиратели и их помощники, а также стражники ВГГ научились действовать в условиях многозадачности (многофункциональности) — совмещать профильные и приоритетные функции, прежде всего по охране общественного порядка, с решением несвойственных и малознакомых задач по противодействию скрытым угрозам. На этом поприще формировались, упрочнялись и систематизировались такие профессионально-полицейские, в т.ч. психологические, и нравственные качества, как чувство ответственности за порученное дело борьбы с преступлениями против российского права и государства, хорошее знание местной инфраструктуры (объекты

интуиция, наблюдательность, смекалка, выдержка, продуктивная зрительная память, а также любовь к Родине, преданность царствующей династии и другие политико-патриотические компоненты.

Полагаем, что 23 августа 1914 года некоторые из названных добродетелей помогли старшему земскому стражнику Ласского уезда Петроковской губернии Лаврентию Сычу принять верное решение и задержать у г. Ласск двоих подростков 14 и 16 лет, «опрокинувших столб телеграфной линии на землю»²³. За совершённый диверсионный акт несовершеннолетние и их родители, которых стражники арестовали за «наущение», были привлечены к уголовной ответственности по признакам преступления, предусмотренного ст. 108 Уголовного уложения 1903 года²⁴. Не раздумывая, стремительно и точно исполнил свой служебный долг и городской 8-го участка Варшавы Куприянов, который в мае 1915 года во взаимодействии с агентом армейской КР Панасюком задержал Якова Вайнберга за неоднократные и запрещённые в военной обстановке разговоры с солдатами, в данном случае это было на улице и в кондитерской по адресу: Варшава, ул. Маршалковская, 135²⁵.

Эффективное реагирование полицейского в конкретном «криминальном случае» и в целом предусматривалось «Правилами о местностях, объявляемых состоящими на военном положении», согласно которым ор-

Лица, подозреваемые в шпионаже
ГА РФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 231.

ганы МВД находились в прямом подчинении военных властей. Причём в конце 1914 — начале 1915 года вся полнота власти в ВГГ была сосредоточена в руках главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта (СЗФ). В том числе чёткой субординацией объясняется факт незамедлительного и тщательного участия околотовных надзирателей в проведении обысков на квартирах служащих варшавского отделения компании «Зингер». При этом важно учитывать, что к январю 1915 года начальнику отделения КР штаба 2-й армии СЗФ ротмистру С.В. Муеву поступили агентурные сведения о связях с противником отдельных служащих варшавского отделения (Г. Шплера, С. Шулимова, Ф. Краевского)²⁶, а к июню в Военном министерстве и МВД уже знали о привлечении к предварительному следствию по подозрению в причастности к шпионажу в пользу Германии управляющих петроградского и гельсингфорсского отделений компании О.О. Кельвина и Т.Р. Грасгофа. И поэтому в ходе обысков у полицейских, вероятно, мог появиться соблазн ориентироваться на «генеральную (обвинительную) линию» и во что бы то ни стало найти улики, даже там, где их и быть не могло. Однако, как видно из архивных документов, все протоколы обысков, в том числе в конторе «Зингер», заключала одна и та же фраза: «ничего подозрительного не обнаружено»²⁷.

В военное лихолетье к наружной полиции обращались за конкретным содействием, ведь в отдельных случаях без её личного состава попросту было не обойтись (с началом мобилизации в спецслужбах наблюдался острый кадровый дефицит). И речь шла не только о задержании шпионов или участии в проведении отдельных следственных действий. Военная администрация в лице командующих армиями и нижестоящих командиров доверяла полицейским, а они в свою очередь оправдывали это доверие

и подтверждали собственную надёжность и незаменимость результативной работой на различных участках борьбы со шпионами.

В ГА РФ сохранились уникальные документы, повествующие о разоблачении в январе—феврале 1915 года контрразведчиками штаба 2-й армии СЗФ группы «двойных агентов» — Г. Сенюковича, Л. Зильбермана и Ф. Гогулина. Наше внимание к содержанию возбуждённого против них уголовного преследования привлёк тот факт, что на службу по изобличению шпионов в районе 2-й армии СЗФ приняли для письменных работ околотовного надзирателя Дребнева. Но главное заключается в том, что в его обязанности входила не только обычная переписка, он получил доступ к совершенно секретным сведениям (хотя использование «чужаков» в таком контексте явно противоречило внутриведомственным запретам и ограничениям). Помимо фамилий и кличек некоторых агентов КР в поле зрения полицейского попали и подробности их оперативного внедрения при разработке дела о «двойных агентах»²⁸. Также добавим, что данные о шпионаже Генриха Шплера (об этом фигуранте говорилось выше)²⁹ Дребнев узнал у агента «Ваньки», возможно, записав с его слов в ходе тайной встречи. Поэтому есть основание предполагать, что околотовный надзиратель видел «Ваньку», что лишний раз свидетельствовало о высочайшем уровне доверия контрразведчиков к своим коллегам из полиции. Лишь проверенных и опытных её сотрудников допускали к эпизодичным и деликатным поручениям в части, касавшейся визуальных контактов с агентурой. Что в розыскной практике также являлось исключением из правил.

Наряду с «кабинетными работниками», такими как писарь Дребнев, внёсшими свой безусловный вклад в достижение победы на «невидимом фронте», выделим тех полицейских, кото-

рые изъявили готовность решать более сложные, нестандартные и опасные задачи по выявлению участников преступной (шпионской) среды. Эта деятельность поручалась тем, кто пошёл на сотрудничество с КР, став её платным осведомителем (довоенная история отечественных спецслужб подобных примеров не знала).

Обратимся к содержанию интереснейших архивных документов, которые указывают на факты приобщения к конфиденциальной работе полицейских на театре военных действий. Так, в 1915 году при корпусах 5-й армии СЗФ создавались так называемые контрразведывательные отряды, боевой «агентурный костяк» которых — 19 человек — был представлен приставами, околотовными надзирателями и другими сотрудниками³⁰. А, допустим, в штате агентов варшавского охранного отделения из известных нам лиц числился единственный околотовный надзиратель — А. Смоктунович. И, что примечательно, 2 октября 1915 года он был премирован Департаментом полиции МВД Российской империи деньгами в размере 50 руб. «за отличное выполнение возложенных на него обязанностей»³¹. Редкий случай, когда секретный сотрудник получил единовременно весьма крупную сумму, да ещё дополненную положительным отзывом из центрального аппарата. Единственным тому объяснением может быть личное усердие полицейского при выполнении особого задания, сопряжённого с риском для жизни, а также своевременность и важность добытой информации о шпионах и их замыслах.

Между тем с нашей стороны было бы заблуждением идеализировать людей в полицейских погонах. Среди привислинских стражей закона, подавляющее большинство из которых сохраняли верность царю и Отечеству, встречались и те, кто был способен на низкие поступки и нарушение норм текущего законодательства, в

том числе госизмену. Только подозрением в причастности к этому криминальному деянию, продиктованному меркантильными соображениями — тягой к лёгкой, быстрой и крупной наживе, можно объяснить интерес политической полиции к полицмейстеру г. Ченстохова штабс-ротмистру Штротмбергу. В 1915 году «Паркетный» (такую кличку присвоили ему в варшавском охранном отделении) длительное время находился в поле зрения филёров³² (специальный агент охранного отделения Департамента полиции МВД Российской империи, который занимался наружным наблюдением за лицами, подозревавшимися в оппозиционной, революционной или иной противоправной деятельности). Однако чем закончилась их слежка, история так до сих пор и не ответила. Но, как известно, дыма без огня не бывает. И именно поэтому, т.е. располагая косвенным компрометирующим материалом, одни из лучших сыщиков имперской охраны пытались изобличить высокого полицейского начальника в содеянном преступлении.

Завершая фрагментарную реконструкцию политической истории ВГГ начала XX века как одной из самых «шпионоопасных» окраин Российской империи, сосредоточимся на сути. Во-первых, на авансцене незримого и бескомпромиссного противоборства с хитрым и коварным врагом (шпионы), способным притворяться, искусно и разнообразно меняя внешний облик и поведенческие реакции, закономерно и необратимо свою «нишу» заняли блюстители общественного порядка. Они относились к породе людей особого сплава, формирование которого предопределялось двумя факторами — местом жительства и функционирования сотрудников в пограничном Варшавском генерал-губернаторстве (до и вскоре после 19 июля 1914 г. оно находилось во враждебном германо-австрийском полуокружении), а также стойким ощущением у его жителей, в т.ч. и тех из них,

кто нёс государственную службу, скорого и неминуемого вооружённого нападения со стороны Германии. Пребывание рядом с «пороховой бочкой» или в условиях постоянной мобилизационной готовности создало новый тип «полицейского-защитника», способного противостоять как внутренним, так и внешним угрозам, и закаляло его характер, базовыми составляющими которого были православная вера, царь и Отечество. Производными же от этой триады выступали профессиональные и нравственные качества. Регулярные, а порой и спонтанные контакты с грабителями, ворами, контрабандистами и другими представителями уголовного мира, а также шпионами, способными оказать сопротивление — психологическое или вооружённое, вырабатывали у лиц нижнего полицейского звена, прежде всего околоточных надзирателей, городских стражников, хладнокровность и быстроту мысли, решительность, алгоритмичность и бескомпромиссность действий в ходе задержаний. Не испугаться опасности, а, возможно, устоять перед соблазном получения взятки способны были лишь «бессребреники», личности с высокими моральными принципами, или, как их именовали в прошлом, государственники, отдававшие себя без остатка служению государству и ставившие его интересы во главу угла.

Одним из ярких примеров жертвенности во имя высших ценностей была личная занятость некоторых полицейских в агентурной работе в качестве секретных сотрудников. Род их тайной деятельности, естественно, не подлежал огласке. Их имена мы находим в рассекреченных архивных делах. К примеру, нами были обнаружены дела секретных агентов И.И. Подорека и Д.П. Мельничука³³. Эти люди, обречённые вести двойную жизнь в профессии и обществе, невольно проецировали на себя и его брезгливо-порицательное отношение к согладатаям или

доносчикам. Отдавая свой умственный, эмоциональный и физический ресурс, а зачастую лучшие годы столь непопулярному и опасному ремеслу, полицейские-осведомители приносили большую пользу государству. И одним из доказательств тому являлась усердная работа всё того же А. Смоктуновича. Ведь последнее и веское слово, т.е. изобличающую информацию, ждали от таких агентов, как он, особенно если его визави были нечистоплотными полицейскими, а возможно, и оборотнями в погонах, чьё преступное настоящее никак не могли доказать, как это было в случае со Штротмбергом.

Во-вторых, к началу Первой мировой войны общая (губернская, уездная, волостная) полиция ВГГ была выведена далеко за узкопрофессиональные рамки своей подведомственности и подключена к активной работе по противодействию угрозам внешней безопасности Российского государства. В условиях совмещения новых задач с традиционным родом деятельности по поддержанию общественного порядка, предупреждению и пресечению уголовных и административных правонарушений сотрудники полиции добились очевидных успехов в деле противостояния шпионам. И хоть их задержания всё чаще носили бессистемный, спонтанный, а нередко и интуитивный характер, но всё же они были. В руки блюстителей порядка чаще всего попадались малоопытные шпионы-штучники. Забирая на себя этот неквалифицированный объём работы, полиция, конечно же, способствовала высвобождению основного контрразведывательного потенциала армии и сосредоточению его на выявлении «интеллигентных» шпионов, шпионов-ходоков, резидентов, преступных (шпионских) групп и сообществ, а также концентрации сил на других, более важных направлениях сдерживания разведывательно-шпионско-диверсионной активности противника.

Чем бы ни озадачивались «варшавские полицейские» в рамках взаимодействия со спецслужбами военного ведомства, будь то уличная контрразведка или обысковые мероприятия и даже агентурное освещение криминальной среды, отличительными признаками их участия являлись востребованность, работоспособность и эффективность. Причём в основу персональных или групповых (в составе под-

разделения) результатов были положены те решения, которые характеризовались непредвзятостью суждений, а также чётким соответствием букве и духу закона.

И, в-третьих, накопленный в западноевропейской части Российской империи и на её наиболее «шпионоопасных» пограничных рубежах полицейский опыт борьбы с военными преступниками призван расширить

представления современных правоохранителей о природе скрытых и тождественных угроз безопасности российскому обществу и государству. А учёт исторических уроков позволит более обстоятельно организовывать несение службы на освобождённых территориях Донбасса и достигать поставленных целей с меньшими потерями среди личного состава органов внутренних дел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 812. Л. 1—100.

² Курлов П. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 296 с.

³ Ронге М. Разведка и контрразведка. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. 244 с.

⁴ Рябинов П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время в 2 ч. Ч. 2. М.: Разведывательное управление Штаба РККА, 1921. 110 с.

⁵ Звонарев К.К. Агентурная разведка в 2 т. Т. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914—1918 гг. М.: IV Управление РККА, 1931. 163 с.

⁶ Орлов В.Г. Двойной шпион. Записки русского контрразведчика / Пер. с англ. С. Шульженко. М.: Современник, 1998. 350 с.

⁷ Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней. М.: X-History, 2002. 259 с.

⁸ Клеандрова В.М., Яковлев Л.С. История полиции, политического сыска

и контрразведки в XVIII — нач. XX в.: лекция. М.: ВШ КГБ СССР, 1985. 35 с.

⁹ Байдаков А.И., Барковский В.Б., Волосов Ю.А. и др. Очерки истории российской внешней разведки в 6 т. Т. 1. От древнейших времён до 1917 г. М.: Международные отношения, 1995. 240 с., илл.

¹⁰ Погоний Я.Ф., Виноградов В.К., Зданович А.А. и др. Лубянка, 2: из истории отечественной контрразведки. М.: Мосгорархив, 1999. 360 с.

¹¹ Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880—1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. 432 с.

¹² Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. М.: Совершенно секретно, 2001. 192 с.

¹³ Антология истории спецслужб. Россия. 1905—1924 / Вступ. ст. А.А. Здановича. М.: Кучково поле, 2007. 640 с.

¹⁴ Кирмель Н.С. Спецслужбы России в Первой мировой войне 1914—1918 годов. М.: Кучково поле, 2018. 544 с.

¹⁵ Клеандрова В.М., Яковлев Л.С. Указ. соч. С. 21.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Исторический архив Омской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1169. Л. 66.

¹⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 259. Л. 89.

¹⁹ Байдаков А.И., Барковский В.Б., Волосов Ю.А. и др. Указ. соч. С. 220.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 217. Оп. 1. Д. 594. Л. 102.

²¹ Там же. Ф. 215. Оп. 1. Д. 485. Л. 25.

²² Там же. Ф. 222. Оп. 1. Д. 931. Л. 1.

²³ Там же. Д. 956. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 4, 5.

²⁵ Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 626. Л. 4.

²⁶ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6/с. Д. 57. Л. 8, 22, 24.

²⁷ ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1054. Л. 32, 39, 65, 86, 89, 93, 101, 104, 107, 109, 111, 114, 264.

²⁸ Там же. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4. Л. 3, 18.

²⁹ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6/с. Д. 57. Л. 8.

³⁰ Там же. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 564. Л. 246.

³¹ ГА РФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 231. Л. 303.

³² Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 146. Л. 36.

³³ Там же. Ф. 265. Оп. 1. Д. 231.

V.O. Zverev

«ALL PERSONS WHO ASSISTED ENEMY TROOPS IN OUR TERRITORY MUST BE IDENTIFIED»

The police of the Warsaw Governorate of the Russian Empire in the fight against enemy intelligence during the First World War (1914—1916)

Information about author. Vadim Zverev — professor of the Russian Language Department at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: zverevoma@mail.ru).

Summary. This paper delves into the history of counterintelligence during World War I in the Warsaw General Government, drawing on previously unpublished documents from 14 files in 11 collections from three archives: the Russian State Military Historical Archive, the State Archives of the Russian Federation, and the Historical Archives of Omsk Oblast. This valuable resource offers a comprehensive overview of the activities of German and Austrian agents in the Vistula region during the winter and spring of 1915, as well as an examination of the role of the territorial police in combating widespread espionage in that area. The study examines the various forms of participation by police officers in detecting and neutralizing enemy agents, including street arrests, searches, and surveillance. It identifies a set of professional and psychological qualities that characterize district police officers and contribute to their diligent and dedicated work in the line of counterintelligence. The study emphasizes how the police successfully combine new, interdepartmental tasks with their traditional role of maintaining order and security in public places. It concludes with the important role of the police as a pillar of the autocratic regime during the fateful years.

Keywords: Russian Empire; World War I; Warsaw Governorate; gendarmes; general police; intelligence services; counterintelligence; identifying agents and residents; neutralizing agents; organizing surveillance; espionage for Germany; the Singer company; paid informants; threats to the security of the Russian state; spies; S.V. Muyevev; L. Sych; A. Smoktunovich.

«...ЕДИНСТВЕННАЯ ИСТИННАЯ ВЕЩЬ — ЭТО БЛАГО, СДЕЛАННОЕ ДЛЯ ДРУГИХ. ЭТО ЗАЩИЩАЕТ НАС ОТ ПРОИСХОДЯЩЕГО ЗЛА»

Деятельность А.Н. Демидова по оказанию помощи русским военнопленным
в Великобритании в годы Крымской войны 1853—1856 гг.

Сведения об авторе. Таньшина Наталия Петровна — профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного университета международных отношений (университет) МИД России, доктор исторических наук, профессор (Москва. E-mail: nata.tanshina@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена малоизученной как в отечественной, так и в зарубежной историографии проблеме: гуманитарным инициативам русского дипломата, промышленника, благотворителя А.Н. Демидова (1813—1870) в годы Крымской войны. В центре внимания — его деятельность по оказанию помощи русским военнопленным в Великобритании. Основу источниковой базы составили материалы корреспонденции по вопросам военнопленных, опубликованные в 1870 году в Париже личным секретарём и другом А.Н. Демидова О. Жонес-Спонвилем. В статье приводятся данные о количестве русских военнопленных в Великобритании, местах и условиях их содержания, раскрываются механизмы оказания помощи, а также участие Демидова в мероприятиях по обмену военнопленными. Делается вывод о том, что в силу недостаточного развития официальных каналов наблюдения за положением военнопленных и оказания им помощи неформальная гуманитарная дипломатия, у истоков которой стоял А.Н. Демидов, была принципиально важной. С его деятельностью связано становление основ международного гуманитарного права.

Ключевые слова: Крымская война; военнопленные; обмен военнопленными; помощь русским военнопленным в Великобритании; международное гуманитарное право; крепость Бомарзунд; Плимут; Ширнесс; Льюис; Одесса; А.Н. Демидов; О. Жонес-Спонвиль; протоиерей Евгений Попов; А.Г. Строганов; «делами, не словами».

В 2026 году исполняется 170 лет с окончания Крымской войны 1853—1856 гг. Она стала не только «первой войной современности»¹, как её называют западные учёные, не только «нулевой мировой войной», как её порой именуют в исто-

риографии, но и войной, в ходе которой начали развиваться общественные проекты, связанные с оказанием помощи военнопленным, что стало основой современного международного гуманитарного права.

Гуманитарная деятельность в годы Крымской войны русского предпринимателя, дипломата, мецената и благотворителя Анатолия Николаевича Демидова (1813—1870) была обширной и включала в себя оказание помощи русским военнопленным в Великобритании, Франции, Османской империи. Кроме того, в начале 1854 года он пожертвовал на нужды воевавшей России 600 тыс. руб. серебром, что стало самым крупным частным пожертвованием за годы Крымской

войны². По его призыву знатные дамы в Европе как русского, так и иностранного происхождения шипали корпию для русских раненых³.

В годы Крымской войны А.Н. Демидов являлся атташе российского посольства в Вене при князе А.М. Горчакове⁴, но его главная деятельность была связана именно с организацией помощи военнопленным⁵.

Эти сюжеты весьма слабо разработаны как в российской, так и в зарубежной науке. Из работ зарубежных авторов можно отметить

статью Александра Тиссо-Демидова, президента Европейской Демидовской ассоциации⁶, а также статью французской исследовательницы Мари-Пьер Рей, основанную на документах Государственного архива Свердловской области⁷.

Из работ российских исследователей следует отметить публикацию архивных документов, предпринятую Е.П. Пироговой, посвящённую пожертвованиям А.Н. Демидова на военные нужды⁸, а также диссертацию Н.А. Алилуевой об орга-

низации благотворительной деятельности для российского флота, в которой особо отмечается участие А.Н. Демидова⁹.

Источниковую базу настоящей статьи составили материалы корреспонденции по вопросам оказания помощи военнопленным, опубликованные личным секретарём и другом Демидова, его уполномоченным в Париже Октавом Жонес-Спонвилем (1800—1875). Сборник под названием «Военнопленные воюющих держав во время Крымской кампании: выдержки из переписки князя Анатолия Демидова»¹⁰ был опубликован в Париже в 1870 году, уже после смерти Анатолия Николаевича. В нём представлены обширная переписка Жонес-Спонвиля с А.Н. Демидовым, военным министром Франции маршалом Жаном Батистом Фелибером Вайяном, обмен письмами с русскими священниками при посольствах Франции и Великобритании протоиереями Иосифом Васильевым и Евгением Поповым, которые были главными исполнителями демидовских инициатив на местах, а также целый ряд документов, касающихся положения военнопленных. Эти документы, не введённые в широкий научный оборот, дают важную информацию о численности военнопленных, их содержании, нуждах и повседневном быте, отношении к ним со стороны местного населения, а также об обмене пленными, или, как тогда говорили, размене.

Особенностью организации помощи военнопленным в годы Крымской войны стало одновременное действие и взаимодействие двух каналов: официально-государственными¹¹ и дипломатическими структурами, и неофициального, который

А.Н. Демидов
1856 г.

*Tissot Demidoff A. Anatole
Demidoff and the Prisoners of
War during the Crimean War
// Bulletin de la Société Henry
Dunant. № 32, juillet 2021 —
février 2022. Genève, le 4 avril
2022. P. 76.*

был инициирован Анатолием Николаевичем.

Демидов создал неформальную ассоциацию, штаб-квартира которой находилась в Париже. Он лично координировал всю эту деятельность, а главным исполнителем и координатором был О. Жонес-Спонвиль. Особую поддержку, и тоже неофициального характера, Демидову оказывали младший брат императора Александра II великий князь Константин Николаевич, чьё имя как «августейшего покровителя» постоянно упоминается в переписке Жонес-Спонвиля с Демидовым, и посланник Российской империи в Австрийской империи князь А.М. Горчаков.

Кроме того, А.Н. Демидов был в постоянных контактах с директором канцелярии Морского министерства Д.А. Толстым. Сведения о плененных, полученные от Толстого, Анатолий Николаевич передавал Жонес-Спон-

вилю, а тот — французским и английским властям, что содействовало скорейшему решению вопросов, связанных с положением военнопленных, а потом и их обменом.

В Великобритании главной опорой Демидова был императорский капеллан протоиерей Евгений Попов. Что касается представителей английских властей, то Демидов опирался на поддержку Джорджа Рамсея, 12-го графа Далхаузи. Рамсей являлся племянником лорда Панмура, занимавшего пост государственного секретаря по вопросам войны в 1855—1858 гг., с которым Демидов был в дружеских отношениях¹². В результате неформальная деятельность А.Н. Демидова во многом помогала осуществлению государственных мероприятий в отношении военнопленных.

В этом плане следует отметить, что ситуация с положением русских военнопленных в Великобритании была хуже, чем во Франции: там официальную поддержку им по линии Министерства иностранных дел оказывали протоиерей И. Васильев и саксонский посланник во Франции барон Л. Зеебах, зять графа К.В. Нессельроде — главы российского внешнеполитического ведомства¹³. В Великобритании же в начале войны русскими военнопленными по официальным дипломатическим каналам не занимались, всё держалось на личных связях Демидова¹⁴.

Жонес-Спонвиль именовал его деятельность «святой»¹⁵, имея в виду, что помощь оказывалась как русским, так и пленным враждебных России держав. Однако дело заключалось не только в не имевшем национальных границ гуманизме Анатолия Николаевича. Действовал принцип взаимности: для того, чтобы добиться улучшения положения русских военно-

пленных, было необходимо предпринять аналогичные меры по отношению к военнопленным иностранных держав, находившимся на территории России. Так, в письме от 13 июня 1855 года Жонес-Спонвиль писал своему шефу: «...Каждая мера гуманности, реализованная во Франции или Великобритании по отношению к русским пленным, имела немедленным следствием принятие аналогичных мер в пользу английских или французских военнопленных в России»¹⁶.

Поскольку дипломатических каналов помощи русским военнопленным в Великобритании, как уже отмечалось, поначалу не существовало¹⁷, Жонес-Спонвилю приходилось ориентироваться на официальные сообщения в английской прессе. О том, что русские пленные прибыли в Ширнесс (город в северной части графства Кент, на о. Шеппи), он узнал из статьи в «The Times» от 13 сентября 1854 года¹⁸. Для начала Жонес-Спонвилю было необходимо получить разрешение на посещение пленных.

Во Франции помимо официальных дипломатических

**Принцесса Матильда
Бонапарт**
1900 г.

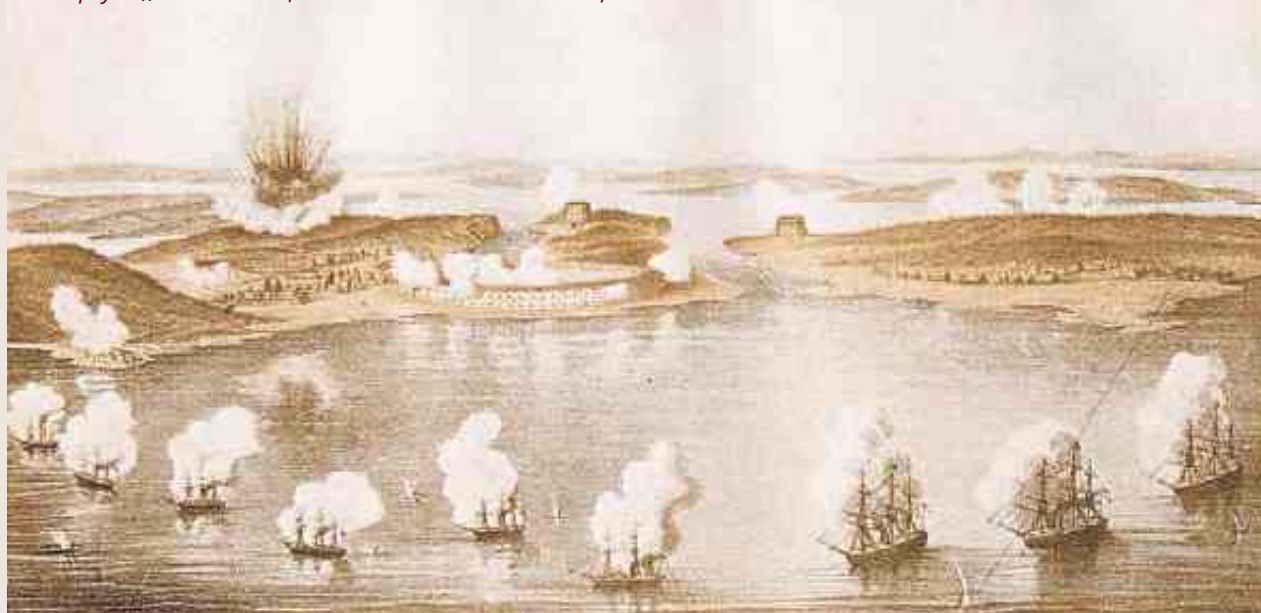
Национальная библиотека
Франции

каналов Демидов опирался и на родственные связи, а именно на помощь своего тестя принца Жерома Бонапарта¹⁹, который содействовал получению разрешения на посещение русских пленных на острове Экс²⁰. В Англии такими высокими личными связями Анатолий Николаевич не располагал.

Тогда Жонес-Спонвиль обратился к одному молодому человеку, который временно замещал Рамсея в военном министерстве. По его словам, тот был готов оказать помощь, но не имел никаких полномочий. Несмотря на это, он дал рекомендацию для полковника Манди²¹, который был правой рукой тогдашнего государственного секретаря по военным делам герцога Ньюкасла²². Тот написал письмо для адмирала Уильяма Гордона, командующего войсками в Ширнессе, предупредив Жонес-Спонвиля, что адмирал должен будет обратиться в Адмиралтейство, чтобы получить разрешение на посещение военнопленных. Снабженный этим письмом, Жонес-Спонвиль вместе с другом Демидова, художником Огюстом Раффе, сопровождавшим его в поездках, отправился в Ширнесс, где застал адмирала, показавшего ему «почтенным стариком»²³. Жонес-Спонвиль изложил ему цель своего визита, рассказал о поручении Демидова, данном всем его агентам в России, оказывать помощь и поддержку английским военнопленным,

Бомбардирование Бомарзунда 18 августа 1854 г.

Бомарзунд // Военная энциклопедия Сытина. Т. 4. СПб., 1911.

требуя взаимности по отношению к русским пленным.

В итоге адмирал снабдил Жонес-Спонвиля письмом к лейтенанту Ллойд, командовавшему блокшивом²⁴ «Девоншир». Ллойда помощник Демидова нашёл «хорошим человеком, воодушевленным лучшими намерениями». Он снова объяснил англичанину мотивы своего визита, потому что тот поначалу принял его за журналиста. После того как они объяснились, Жонес-Спонвиль получил возможность общения с пленными.

Свой первый подробнейший рапорт о посещении русских военнопленных в Англии Жонес-Спонвиль отправил Демидову в письме от 19 сентября 1854 года²⁵.

В Великобритании русские пленные содержались в Ширнесе, Льюисе (город к юго-западу от Лондона) и Плимуте²⁶. В основном это были пленные из крепости Бомарзунд на Аландских островах в Балтийском море (Ботнический залив, Финляндия), разрушенной англо-французским флотом в 1854 году.

О. Жонес-Спонвиль сообщал, что русские военнопленные из гарнизона крепости Бомарзунд были привезены в Англию на судах «Hannibal» и «Algiers» и временно размещены на блокшивах «Девоншир» и «Бенбоу» в порту Ширнесс, зарисовки которых по памяти должен был сделать Раффе (поэтому так важно было взять с собой художника)²⁷.

В Ширнесе секретарь Демидова провёл три дня, находился на борту блокшивов с солдатами, на берегу в компании офицеров, с которыми, по его словам, они «побратались по-русски». На «Девоншире» находились 529 мужчин, 17 женщин и 15 детей. На «Бенбоу» — 532 мужчины, включая кадет и младших офицеров, 17 жен-

Принц Жером Бонапарт
1852 г.

щин и 21 ребёнок; всего 1121 человек²⁸.

Пленные содержались отдельно по национальному признаку: русские, финны и евреи были разделены. Правительство снабдило их питанием, но не выдало никаких денег. На борту каждого блокшива находились медик и переводчик. Кроме того, были даны строгие приказы, как об этом заявил лейтенант Ллойд, чтобы с пленными «обходились со всем вниманием и человечностью, соединенными с дисциплиной и порядком, и распространили среди них Библию на русском, шведском и иврите»²⁹.

Санитарное состояние, сообщал Жонес-Спонвиль, было удовлетворительным, больных было немного, и они получали лечение в хорошо проветриваемом лазарете. Однако во время перевозки 19 человек умерли от холеры. Жонес-Спонвиль сообщал, что со времени прибытия пленных в Ширнесс было только 4 случая молниеносной холеры. «За пять дней до нашего приезда холера полностью исчезла, и

новые случаи не фиксируются»³⁰, — отмечал он. Относительно морального состояния солдат Жонес-Спонвиль писал: «Моральный дух солдат в целом нам показался удовлетворительным. Несмотря на это, нужно еще многое сделать, чтобы их положение было сносным»³¹.

На какие главные проблемы указывал Жонес-Спонвиль? «Первое несоответствие заключается в том, что большое количество людей сосредоточено на ограниченном пространстве, где не хватает воздуха, поскольку, несмотря на то, что пленные могут прогуливаться по палубе понтона, места не хватает. Но это несоответствие является временным, так как правительство занимается этим вопросом, как вы об этом узнаете из выдержки в «The Times» от 16-го и 19 сентября. Как меня заверил лейтенант Ллойд, пленным готовят бараки по соседству с Плимутом, куда их переместят через несколько дней, и где финны будут содержаться отдельно от русских»³².

Также Жонес-Спонвиль отмечал, что важнейшей проблемой был голод, который испытывали русские военнопленные: «Самый серьезный и самый обоснованный предмет их жалоб заключается в том, что им не хватает питания, и они страдают от голода. Их кормят как англичан по правилам, установленным Адмиралтейством для матросов, без различия в привычках и комплекции. Они особо жаловались на нехватку хлеба и соли, им давали: две трети ливра³³ сухарей в день; половину ливра мяса; четверть щей (2 пинты)³⁴; кварта³⁵ шоколада или кофе утром; четверть чая вечером; два ливра соли на 24 человек в неделю. В то время как в своей стране они получали: три ливра ржаного хлеба в день; половину ливра говядины в день; ливр и три чет-

верти соли в месяц; щи или горох по усмотрению»³⁶.

По словам Жонес-Спонвиля, он сообщил об этом лейтенанту Ллойд, и тот направил рапорт в Адмиралтейство. Было принято решение: впредь пленные русские солдаты должны получать питание, более соответствовавшее их привычкам и нуждам³⁷. Кроме того, был сделан запрос в Адмиралтейство, после чего были построены печи, где пленные могли сами выпекать хлеб.

Серьёзной проблемой для русских военнопленных была нехватка табака. Жонес-Спонвиль сообщал: «Не получая никаких денег и располагая только очень ограниченными средствами, они не могли себя им обеспечить. Я хотел распределить между ними табак, но он ужасно дорог в этой стране. Самый распространённый сорт, который курят

английские солдаты, стоит 4 шиллинга за ливр, и чтобы распределить его только по половине ливра на душу, потребовалось бы более 100 фунтов стерлингов, что я не рискнул сделать без вашего распоряжения»³⁸. Однако, по словам Жонес-Спонвиля, он оказал пленным услугу иного рода, и это тоже будет практиковаться помощниками Демидова. Речь шла об обмене денег, которые наши пленные могли поменять только по очень невыгодному курсу. «Те бедолаги, у которых было немного бумажных денег, могли их обменять лишь с огромным убытком. Я им поменял валюту по номиналу на те деньги, что были у меня (10 ливров), и сегодня я отправил 40 ливров адъютанту Хуку, чтобы использовать их в той же манере. Если будет небольшая потеря для вас при обмене, она будет незначительной»³⁹. В дальнейшем Демидовым была создана своеобразная обменная касса для обеспечения пленных местной валютой.

Другая проблема заключалась в том, что русские кадеты из крепости Бомарзунд, оказавшиеся в плену, содержались как простые солдаты, поскольку в Великобритании (как и во Франции) в войсковых соединениях не было кадет. После вмешательства Жонес-Спонвиля было обещано, что к кадетам будут относиться как к офицерам, т.е. держать их под «честное слово», и что они получают такое же содержание, как последние. Как отмечал Жонес-Спонвиль, они уже получили позволение провести день на берегу при условии вернуться на борт до захода солнца⁴⁰.

Жонес-Спонвилю приходилось решать самые разные вопросы. Так, на борту «Девоншира» оказались три женщины, разлучённые со своими мужьями, которых

отправили во Францию. Это было связано с тем, что при неразберихе, царившей во время отправления из Бомарзунда, мужья были посажены на один корабль, жёны — на другой. Жонес-Спонвиль договорился с лейтенантом Ллойдом, что при первой возможности женщины будут отправлены во Францию к своим мужьям. Он сообщал, что во время посещения русских пленных в Рошфоре он обязательно узнает, было ли исполнено это обещание⁴¹.

На том же блокшиве оказалась женщина с двумя детьми. Её муж умер во время пути, и она хотела вернуться на Родину. Там же были две девушки: они оказались на борту, чтобы провести время со своими знакомыми в Бомарзунде, но не успели вернуться на берег. Как сообщал Жонес-Спонвиль, они будут переправлены на Аландские острова первым английским судном, которое отправится в Балтийское море⁴².

В этом же письме Жонес-Спонвиль сообщал, что офицеры содержались значительно лучше солдат: «Через три дня после прибытия в Ширнесс офицеры были доставлены на берег и отпущены под “честное слово”, с возможностью прогуливаться в радиусе трех миль от города. Правительство предоставило им деньги на пропитание из расчета 7 шиллингов в день; те, которые имеют жен с детьми, получили дополнительно по 5 шиллингов в день; они очень хвалят английские власти и особенно капитана “Ганнибала”, который им оказывал во время пути все возможное внимание и с которым они расстались с истинным сожалением. Они были встречены с симпатией населением Ширнесса, жители которого соперничали в любезности по отношению к ним. Они получили, в част-

**Обложка сборника
«Военнопленные воюющих
держав во время Крымской
кампании: выдержки
из переписки князя Анатолия
Демидова», опубликованного
О. Жонес-Спонвилем**

**(Les prisonniers de guerre des
puissances belligérantes pendant la
campagne de Crimée: extraits de la
correspondance du prince Anatole
Dédouff / publiés par O. Jaunez-
Sponville. Paris: E. Dentu, 1870)**

ности, многочисленные услуги от господина Вильяма Эджкомба, одного из дворян города и вице-консула многих держав. Я вступил в контакт с этим господином, чтобы переписываться с ним по всем вопросам, которые касались русских пленных в Англии»⁴³.

Однако и у офицеров было немало проблем. Как сообщал Жонес-Спонвиль, русские офицеры, прибывшие из Бомарзунда, могли взять с собой только то, что было при них. Английское правительство осуществляло им выплаты на питание только в конце месяца, в результате офицеры «жили в самой большой нищете. Те деньги, которые у них были, они обменивали с огромной потерей. Те, у кого не было денег, брали кредит у евреев, которые им предоставляли деньги под пять процентов в месяц. Они хотели, чтобы деньги на питание им платили еженедельно, а не ежемесячно»⁴⁴.

В целом же, делал вывод Жонес-Спонвиль, офицеры «далеки от того, чтобы жаловаться на свою судьбу, и высказывают, напротив, самую большую признательность по поводу того, как с ними обращаются власти и население»⁴⁵. Однако на деле не всегда русские пленные встречали такое гостеприимство, и сведения, полученные из отечественных источников, порой расходились с тем, о чём сообщал Жонес-Спонвиль.

Кроме того, Демидов считал необходимым, чтобы у пленных оставалась связь с Родиной и близкими, чтобы они имели возможность обмениваться письмами. Жонес-Спонвиль занимался и этим аспектом помощи: «Я предложил тем из офицеров, которые хотели написать своим семьям при моем посредничестве, отправить их письма в моем конверте на

адрес вашей конторы в Петербурге, но никто этим не воспользовался, потому что они пользуются почтой»⁴⁶.

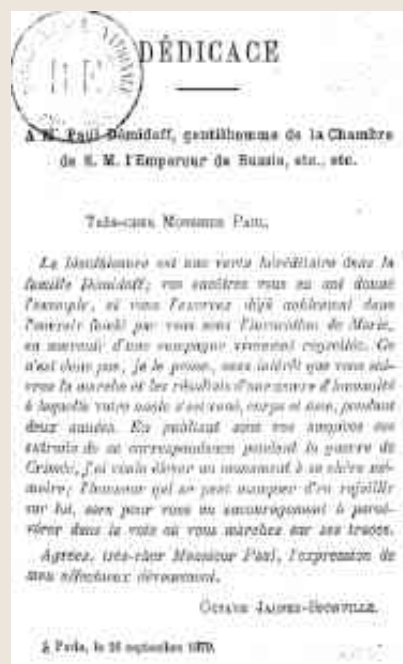
Пленные очень нуждались в присутствии православного священника: «Единственная вещь, которую они желали, — это визит русского священника. Есть лютеранские и католические священники в Ширнесе, но русских православных нет, и они ждали воскресной службы в католической церкви Ширнесса. Я нашел сегодня преподобного Попова, бывшего капеллана в посольстве, который еще находится в Лондоне, и он мне обещал оказать религиозную помощь своим соотечественникам в ближайшее воскресенье как в Ширнесе, так и на понтонах; он уже побывал в Ширнесе, но из-за нехватки времени не смог посетить пленных на понтонах»⁴⁷, — писал Жонес-Спонвиль. Именно протоиерей Евгений Попов стал правой рукой Демидова в Англии, посещал лагерь военнопленных и оказывал им всяческую помощь.

В этом же письме Жонес-Спонвиль отмечал, что Анатолий Николаевич в своём конфиденциальном письме просил его предоставить ему «насколько возможно полный список пленных, как офицеров, так и солдат и матросов». Как сообщал секретарь Демидова, у него были данные относительно 22 офицеров и 18 кадет. Список солдат превышал 1000 человек, поэтому на тот момент точные данные предоставить было сложно. По словам Жонес-Спонвиля, «русские офицеры не имели с собой никаких документов, чтобы восстановить этот список». Он также сообщал, что, по его сведениям, для английского правительства был подготовлен документ, по которому пленные должны быть распределены на новые квартиры. Он не смог

получить этот документ, но выражал надежду, что Рамсей поможет ему получить копию»⁴⁸.

Сведения, полученные Демидовым от своего помощника, поступали на самый верх, а именно императору Николаю I. Так, в письме из Парижа от 30 сентября 1854 года Жонес-Спонвиль писал: «Этот рапорт был составлен исключительно для вас, и я даже представить не мог, что он будет представлен императору. Иностранец в этой стране, не имеющий никакого влияния на власть, я мог только указать, что нужно сделать; реализовывать все это предстоит Рамсею. Я его снабдил всеми необходимыми данными и собираюсь ему написать, чтобы узнать, смог ли он удовлетворить справедливые требования пленных, особенно в том, что касается проживания и питания солдат»⁴⁹.

В письме из Парижа от 6 октября 1854 года Жонес-Спонвиль сообщал Анато-

Первая страница сборника
О. Жонес-Спонвиля
с посвящением Павлу Павловичу
Демидову, племяннику
А.Н. Демидова (Les prisonniers de
guerre des puissances belligérantes
pendant la campagne de Crimée...)

лию Николаевичу, что из письма Рамсея от 2 октября он узнал, что основные просьбы пленных были переданы в Адмиралтейство и их обещали исполнить⁵⁰.

Если на 19 сентября 1854 года в Англии пребывал всего 1121 человек, то через год их численность немного увеличилась. В письме от 9 июля 1855 года Жонес-Спонвиль сообщал информацию о русских военнопленных: в Льюисе было 8 офицеров, 2 гражданских служащих, 3 кадета, которые держались под «честное слово», 327 солдат и унтер-офицеров, 2 замужние женщины, 1 девушка, 3 ребёнка; всего 346 человек. Офицеры жили в деревне недалеко от города и надеялись на обмен пленными⁵¹. В Плимуте было 22 офицера, 805 солдат и унтер-офицеров, 14 женщин, 19 детей; всего 860 человек. В Ширнесе было 26 матросов, 1 женщина, 34 заключённых (взятых в плен в крепости Бомарзунд); всего 61 человек. В целом в Англии находились 1267 человек⁵².

В письме из Парижа от 9 августа 1855 года О. Жонес-Спонвиль отмечал, что сведения, полученные от протоиерея Попова, были «очень удовлетворительными». По его словам, в Ширнесе пленные прогуливались дважды в неделю в городе и даже купались в море; в Льюисе была устроена продажа игрушек, изготовленных военнопленными. Причём, как отмечал Жонес-Спонвиль, газета «Le Nord» от 8 июля сообщала, будто с их продаж были проблемы. В действительности, как писал секретарь Демидова, герцог Devonshire посетил пленных, купил игрушек по 30 пенсов и распределил от 4 до 5 фунтов стерлингов среди пленных. Также он сообщал, что количество пленных в Ширнесе увели-

Великий князь
Константин Николаевич

чилось за счёт новопривывших: в настоящий момент 21 пленный содержался под «честное слово», 338 человек находились в тюрьме. В Плимуте, по его словам, пленные офицеры содержались сносно, прогуливались и даже купались, а «вечерами забавляли посетителей своими песнями». В день именин великой княгини Ольги, дочери Николая I, преподобный Попов распределил по 2 фунта стерлингов на каждого офицера и по 2 шиллинга на каждого солдата⁵³.

Однако в российских источниках мы находим иные сведения о реакции местного населения на русских офицеров в Плимуте. Так, князь А.В. Мещерский, который в годы Крымской войны был чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Новороссии и Бессарабии графе Александре Григорьевиче Строганове (двоюродном брате А.Н. Демидова) и по его поручению производил обмен пленными в Одессе, писал: «Всем нашим офицерам в этом городе предоставлена была полная личная сво-

бода, но ненависть отнимала у них возможность ею пользоваться. Обыкновенно, когда показывался русский офицер на улице, многочисленная толпа с насмешками и оскорбительными возгласами всюду их сопровождала. Однажды в театре принуждены были опустить занавес, чтобы прекратить насмешки и шум, поднявшиеся при появлении русских офицеров. При всем том городские полисмены совершенно равнодушно взирали на все эти нарушения порядка и никогда не принимали никаких мер к их предотвращению»⁵⁴.

Летом 1855 года начался обмен военнопленными. Именно списки, передававшиеся при посредничестве Демидова, легли в основу этого процесса. Пунктами обмена по высочайшему повелению были назначены Одесса и Либава (современный латышский город Лиепая). В Одессе мероприятиями руководил граф А.Г. Строганов. Договор об обмене пленными (cartel d'échange) был заключён в марте 1855 года, и в его заключении большую роль сыграл барон Зеебах⁵⁵. А.Н. Демидов всячески содействовал этому важному процессу.

20 июля 1855 года Жонес-Спонвиль писал из Парижа: Рамсей сообщил ему, что английское правительство совместно с французским намеревалось назначить комиссию по обмену военнопленными с местом заседаний в Париже⁵⁶. В письме от 9 августа он сообщал, что в отношении русских военнопленных, которые находились в Англии, ещё не было решено, отпустить ли их на свободу или ждать обмена⁵⁷.

В письме от 28 августа 1855 года Жонес-Спонвиль докладывал, что если французские власти уже приступили к об-

мену пленными, не дожидаясь заседания комиссии, то «английское правительство не спешило следовать примеру Франции в том, чтобы предоставить свободу пленным»⁵⁸. Соответственно, на английской территории оставалось ещё много русских военнопленных. Демидов отдал распоряжение организовать для них праздник в честь тезоименитства императора Александра II, который отмечался 30 августа (11 сентября). Жонес-Спонвиль предоставил протоиерею Попову кредит на 2000 франков у банкира Холла⁵⁹.

Для эффективного обмена пленными нужны были их точные списки, и в их передаче самое активное участие принимал Анатолий Николаевич. В письме от 15 октября 1855 года из Парижа Жонес-Спонвиль сообщал Демидову, что накануне получил его письмо, содержащее 14 листов французских и 19 листов английских военнопленных, находившихся в России. Жонес-Спонвиль намеревался передать списки французских пленных маршалу Вайяну, списки английских пленных отправить лорду Панмуру. Он также отмечал, что, если потребуется помощь с переводом, в Париже он готов был её организовать совместно с протоиереем Васильевым, а в Англии те же распоряжения будут переданы протоиерею Попову⁶⁰.

К концу декабря 1855 года на территории Франции почти не осталось русских военнопленных. В письме от 19 декабря 1855 года Жонес-Спонвиль сообщал, что церковные книги, которые Демидов отправил ему для передачи военнопленным во Францию, были им перенаправлены в Англию, поскольку во Франции русских пленных не осталось⁶¹. В Англии же русские военнопленные ещё были. В письме

от 10 января 1856 года Жонес-Спонвиль сообщал, что в России оставалось примерно 180 английских военнопленных, поэтому русские пленные продолжали находиться в Англии⁶².

В письме от 28 апреля 1856 года секретарь Демидова сообщал, что получил от него перевод статьи из английской газеты относительно обстоятельств, сопровождавших отправку последних русских пленных, находившихся в Англии. Он писал: «Отправляя мне эту статью, вы меня спрашиваете, насколько точно ее содержание. В отношении отправки пленных все верно, мне это подтверждает Попов. Что касается благодарности, которую майор Грахн (Grahn) выразил от имени всех русских пленных жителям города Льюиса, то это не противоречит тому, что я вам сообщил о недовольстве пленных своим положением. Это солдаты, содержащиеся в военной тюрьме Льюиса, жаловались на строгость правительства, обоснованно или нет; но офицеры, проживавшие в городе под “честное слово”, были хорошо при-

няты населением и стали объектом предупредительности со стороны общества. Надо сказать, что почти все они были молодыми семейными людьми, превосходно образованными, и этот хороший прием был оправдан их положением»⁶³. В этом же письме он сообщал, что все русские пленные покинули Англию⁶⁴.

Однако из письма Жонес-Спонвиля из Парижа от 30 июня 1856 года мы узнаём, что русские пленные в Великобритании ещё оставались. В этом письме он передавал список русских пленных по состоянию на 26 июня, пребывавших в Англии по медицинским причинам. Он отмечал, что на эту дату в Льюисе остался только один больной матрос без всякой надежды на выздоровление и второй, помогавший ему. Кроме того, в Портсмуте находился пленный Матвеев: ему ампутировали ногу, но вскоре он должен был покинуть Англию⁶⁵.

Как видим, обмен письмами и помощь русским военнопленным продолжались и после окончания военных действий и заключения

Сёстры Крестовоздвиженской общины о раненых
г. Севастополь, 1855 г.

Васильев В. XIX век: иллюстрированный обзор минувшего столетия. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1901. С. 132.

18(30) марта 1856 года Парижского мирного договора. Эта деятельность велась до тех пор, пока на Родину не вернулся последний русский военнопленный.

* * *

Гуманитарная деятельность А.Н. Демидова была продолжена и в последующие годы. Оставшаяся из пожертвованных им 600 тыс. руб. сумма пошла на помощь Крестовоздвиженской общине сестёр милосердия⁶⁶. Именно Демидов наряду со швейцарцем Анри Дюнаном, создателем Международного комитета Красного Креста, стоял у истоков важнейших гуманитарных инициатив. По предложению Анатолия Николаевича содержание мандата Красного Креста было расширено и в текст Первой Женевской конвенции 1864 года о за-

щите больных и раненых на поле боя были включены положения о раненых военнопленных⁶⁷.

Итак, А.Н. Демидов был пионером в области международного гуманитарного права, активно привлекал внимание правительств и международной общественности к проблеме оказания помощи военнопленным и делал это исключительно по своей личной инициативе, по долгу семейной чести и гражданской потребности. В условиях Крымской войны, когда дипломатические связи были прерваны, а нормы международного гуманитарного права ещё не сформированы, его неофициальная дипломатия являлась важнейшим каналом помощи русским военнопленным. Он не просто предлагал идеи по улучшению положения воен-

нопленных, а занимался оказанием прямой и адресной помощи в полном соответствии со своим девизом: «Делами, не словами». Инициативы А.Н. Демидова легли в основу важнейших программных документов и деятельности современных международных гуманитарных организаций.

Ещё в 1855 году А.Н. Демидов писал А.Г. Строганову из Вены: «Я всего себя посвящаю нашим военнопленным во Франции, Англии и Турции. Поверьте, мой дорогой Александр, единственная истинная вещь — это благо, сделанное для других. Это защищает нас от происходящего зла»⁶⁸.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: La Guerre de Crimée, première guerre contemporaine / Sous la direction d'Éric Anceau, Jean François Figeac, Marie-Pierre Rey. Paris: Classiques Garnier, 2025. 400 p.

² Tissot Demidoff A. Anatole Demidoff and the Prisoners of War during the Crimean War // Bulletin de la Société Henry Dunant. № 32, juillet 2021 — février 2022. Genève, le 4 avril 2022. P. 78.

³ Заграничные пожертвования в пользу раненых // Морской сборник. 1856. № 7. С. 210, 211; Свою виллу Сан-Донато недалеко от Флоренции он также предоставил для русских раненых, которым требовалось лечение. См.: О помощи, оказываемой раненым морским офицерам действительным статским советником А.Н. Демидовым // Там же. № 1. С. 63, 64.

⁴ С лета 1854 г. А.М. Горчаков временно управлял российским посольством в Австрийской империи вместо барона П.К. Мейендорфа, а весной 1855 г. окончательно был назначен посланником при австрийском дворе. В апреле 1856 г. стал российским министром иностранных дел.

⁵ А.Н. Демидов хотел получить официальный статус, но в этом

ему было отказано: граф К.В. Несельроде счёл, что его неофициальное положение предоставляло ему больше возможностей. См.: Пирогова Е.П. Пожертвования А.Н. Демидова на военные нужды: к 160-летию окончания Крымской войны // Архивы Урала. 2016. № 20. С. 76—78.

⁶ Tissot Demidoff A. Op. cit. P. 73—87.

⁷ Rey M.-P. Le prince Anatole Demidoff, la Crimée et le Comité international d'aide aux prisonniers de guerre // La Guerre de Crimée, première guerre contemporaine / Sous la direction d'Éric Anceau, Jean François Figeac, Marie-Pierre Rey. Paris: Classiques Garnier, 2025. P. 161—177. См. также статью Жака Мёрана, в которой анализируется деятельность А.Н. Демидова как пионера в деле оказания помощи военнопленным: Meurant J. Anatole Demidov, pionnier de l'assistance aux prisonniers de guerre // Preludes et Pionniers, les precurseurs de la Croix Rouge. Genève, Société Henri Dunant, 1991.

⁸ Пирогова Е.П. Указ. соч. С. 65—82.

⁹ Алилуева Н.А. Организация благотворительной деятельности для Российского императорского флота во время Крымской войны

(1853—1856). Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. С. 54, 55, 60, 61, 101—103.

¹⁰ Les prisonniers de guerre des puissances belligérantes pendant la campagne de Crimée: extraits de la correspondance du prince Anatole Demidoff / publiés par O. Jaunez-Sponville. Paris: E. Dentu, 1870.

¹¹ 16 марта 1854 г., ещё до вступления в войну Франции и Великобритании, императором Николаем I было утверждено «Положение о пленных», где чётко прописывались правила содержания турецких военнопленных, распространённые потом и на пленных других стран. См.: Положение о пленных. СПб., 1854.

¹² Les prisonniers de guerre... P. 226.

¹³ Ibid. P. 61.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibid. P. 10.

¹⁶ Ibid. P. 131.

¹⁷ Спустя почти год в письме из Парижа от 28 августа 1855 г. Жонес-Спонвиль сообщал, что в Англии вопросами военнопленных занимался дипломатический представитель Баварии в Лондоне, а преподобный Попов был в контакте со своим прежним руководителем, послом России в Великобритании

бароном Ф.И. Брунновым. См.: Les prisonniers de guerre... P. 164.

¹⁸ Les prisonniers de guerre... P. 47.

¹⁹ Брак А.Н. Демидова с принцессой Матильдой, племянницей Наполеона Бонапарта, заключённый в 1840 г., официально расторгнут не был. Но в 1846 г. супруги разъехались, Демидов выплачивал принцессе ежегодную сумму в 200 тыс. франков (50 тыс. руб.).

²⁰ Les prisonniers de guerre... P. 59, 60.

²¹ Вероятно, речь идёт о Джордже Родни Манди (1805—1884), офицере Королевского военно-морского флота Великобритании, будущем адмирале. В годы Крымской войны участвовал в военных действиях на море против России.

²² Генри Пелэм-Клинтон (1811—1864), британский политик, 5-й герцог Ньюкасл-андер-Лайн. Государственный секретарь по военным делам и делам колоний в 1852—1854 гг., государственный секретарь по военным делам с 12 июня 1854 по 30 января 1855 г.

²³ Les prisonniers de guerre... P. 47, 48.

²⁴ Блокшив — старое самоходное судно, содержащееся в порту. О. Жонес-Спонвиль именует их понтонами.

²⁵ Оригинал этого письма хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Ф. 1267. Демидовы. Оп. 5. Д. 181. Л. 27—31. Оригиналы многих других писем О. Жонес-Спонвиля, адресованные А.Н. Демидову и представленные на страницах опубликованной им переписки, также находятся в этом архивном деле.

²⁶ Les prisonniers de guerre... P. 142.

²⁷ Ibid. P. 48.

²⁸ Это количество фигурирует в разных отчётах: См.: Ibid. P. 49, 92.

²⁹ Ibid. P. 49.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid. P. 49, 50.

³² Ibid. P. 50. Это было общее правило — содержать отдельно пленных разных национальностей.

³³ 1 ливр составляет около 0,5 кг.

³⁴ В сноске указано: «chtchi — это суп из капусты со сливками с кусочками вареной говядины, основная еда русских крестьян, за исключением постов, которые очень многочисленны и очень строго соблюдаются в России». См.: Les prisonniers de guerre... P. 50.

³⁵ Кварта (четверть) — примерно литр.

³⁶ Les prisonniers de guerre... P. 50, 51.

³⁷ Ibid. P. 51.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid. P. 52.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibid. P. 52, 53.

⁴² Ibid. P. 53.

⁴³ Ibid. P. 53, 54.

⁴⁴ Ibid. P. 54.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibid. P. 55.

⁴⁷ Ibid. P. 56.

⁴⁸ Ibid. P. 57.

⁴⁹ Ibid. P. 60, 61.

⁵⁰ Ibid. P. 64.

⁵¹ Ibid. P. 143.

⁵² Ibid. P. 144.

⁵³ Ibid. P. 159.

⁵⁴ Записки о размене в городе Одессе пленных войны 1854—1856 гг. // Русский архив. 1899. Кн. 3. С. 482, 483. О положении военнопленных

в России в годы Крымской войны см.: Миловидов Б.П. Иностранцы военнопленные и российское общество в годы Крымской войны // Российская история. 2010. № 5. С. 153—164.

⁵⁵ Записки о размене в городе Одессе пленных войны 1854—1856 гг. С. 441.

⁵⁶ Les prisonniers de guerre... P. 150.

⁵⁷ Ibid. P. 158.

⁵⁸ Ibid. P. 164.

⁵⁹ Ibid. P. 164.

⁶⁰ Ibid. P. 171.

⁶¹ Ibid. P. 189.

⁶² Ibid. P. 193.

⁶³ Ibid. P. 203. Действительно, в письме из Парижа от 31 января 1856 г. О. Жонес-Спонвиль сообщал, что русские военнопленные в Люисе содержались «с меньшей заботой», чем в Плимуте. По его мнению, это было связано с личными качествами губернаторов. См.: Les prisonniers de guerre... P. 197.

⁶⁴ Ibid. P. 203.

⁶⁵ Ibid. P. 206.

⁶⁶ Пирогова Е.П. Пожертвования А.Н. Демидова на военные нужды. С. 79.

⁶⁷ Именно с таким предложением Демидов обратился к участникам Женевской конференции, которая работала с 26 по 29 октября 1863 г. Его предложения были зачитаны участникам конференции. См.: Conférence internationale réunie à Genève les 26, 27, 28 et 29 Octobre 1863. Compte rendu. Genève, 1863. P. 27, 28.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 13. Д. 13. Письмо А.Н. Демидова А.Г. Строганову от 4 сентября 1855 г. Л. 190 об.

N.P. Tanshina

«...THE ONLY TRUE GOOD IS THAT WHICH IS DONE FOR OTHERS. THIS PROTECTS US FROM THE EVIL THAT IS HAPPENING»

A.N. Demidov's efforts to provide assistance to Russian prisoners of war in Great Britain during the Crimean War of 1853—1856

Information about author. Nataliya Tanshina — professor of the Department of General History at the Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, leading research fellow at the Institute of International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Professor (Moscow. E-mail: nata.tanshina@mail.ru).

Summary. This paper delves into a subject that has received little attention in both Russian and international historical scholarship: the humanitarian endeavors of Anatoly N. Demidov, a Russian diplomat, industrialist, and philanthropist (1813—1870), during the Crimean War. The paper focuses on his efforts to provide support to Russian prisoners of war held in Great Britain. This paper is primarily based on a collection of correspondence related to prisoner-of-war issues published in Paris in 1870 by O. Jonès-Sponville, Demidov's personal secretary and friend. The paper presents information about the number of Russian prisoners of war in the United Kingdom, their locations, and their living conditions. It also outlines the processes for providing assistance and Demidov's role in prisoner exchanges. The paper concludes that, due to the lack of official channels for monitoring the situation and providing assistance to prisoners of war, the informal humanitarian diplomacy pioneered by A.N. Demidov was crucial. His work is linked to the creation of the foundations of international humanitarian law.

Keywords: Crimean War; prisoners of war; prisoner exchange; assistance to Russian prisoners of war in Great Britain; international humanitarian law; Bomarsund Fortress; Plymouth; Sheerness; Lewes; Odessa; A.N. Demidov; O. Jones-Sponville; Archpriest Yevgeniy Popov; A.G. Stroganov; «by deeds, not by words».

«ИЗБРАТЬ ИЗ ЧИНОВНИКОВ, ИЗВЕСТНЫХ ОТЛИЧНОЮ СЛУЖБОЮ, РАСТОРОПНОСТЬЮ, УСЕРДИЕМ И ОСОБЕННО ХОРОШЕЮ ПРАВСТВЕННОСТЬЮ...»

Начальники 1-го (Санкт-Петербургского) округа Корпуса жандармов
(1827—1867 гг.)

Сведения об авторе. Резанов Андрей Дмитриевич — ассистент кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук (г. Архангельск. E-mail: andreydmrezanov@yandex.ru).

Аннотация. В статье анализируются социальные и кадровые характеристики генералов, возглавлявших 1-й (Санкт-Петербургский) округ Корпуса жандармов; обобщаются их биографические данные и выявляется специфика назначения на эту важную в системе политической полиции должность с учётом наличия боевого опыта, принадлежности к гвардейским частям и императорской свите, благонадёжности и организаторских способностей. При этом делается акцент на изменениях в практике назначений, произошедших в период правления Александра II, в сравнении с эпохой Николая I.

Ключевые слова: просопография; Корпус жандармов; III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии; 1-й (Санкт-Петербургский) округ Корпуса жандармов; политический надзор; окружная система; Свита Его Императорского Величества; генералитет; гвардия; подбор кадров; Николай I; Александр II; А.Х. Бенкендорф; П.И. Балабин; С.И. Лесовский; Д.П. Полозов; Н.Е. Цукато; И.В. Анненков; А.М. Дренякин; А.И. Баранов.

Корпус жандармов играл значительную роль в истории Российской империи, выполняя различные функции по обеспечению безопасности государства и надзирая за социальными настроениями. В период правления Николая I его первоочередной задачей, как показывают исследования Г.Н. Бибикова¹, был надзор за образованными сословиями, проблемами управления на местах. В дальнейшем, с ростом революционного движения, Корпус жандармов (далее — Корпус) рас-

ширял поле деятельности, ведя дознания по делам о «государственных преступлениях» и разыскивая революционеров. Эта часть жандармской службы хорошо известна и изучена не одним поколением специалистов. Однако, по справедливому замечанию А.М. Лаврёновой, хотя формальное место жандармских структур в государственной системе очерчено вполне конкретно, коллективный портрет жандармских чинов «весьма далёк от завершения»².

Такая постановка вопроса актуализирует обращение к биографиям отдельных лиц, а особенно перспективным выглядит просопографический анализ — изучение в историческом контексте «коллективных биографий» различных групп и страт³, позволяющее делать выводы об общих чертах и закономерностях развития статуса избранной группы персоналий. При анализе командного состава Корпуса метод просо-

пографии был результативно применён П.П. Румянцевым, который выявил специфику назначения на должности начальников 8-го (Сибирского) жандармского округа и управлений, входивших в его состав⁴.

Если Сибирский регион интересен в этой связи как наиболее удалённый в империи, то с иной точки зрения может быть рассмотрена специфика 1-го жандармского округа, т.к. его центром была столица госу-

дарства. Поэтому можно исходить из гипотезы: здесь реализовывался особенный подход при назначении начальника округа. Несмотря на то что известны сами факты занятия тем или иным генералом данной должности⁵, анализ их назначений, обобщение социальных и кадровых характеристик в историографии пока не проводились.

Для понимания кадровой политики в Корпусе жандармов следует отметить, что он

сохранял двойственное положение в военно-полицейской системе. В плане политического сыска Корпус подчинялся III Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (1826—1880 гг.) и Департаменту полиции МВД (1880—1917 гг.), которыми управляли гражданские чиновники, а шеф жандармов являлся также и главой III Отделения, а затем министром внутренних дел. Сущность Корпуса была военной, что отражалось на всём внутреннем устройстве: кадровом комплектовании, системе наград и наказаний для чинов. Не зря В.Ф. Джунковский⁶, возглавивший Корпус в 1913 году, напомнил подчинённым о его изначальной сути: жандармы «входят в состав доблестной русской армии», а присвоение им воинских званий «свидетельствует о почётности и важности порученного их ведению дела»⁷.

Окружная система была одним из признаков Корпуса как части военной машины. Она была сформирована Положением «Об учреждении пяти округов жандармского корпуса», которое император подписал 28 апреля 1827 года⁸. «Округам сим именоваться по номерам; каждый округ делится на отделения, которые имеют свои номера в оных», — говорилось в документе. Там же оговаривались критерии отбора начальствующего состава: «Для замещения мест, по сему расписанию назначенных, нужное число Генералов, Штаб и Обер-Офицеров избрать из состоящих ныне на службе, или в отставке, чиновников, известных отличною службою, расторопностью, усердием и особенно хорошою нравственностью, которых и представить Мне на утверждение»⁹.

Жандармский корпус не был уникальным в плане построения своей структуры. Иные формирования, такие как Корпус инженеров путей сообщения (1809—1867 гг.), Отдельный

корпус внутренней стражи (1811—1864 гг.), Корпус лесных (1839—1869 гг.), также выстраивали иерархию в рамках окружной системы. Центральному корпусному управлению подчинялись руководители округов в генеральском чине, в то время как в состав округов входили несколько регионов, в

«Положение» 1827 года учредило пять округов Корпуса жандармов, позднее было создано ещё три (Варшавский, Сибирский и Кавказский). Как уже говорилось выше, официально округа не именовались по местам штаб-квартир начальников, а только нумеровались. Так, столица империи

Должность начальника Петербургского округа была ответственным местом службы, требовала развитых организаторских умений и интеллекта. Тем актуальнее вопрос о принципах назначения на этот пост

каждом из которых присутствовал офицер, представлявший интересы корпуса. По такой модели функционировал и Корпус жандармов в течение 40 лет, пока в 1867 году не была проведена реорганизация, которая упразднила большинство окружных управлений.

Санкт-Петербург стала местом дислоцирования не только главного управления Корпуса под началом генерал-лейтенанта А.Х. Бенкендорфа, но и управления 1-го округа.

В состав округа вошли 11 субъектов империи¹⁰, каждый из которых имел свои особенно-

А.Х. Бенкендорф
Монтен Д., Эккерт Г.А.
Обмундирование Русской Императорской армии.
Мюнхен, 1840.

сти. Смоленская губерния вскоре была переведена во 2-й (Московский) округ, а в Дерпте был учреждён отдельный надзор. Таким образом, начальник 1-го округа имел в подчинении 11 офицеров, присылавших донесения из регионов Европейского Севера и Северо-Запада (включая столицу), Финляндии и прибалтийских (остзейских) губерний. Поэтому должность начальника Петербургского округа была ответственным местом службы, требовала развитых организаторских умений и интеллекта. Тем актуальнее вопрос о принципах назначения на этот пост (списочный состав начальников 1-го жандармского округа представлен в таблице).

Хотя жандармские округа были официально учреждены 28 апреля 1827 года с выходом «Положения», сам Корпус начал формироваться годом ранее, после того как А.Х. Бенкендорф получил должность шефа жандармов и возможность привлекать генералов и офицеров к службе в новом ведомстве. В частности, уже в ноябре 1826 года начальником 1-го округа был определён отставной генерал-майор Пётр Иванович Балабин. С детства Балабин был зачислен в гвардию, в юности перешёл на Черноморский флот. Он был настоящим боевым офицером, прошедшим славный путь¹¹. В 1798—1800 гг. под началом прославленного адмирала

Ф.Ф. Ушакова Пётр Иванович принял участие в Средиземноморском походе, был в Мессине и Палермо, Неаполе и Риме. В 1801 году Балабина перевели на Балтийский флот, вскоре — в недавно учреждённый Комитет образования флота, в 1802 году — в сухопутные силы. За отличие в битве при Аустерлице он был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, в 1807 году произведён в полковники. За храбрость в битве при Фридланде удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени, награждён золотой шпагой и прусским орденом «За заслуги». В 1808 году П.И. Балабин действовал уже в Финляндии против Швеции, в том же году сопровождал Александра I в

Таблица

Начальники 1-го округа Корпуса жандармов

Начальник округа, годы жизни	Период командования округом, воинское звание	Полученные ордена в период командования округом
Балабин Пётр Иванович (1776—1856)	26 ноября 1826 — 10 февраля 1832 г. генерал-майор	Св. Анны 1-й степени (1827)
Лесовский Степан Иванович (1781—1839)	3 марта — 21 ноября 1832 г. генерал-лейтенант	
Полозов Даниил Петрович (1794—1850)	21 ноября 1832 — 22 ноября 1850 г. генерал-майор, с 6 декабря 1835 г. генерал-лейтенант	Св. Георгия 4-й степени за 25 лет службы (1833); Императорская корона к ордену Св. Анны 1-й ст. (1834); Св. Владимира 2-й степени (1839); Белого Орла (1842); Св. Александра Невского с алмазами (1846, 1849)
Цукато Николай Егорович (1794—1867)	3 декабря 1850 — 1 января 1860 г. генерал-лейтенант	Св. Анны 1-й степени с императорской короной (1852); Св. Владимира 2-й степени (1854); Белого Орла (1857)
Анненков Иван Васильевич (1814—1887)	1 января 1860 — 15 марта 1862 г. генерал-майор, с 30 августа 1861 г. генерал-лейтенант	Св. Анны 1-й степени (1861)
Дреникин Александр Максимович (1812—1894)	18 марта 1862 — 26 сентября 1864 г. генерал-майор	Св. Анны 1-й степени (1863)
Баранов Александр Иванович (1821—1888)	26 сентября 1864 — 9 сентября 1867 г. генерал-майор	Св. Станислава 1-й степени (1866)

Составлена по: Приказы по Корпусу жандармов № 87 от 30 ноября 1832 г.; № 96 от 28 ноября 1850 г.; № 100 от 5 декабря 1850 г.; Русский инвалид. 1826. № 287. 29 ноября; 1827. № 319. 19 декабря; 1832. № 38. 12 февраля; № 59. 7 марта; 1834. № 114. 10 мая; 1839. № 108. 30 апреля; 1842. № 102. 8 мая; 1846. № 129. 12 июня; 1852. № 82. 15 апреля; 1854. № 98. 2 мая; 1857. № 94. 3 мая; 1860. № 2. 3 января; 1861. № 108. 19 мая; 1862. № 60. 17 марта; № 63. 21 марта; 1863. № 190. 30 августа; 1864. № 219. 4 октября; 1867. № 302. 1 ноября.

Эрфурт на встречу с Бонапартом и лично доставил тому депешу, удостоившись после этого свитского звания флигель-адъютанта¹². В период Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 гг. принял участие во многих сражениях и выполнял важные задания. Одно время исполнял должность военного губернатора в Риге. Балабин участвовал в битвах при занятии Митавы, при Экау, Бауцене, Дрездене, Кульме. В сентябре 1813 года за отличие произведён в генерал-майоры. В 1814 году был при осаде крепости Глогау на Одере. Только после этого Пётр Иванович вернулся в Россию, одним из последних военачальников. В то время он являлся командиром 2-й бригады 3-й драгунской дивизии и с этого поста в январе 1818 года «за болезнями» вышел в отставку¹³. Награждался медалями «В память Отечественной войны» и «За взятие Парижа».

Почему именно П.И. Балабин оказался востребован при формировании генералитета жандармского корпуса? Во-первых, несомненным достоинством являлось боевое прошлое генерала: А.Х. Бенкендорф старался назначать начальниками жандармских округов и отделений именно тех, кто имел опыт боевых действий. Это прослеживается по числу генералов и офицеров Корпуса, имевших к 1828 году золотое наградное оружие и ордена Св. Георгия¹⁴. Кроме того, Балабин имел опыт командования кавалерийской частью, что было актуально, поскольку жандармский дивизион в столице и команды в регионах являлись конной полицией. Во-вторых, для управления территориальным составом 1-го округа была ценной география предшествовавшей службы Балабина — он побывал в Финляндии и Прибалтике, служил и в Петербурге. Наконец, известен факт личного знакомства Бенкендорфа и Балабина (вместе находились в Голландии), т.е. это был полно-

Портрет С.И. Лесовского
Неизвестный художник,
1820-е гг.

стью надёжный генерал для замыслов шефа жандармов. Г.Н. Бибилов отмечает, что Бенкендорф мог даже уговорить старого товарища выйти из отставки¹⁵.

Тем не менее на посту начальника округа генерал-майор П.И. Балабин имел собственное видение жандармской службы,

Именно П.И. Балабину доводилось фактически исполнять должность шефа жандармов в периоды отбытия А.Х. Бенкендорфа из столицы. Ему поручались «все дела по управлению» Корпусом, и ему же должны были адресоваться «все дела по службе»¹⁷. Поскольку на тот момент ещё не была введена должность начальника штаба Корпуса, а дежурный штаб-офицер являлся ниже по званию, передача управления генералу, пребывавшему в столице, являлась логичным вариантом. В начале 1832 года Балабин вышел в отставку, получив чин генерал-лейтенанта. Проживал Пётр Иванович в Петербурге, там же и умер в 1856 году в возрасте 80 лет.

Новым начальником 1-го округа стал генерал-лейтенант Степан Иванович Лесовский. Его многое объединяет с Балабиным: дворянин и сын генерала, участник Отечественной войны и Заграничных походов (действовал в составе Мариупольского пехотного полка), награждался орденами Св. Георгия 4-й степени и Св. Владимира 3-й степени, золотой саблей с надписью «За храбрость», памятными ме-

Пока жандармские команды будут частью полицейской системы, «звание сие уважения в глазах публики иметь не будет»

отличавшееся от идей его шефа. Он полагал, что стоит сделать инструкцию для жандармских штаб-офицеров гласной, и «гласность сия может быть произведет более пользы нежели вреда». Также он считал, что, пока жандармские команды будут частью полицейской системы, «звание сие уважения в глазах публики иметь не будет»¹⁶. За этим видно стремление генерала видеть в Корпусе именно воинское формирование с присущими его офицерам представлениями о долге и чести.

далями 1812 и 1814 гг.¹⁸ В 1819 году Лесовский, на тот момент командир Кинбургского гусарского полка, был произведён в генерал-майоры с состоянием при командире 2-й драгунской дивизии. В дальнейшем был бригадным командиром в Гусарской, затем в Конно-егерской дивизии. В начале 1827 года перешёл на гражданскую службу с назначением курским губернатором¹⁹.

В Корпус жандармов С.И. Лесовский вступил в апреле 1830 года как начальник 4-го (Полтавского) округа, а в

декабре возглавил 3-й (Виленский) округ. Уже в феврале 1831 года он был определён военным генерал-полицмейстером действующей армии и произведён на этом посту в генерал-лейтенанты²⁰. Динамичный характер его службы сохранялся и далее: во главе 1-го округа Лесовский пробыл менее года, уже в ноябре 1832 года став начальником 2-го (Московского) жандармского округа, сменив генерал-лейтенанта А.А. Волкова. Только здесь он прослужил в условиях большей стабильности до июля 1834 года, а после был назначен в Сенат как действительный статский советник²¹. Будучи сенатором, Степан Иванович умер в 1839 году.

В день перевода Лесовского из Петербурга в Москву новым начальником 1-го округа назначили генерал-майора Даниила Петровича Полозова. Если руководство его предшественника было самым коротким в истории округа, то Полозову предстояло находиться в этой должности 18 лет. Даниил Петрович был профессиональным артиллеристом, с 1811 года служил подпоручиком в лейб-гвардии артиллерийской бригаде, а, пройдя Отечественную войну

Портрет Д.П. Полозова

*Неизвестный художник,
1842—1844 гг.
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)*

и Заграничные походы, уже в конце 1816 года дослужился до чина полковника (в возрасте 22 лет)²². За участие в войнах награждён орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 2-й степени, прусским орденом «За заслуги», золотой шпагой, памятными медалями.

В 1819 году Полозов стал командиром лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, в 1826 году — флигель-адъютантом и генерал-майором, в 1827—1829 гг. являлся начальником артиллерии 2-го пехотного корпуса, в 1829—1831 гг. — начальником 2-й артиллерийской дивизии.

В январе 1831 года генерал-майор Д.П. Полозов по болезни вышел в отставку, но уже 19 июля вступил в Корпус жандармов, состоял при А.Х. Бенкендорфе по особым поручениям. Будучи затем начальником 1-го округа, в июле 1835 года стал генерал-майором Свиты Его Императорского Величества²³, а в декабре был произведён в генерал-лейтенанты. Находясь в должности, 22 ноября 1850 года скончался, на следующий день был исключён из списков.

Д.П. Полозова сменил на посту окружного начальника генерал-лейтенант Николай Егорович Цукато, однако изначально он был назначен исполнять должность, а утверждение получил только в апреле 1852 года. Цукато служил в казачьих войсках с 15 лет, став хорунжим в Атаманском полку Войска Донского, участвовал в Русско-турецкой

Здание III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии в Санкт-Петербурге (современный вид)

войне 1806—1812 гг.²⁴ Перейдя в лейб-гвардии Финляндский полк, в 1812 году сражался под Тарутино, Красным, Малоярославцем, был и в Заграничных походах, получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». Затем поручиком служил в лейб-гвардии Волынском полку. В 1820 году вышел в отставку полковником. Вскоре, однако, вернулся на службу.

Из последующих деталей следует отметить участие Н.Е. Цукато как командира Волынского уланского полка в усмирении Польского восстания в 1831 году. В дальнейшем он являлся комендантом Анапы (1835—1839 гг.) и наказным (назначенным) атаманом Оренбургского казачьего войска (1841—1848 гг.). В 1836 году произведён в генерал-майоры, в 1848 году — в генерал-лейтенанты. Имел орден Св. Георгия 4-й степени за 25 лет службы. В 1849 году Николай Егорович вошёл в Корпус жандармов и состоял при его шефе. В должности начальника 1-го округа находился 10 лет, до 1860 года, когда был зачислен в запас. В апреле 1861 года Н.Е. Цукато заслужил звание генерала от кавалерии и вышел в отставку. Скончался в 1867 году.

Последующие окружные начальники представляли новое поколение и уже не являлись ветеранами Наполеоновских войн. Их послужной путь отличался от модели назначения предшественников, а срок нахождения в должности сократился.

В 1860—1862 гг. Санкт-Петербургский жандармский округ возглавлял генерал-майор Иван Васильевич Анненков, в 1861 году произведённый в генерал-лейтенанты. Он окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (будущее Николаевское кавалерийское училище), с 1833 по 1852 год служил в Конном лейб-гвардии полку, пройдя путь от прапорщика до полковника и получив в 1846 году звание флигель-адъютанта²⁵. В 1852—1855 гг. являлся

Н.Е. Цукато
 Портрет-гравюра
 из собрания П.Я. Дашкова

вице-директором Инспекторского департамента Военного министерства, затем был произведён в генерал-майоры с зачислением в императорскую Свиту. Будучи в Свите, исполнял особые поручения, состоял при 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. В январе 1860 года вошёл в Корпус жандармов с назначением начальником 1-го округа. К тому моменту Иван Васильевич был кавалером орденов Св. Станислава 1-й степени и Св. Владимира 2-й степени. В дальнейшем генерал-лейтенант И.В. Анненков занимал ответственные посты в столице: полицмейстера (1862—1867 гг.) и военного коменданта (1867—1880 гг.). В 1868 году удостоился звания генерал-адъютанта Свиты, а в 1878 году был произведён в генералы от кавалерии. В 1880—1887 гг., до самой смерти, состоял в Александровском комитете о раненых.

В 1862—1864 гг. 1-й округ возглавлял генерал-майор Александр Максимович Дренякин. С 1829 года он служил подпрапорщиком в лейб-гвардии Измайловском полку, в 1831 году участвовал в подавлении Польского восстания²⁶. В 1844 году

стал полковым адъютантом в чине поручика, в 1850 году — флигель-адъютантом. Затем Дренякин принял участие в Крымской войне как командир роты, в 1853 году был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени, а уже через два года — орденом Св. Владимира 3-й степени. Командовал лейб-гренадерским Екатеринославским полком, позже состоял при Гренадерском корпусе. В 1860 году Александр Максимович был произведён в генерал-майоры и включён в Свиту. В 1861 году возглавил подавление крестьянского движения в Пензенской губернии, затем являлся гродненским губернатором.

После службы в жандармском корпусе Дренякин был определён для особых поручений к генералу от инфантерии Н.М. Муравьеву — генерал-губернатору Северо-Западного края, что был охвачен восстанием, перекинувшимся из Польши. Затем находился в распоряжении виленского генерал-губернатора, в 1867 году заслужил чин генерал-лейтенанта, возглавлял следственную комиссию по политическим делам. В 1873—1878 гг. Александр Максимович состоял по кавалерии и находился в запасе, затем до 1886 года — в распоряжении командующего войсками Харьковского военного округа. На момент смерти в 1894 году Дренякин состоял в запасе по армейской кавалерии и на учёте по Белгородскому уезду, где и проживал, отойдя от дел.

Последним начальником 1-го округа являлся генерал-майор Александр Иванович Баранов. Он окончил Михайловское артиллерийское училище, служил в лейб-гвардии Конной артиллерии, где в 1855 году в чине полковника стал батарейным командиром²⁷. В августе 1862 года Баранов стал флигель-адъютантом, а вскоре — генерал-майором Свиты с причислением к Главной императорской квартире. Перед назначением в Корпус жандармов состоял по Полевой конной артиллерии. Во время

управления 1-м округом командировался в Вильно.

Данные о том, что в конце 1866 года А.И. Баранов был назначен московским губернатором, неверны. В реальности он продолжал состоять в должности начальника 1-го округа вплоть до упразднения жандармских округов (кроме Варшавского, Кавказского и Сибирского) новым «Положением о Корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 года. Приказ о назначении Баранова в Москву с состоянием по Полевой конной артиллерии вышел 31 октября 1867 года²⁸. Губернатором он являлся до 1868 года, затем вновь находился в столице, а в 1871—1876 гг. возглавлял артиллерию Харьковского военного округа. В 1870 году получил звание генерал-лейтенанта, в 1884 году — генерала от артиллерии. С 1876 и до смерти в 1887 году А.И. Баранов состоял в Артиллерийском комитете Главного артиллерийского управления.

Исходя из имеющихся данных, можно выделить характерные черты социального пор-

И.В. Анненков
Фотопортрет,
между 1862 и 1867 гг.

фессиональными военными, демонстрировали успехи, которые выделяли их как перспективных офицеров и способствовали продвижению. Балабин служил во флоте и кавалерии, Полозов

вые четыре генерала прошли через Наполеоновские войны, имели наградное оружие, орден и памятные медали. Цукато к тому же принимал участие в подавлении Польского восстания 1830—1831 гг. Дренякин был участником Крымской войны. Справедливо предположить, что для Николая I боевой опыт являлся обязательным условием при одобрении кандидатов на рассматриваемую должность, в то время как при Александре II это уже не было таковым.

Возраст персоналий на момент вступления в должность следующий: Цукато было 56 лет, Балабину и Лесовскому — 50, Дренякину — 49, Анненкову — 45, Баранову — 42, Полозову — 38. Здесь заметна тенденция на некоторое «омоложение» должности при новом императоре, и только Полозов, назначенный при Николае I, выделяется относительно молодым возрастом. В том числе благодаря этому он руководил округом долго и, скорее всего, находился бы в должности до получения звания генерала от артиллерии, если бы не скончался в 56 лет.

При Александре II генералы сразу назначались начальниками округа, т.е. прежде они никогда не служили в Корпусе жандармов, и здесь это была их единственная должность. Очевидно, то же относится к П.И. Балабину как к первому начальнику. Д.П. Полозов и Н.Е. Цукато уже имели некоторый опыт службы в Корпусе — оба более чем 1,5 года состояли при шефе жандармов. Возможно, уже на тот момент они рассматривались как потенциальные кандидаты в начальники Корпуса после отставки прежних руководителей.

В этом списке резко выделяется С.И. Лесовский. Для него должность начальника Петербургского округа являлась уже четвертой по счёту в Корпусе²⁹, хотя на предыдущих позициях он находился кратковременно, а к службе в Вильно, скорее всего, даже не успел приступить.

Все семь начальников являлись дворянами, а также русскими и православными, хотя в состав 1-го округа входили Финляндия и прибалтийские губернии со значительной долей лютеранского населения

трета начальника 1-го округа и особенности назначений на этот важный пост. Все семь начальников являлись дворянами, а также русскими и православными, хотя в состав 1-го округа входили Финляндия и прибалтийские губернии со значительной долей лютеранского населения. Начальники 1-го округа были высокообразованными офицерами. К примеру, П.И. Балабин традиционно для дворянского сословия обучался дома и затем в Англии, Д.П. Полозов — в Первом Кадетском корпусе. Все будущие начальники были про-

и Баранов были профессиональными артиллеристами, Цукато и Анненков — кавалеристами, Дренякин — пехотинцем и гренадером. Важно, что все персоналии, кроме Лесовского, в разное время служили в гвардейских частях. То есть при назначении на должность начальника 1-го округа не был критически важен опыт службы в том или ином роде войск, но ключевым фактором являлась принадлежность к гвардии.

Пятеро лиц, кроме Анненкова и Баранова, являлись участниками боевых действий. Так, пер-

Поскольку затем Лесовский возглавлял ещё и Московский округ, он являлся единственным, для кого рассматриваемый пост не стал последней должностью в Корпусе. Послужной путь Лесовского вообще не имеет аналогов в истории Корпуса, т.к. он в отличие от остальных в разное время возглавлял четыре жандармских округа.

Н.Е. Цукато был единственным, кто выдерживал условный «испытательный срок» в виде статуса «исполняющий должность». Формальных и очевидных причин этому не находится, поскольку он, будучи генерал-лейтенантом, казалось бы, полностью удовлетворял требованиям, но не имел свитского звания.

Все персоналии руководили 1-м округом, как и полагалось, пребывая в генеральском чине. При этом произошло только два повышения: Полозов и Анненков были произведены в генерал-лейтенанты. Для Полозова это объяснимо накоплением необходимой выслуги, хотя и относительно быстрой: прошло 9 лет с момента его производства в генерал-майоры. Для Анненкова срок между получением генеральских чинов составил всего 6 лет, причём повышение не являлось наградой «за заслуги».

Чаще начальники 1-го округа получали иной тип награды — почётные ордена. Исключение составляет опять же Лесовский, который не успел на этой должности заслужить орден. Балабин, Цукато, Анненков и Дренякин именно на рассматриваемом посту были награждены орденом Св. Анны 1-й степени. Баранов же получил орден Св. Станислава 1-й степени и только в дальнейшем стал кавалером ордена Св. Анны 1-й степени. Это объяснимо тем, что орден Св. Станислава стоял ниже в иерархии награждений, а Баранов на тот момент меньше прочих находился в генеральском чине.

Логично отметить, что чем длительнее находился в должности окружной начальник,

тем больше орденов он успевал заслужить. Так, Цукато стал кавалером трёх орденов, а Полозов — четырёх, включая орден Св. Георгия 4-й степени за 25 лет службы. Также он отмечался знаком отличия беспорочной службы за 25 лет. Причастность Полозова и Цукато к военной элите империи проявляется в награждении высшими орденами, в частности, оба стали кавалерами ордена Белого орла, а Полозов единственным из персоналий — ордена Св. Александра Невского. При этом порядок и сроки награждения орденами по установленной иерархии не нарушались, что следует из данных таблицы.

По подсчётам П.П. Румянцева, в истории Корпуса состоялось всего семь награждений орденом Белого орла, во всех случаях это были начальники округов. Кавалерами ордена Св. Александра Невского, ещё

более высокой награды, стали лишь три жандармских генерала: помимо Д.П. Полозова награждались начальник Московского округа С.В. Перфильев в 1856 году и начальник Варшавского округа Н.П. Брок в 1894 году³⁰. Причём только Полозов получил в 1849 году ещё и алмазные украшения к ордену, став единственным военачальником в истории Корпуса, удостоенным этой награды, что подтверждает высокий статус столичного округа в корпусной иерархии.

Ещё одним подобным признаком выступает принадлежность персоналий к императорской Свите. Балабин и Полозов, а также начальники «александровского» периода в своих послужных списках до руководства округом имели первое свитское звание — флигель-адъютанта. Более того, Анненков, Дренякин и Баранов являлись уже генерал-майора-

Парадная и походная формы жандармских команд
Художник П.К. Губарев, 1872 г.

ми Свиты, а Полозов получил данный чин, будучи на рассматриваемом посту.

Послужной путь начальников округа после оставления должности также даёт представление о значимости данной позиции, при этом демонстрируя изменение кадровой политики. Для генералов времён Николая I руководство Петербургским округом являлось пиком карьеры, не считая Лесовского, который стал сенатором. Балабин вышел в отставку, Полозов скончался, находясь в должности, а Цукато был причислен к запасу. По-

следний факт показателен, так как ничто, казалось, не мешало ему выслужить следующий чин во главе 1-го округа и выйти в отставку годом позже. Логично исходить из того, что таково было усмотрение Александра II, решившего, что в условиях подготовки к масштабным реформам следовало поставить во главе округа более молодого и перспективного генерала.

Действительно, судьбы трёх новых начальников после руководства округом разительно отличаются от пути предшественников. Для них служба в Корпусе являлась одним из эта-

пов общего служения империи, которое отмечалось затем и иными важными постами, наградами и статусами. Так, Дренякин и Баранов будут, хотя и недолго, занимать губернаторские посты, Анненков получит свитское звание генерал-адъютанта. При этом в общем чинопроизводстве для Дренякина последним станет чин генерал-лейтенанта, в то время как для Анненкова и Баранова — генерала от кавалерии и артиллерии соответственно. Также оба станут кавалерами ордена Белого орла.

Таким образом, служебная карьера начальников 1-го жандармского округа развивалась (кроме С.И. Лесовского) вне самого Корпуса. Назначения являлись итогом специального подбора кадров, которые чаще всего должны были удовлетворять определённым параметрам. При Николае I ими считались участие в Отечественной войне 1812 года, разносторонний опыт военного управления, желательно — гвардейская служба и наличие свитского звания. Должность становилась наградой за заслуги и гарантировала службу в спокойных условиях столицы до выслуги нового чина и полной отставки.

При Александре II на первый план вышла именно принадлежность к Свите и гвардейским частям. Очевидно, состоя в Свите, эти генералы были лично знакомы императору, который видел в них необходимые качества. Срок занятия должности сильно сократился, снизился «возрастной ценз». За этим прослеживается стремление Александра II придать управлению Корпусом динамизм, омолодить систему для большего её соответствия новым вызовам. Впрочем, значение самой должности начальника столичного округа уже не было таким высоким, поскольку при нахождении для генералов более актуального поля деятельности следовал их перевод к новым местам службы. Вскоре и вовсе окружная система Корпуса жандармов была ликвидирована.

Чины Отдельного корпуса жандармов в царствование императора Николая Павловича

¹ Бибииков Г.Н. Полугодовые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской империи 1830-х гг. // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 34—57.

² Лаврёнова А.М. Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2023. С. 10.

³ Юмашева Ю.Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 2.

⁴ Румянцев П.П. Начальники жандармского округа в Сибири: социальный портрет // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 1: История. С. 94—103; он же. Кадровая политика жандармского ведомства комплектования руководства управлений Сибирского жандармского округа // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 78—89.

⁵ Русский биографический словарь. Т. 2. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1900. С. 439, 440; Т. 14. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. С. 379; Т. 21. СПб.: Типография В. Безобразова и К^о, 1901. С. 511.

⁶ Джунковский Владимир Фёдорович (1865—1938 гг.) — государственный деятель и жандармско-полицейский функционер, генерал-майор Свиты. В 1905 г. назначен московским губернатором. С января 1913 по август 1915 г. являлся товарищем министра внутренних дел и командующим Отдельным корпусом жандармов. Старался повысить статус Корпуса в глазах общества, упразднил охранные отделения и агентуру в армии, но фактически ослабил полицию накануне войны. После революции принял новый режим, но был расстрелян в 1938 г.

⁷ Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 28 от 6 февраля 1913 г. // Приказы по корпусу жандармов... [по годам]. СПб., 1830—1915.

⁸ Положение «Об учреждении пяти округов жандармского корпуса», 28 апреля 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 2. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 1062. С. 396, 397.

⁹ Там же. С. 396.

¹⁰ Санкт-Петербургская губерния, Великое княжество Финляндское, губернии Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Новгородская, Псковская, Смоленская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская.

¹¹ Здесь и далее см.: Русский биографический словарь. Т. 2. С. 439, 440.

¹² Флигель-адъютант — младшее свитское звание, которое могли носить офицеры не выше 4 класса «Табели о рангах». Они имели особый мундир с императорским вензелем на эполетах. Звание флигель-адъютанта жаловал только император.

¹³ Русский инвалид. 1818. № 14. 17 января. С. 3.

¹⁴ Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб.: Воен. тип. Главного штаба, 1828. С. 793—797.

¹⁵ Бибииков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика Николая I. М.: Три квадрата, 2009. С. 183.

¹⁶ Там же. С. 177, 235.

¹⁷ Приказы по Корпусу жандармов № 8 от 20 апреля 1829 г.; № 15 от 1 мая 1830 г. // Приказы по корпусу жандармов... [по годам]. СПб., 1830—1915.

¹⁸ Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб.: Воен. тип. Главного штаба, 1831. С. 875.

¹⁹ Русский инвалид. 1819. № 5. 7 января. С. 1; 1824. № 122. 23 мая. С. 2; 1827. № 8. 10 января. С. 4.

²⁰ Там же. 1830. № 102. 22 апреля. С. 1; 1831. № 40. 16 февраля. С. 1.

²¹ Там же. 1832. № 298. 24 ноября. С. 1; 1834. № 181. 19 июля. С. 1.

²² Здесь и далее см.: Русский биографический словарь. Т. 14. С. 379.

²³ Свита Его Императорского Величества — особая группа офицеров и генералов, составлявших ближний круг императора для исполнения особых поручений. Учреждена в начале XIX в. Включала звания флигель-адъютанта, генерал-майора Свиты, генерал-адъютанта и генерала, состоявшего при Особе императора. Принятие в Свиту осуществлялось по личному повелению императора.

²⁴ Здесь и далее см.: Русский биографический словарь. Т. 21. С. 511.

²⁵ Здесь и далее см.: Военная энциклопедия. Т. 2. СПб.: Типография И.Д. Сытина, 1911. С. 567.

²⁶ Здесь и далее см.: Лимаров А., Кривцова Е. Неизвестный Дренякин // Наш Белгород. 2013. № 35. 22 мая. С. 6.

²⁷ Здесь и далее см.: Русский инвалид. 1888. № 161. 27 июля. С. 4.

²⁸ Там же. 1867. № 302. 1 ноября. С. 1.

²⁹ В 1831—1832 гг. Лесовский являлся генерал-полицмейстером действующей армии, при этом оставаясь в составе Корпуса. Данная должность существовала в 1812—1868 гг. и охватывала различные аспекты разведки и контрразведки, создание секретной агентуры в тылу противника. После 1831 г. объединена с должностью обер-полицмейстера Варшавы. Генерал-полицмейстеры входили в Корпус жандармов.

³⁰ Румянцев П.П. Сибирский жандармский округ в системе имперской власти (1833—1902 гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. Томск, 2024. С. 456, 457.

A.D. Rezanov

«IT IS NECESSARY TO SELECT OFFICIALS KNOWN FOR THEIR EXCELLENT SERVICE, EFFICIENCY, DILIGENCE, AND ESPECIALLY GOOD MORAL CHARACTER...»

Chiefs of the 1st (St. Petersburg) District of the Gendarmerie Corps (1827—1867)

Information about author. Andrey Rezanov — teaching assistant at the Department of Russian History at Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Cand. Sc. (Hist.) (city of Arkhangelsk. E-mail: andreydmrezanov@yandex.ru).

Summary. This paper analyzes the social and personal characteristics of generals who served as commanders of the 1st (St. Petersburg) District of the Gendarmerie Corps. It provides a summary of their biographical information and identifies specific features that led to their appointment to this important position within the political police system. The paper considers factors such as combat experience, affiliation with guard units, the imperial entourage, and trustworthiness, as well as organizational skills. Additionally, it highlights changes in appointment practices that occurred during the reign of Alexander II compared to the era of Nicholas I.

Keywords: prosopography; Corps of Gendarmes; 3rd Section of His Imperial Majesty's Chancellery; 1st (St. Petersburg) District of the Corps of Gendarmes; political supervision; district system; Retinue of His Imperial Majesty; generals; guards; personnel selection; Nicholas I; Alexander II; A.Kh. Benckendorff; P.I. Balabin; S.I. Lesovskiy; D.P. Polozov; N.Ye. Tsukato; I.V. Annenkov; A.M. Drenyakin; A.I. Baranov.

«ХРАБРОСТЬ РУССКИХ И ТЕРПЕНИЕ В ТРУДАХ НАВЕЛИ СТРАХ ВСЕЙ ПЕРСИИ...»

Русско-персидская война 1826—1828 гг. в записках её участника

Сведения об авторе. Ткаченко Дмитрий Сергеевич — профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета, доктор исторических наук, профессор (г. Ставрополь. E-mail: tkdmsg@rambler.ru).

Аннотация. В статье содержится анализ рукописи поручика лейб-гвардии Гренадерского полка Ивана Васильевича Романуса, посвящённой его участию в Русско-персидской войне 1826—1828 гг. Данный документ восполняет пробелы в исторической и мемуарной литературе, отражающей этот период, и дополняет сведения о нём подробными описаниями боевых действий после их переноса на территорию противника, зарисовками повседневного быта частей Отдельного Кавказского корпуса, красочными изображениями населённых пунктов, крепостей и монастырей Грузии, Армении, Азербайджана и Северной Персии, которые посетил автор. С позиций антропологического подхода к военной истории раскрываются взгляды отдельного русского офицера на ход конфликта, выявляются истоки стойкости и героизма русских воинов, позволившие ограниченному воинскому контингенту не только разгромить противника в приграничье, но и дойти до центра вражеской территории, заставив Персию заключить мир на выгодных для России условиях.

Ключевые слова: Русско-персидская война 1826—1828 гг.; лейб-гвардии Гренадерский полк; Отдельный Кавказский корпус; Тифлисский пехотный полк; российско-персидское приграничье; Эриванское и Нахичеванское ханства; Аббас-Мирза; осада Эривани; Эчмиадзинский монастырь; повседневная жизнь частей Русской Императорской армии; антропологический подход в военной истории; И.В. Романус; И.Ф. Паскевич.

События русско-персидских войн имеют обширную историографию, в которой достаточно полно отражены как ход боевых действий¹, так и дипломатическая подоплёка и политические последствия этих военных конфликтов². Ещё в дореволюционной России возник обширный пласт литературы об участниках войны 1826—1828 гг.³ Некоторые из них оставили свои мемуары с описанием событий, однако далеко не все рукописи были опубликованы, а ряд ярких дневниковых записей до сих пор ждёт своих читателей в архивных хранилищах.

Начало карьеры И.В. Романуса было типичным для дворянства рубежа XVIII—XIX вв. Выпустившись в 1821 году из Павловского кадетского корпуса прапорщиком, он как представитель дворянского сословия был зачислен сначала в престижный Гренадерский Корольевский полк, а всего через год с небольшим, 29 января 1823 года, переведён в расквартированный в Санкт-Петербурге лейб-гвардейский Гренадерский полк, где в 1824 году получил

свое первое офицерское звание подпоручика, а в 1826 году стал поручиком⁴.

Обстоятельства появления офицера одной из элитных частей на южном театре военных действий были связаны с инициативой императора Николая I отправлять на стажировку в действующую армию гвардейцев для получения ими практического опыта. В связи с этим неожиданно для себя И.В. Романус узнал, что он прикомандирован к гренадерской роте Тифлисского пехотного

Одним из таких неизученных авторов был Иван Васильевич Романус (1803—1861), принимавший участие в Русско-персидской войне 1826—1828 гг. в составе войск Отдельного Кавказского корпуса. Его мемуары являются ценным документальным источником, отражающим историю военного столкновения России с южным соседом, круг интересов, моральный и интеллектуальный облик офицеров Императорской гвардии. Кроме того, они показывают отношение современников автора как к военным событиям, так и к жителям присоединённых к империи южных земель.

полка, с которой должен был отправиться в Персию⁵.

Молодому человеку не хотелось покидать столицу. Сетую на горькую судьбу, но утешаясь мыслью об открывавшейся возможности покрыть себя славой, он проделал долгий путь через Центральную Россию⁶. Скучая по дому и оставленным в Петербурге друзьям, Иван Васильевич во время похода вёл дневник, чтобы по возвращении поделиться с ними любопытными сведениями о тех местах, где побывал.

Рукопись написана чётким писарским почерком с заголовками и авторскими рисунками. На листах нет исправлений, помарок, клякс или следов порчи, что даёт основание предположить, что они заполнялись не в походных условиях. Офицер, скорее всего, уже после возвращения с войны отредактировал черновые записи и создал произведение, которое было аккуратно переписано, переплетено и под

названием «Краткие записки похода в Персию. 1827, 1828» передано в библиотеку лейб-гвардии Гренадерского полка⁷.

Несмотря на то что автор был молод (И.В. Романус сообщает, что тогда ему исполнилось 26 лет)⁸, он оказался наблюдательным человеком. Наряду с походами и боевыми столкновениями офицер описывал южную природу и населённые пункты, делал этнокультурные зарисовки грузин, армян и пер-

сов. Кроме того, Иван Васильевич обладал даром художника, и выполненные им рисунки передают этнографические особенности жителей кавказско-персидского приграничья. Это превращает дневник из типичного для начала XIX века сентиментального нарратива⁹ в источник, содержащий ценные историко-культурные сведения.

На театре военных действий Романус застал перелом в ходе

Карта Русско-персидской войны 1826—1828 гг.

Автопортрет И.В. Романуса, ведущего дневник

Грузин и грузинка

Рисунок из рукописи И.В. Романуса

Вид Эчмиадзинского монастыря

Рисунок из рукописи И.В. Романуса

войны, когда российские войска, разгромив армию персидского наследного принца Аббаса-Мирзы, перешли в наступление и действовали уже на территории противника. Иван Васильевич участвовал в осаде Эривани, в сражении при Абасабаде, затем прошёл путь от Эчмиадзина и Нахичевани до Тавриза и Хоя, откуда в марте 1828 года после заключения мира вернулся в Грузию.

На военные события И.В. Романус смотрел глазами непосредственного участника, а потому вместо победного пафоса говорил о тяготах походной жизни. Как и его сослуживцы, которые в лагере «ругали Персию, фаланг и скорпионов»¹⁰, он проклинал дождь и весеннюю распутицу в Грузии, жару и безводье на иранских равнинах, гористую и пересечённую местность на Армянском нагорье. Вместе с тем приведённые в рукописи красочные природные описания для Романуса, как и для других авторов того времени¹¹, являлись приёмом легитимизации присутствия русских войск за Кавказом. В его записках прослеживается чёткая связь между эстетикой и идеологией: красота описываемого ландшафта служила достаточным основанием для включения новых земель в состав империи¹².

Чтобы объяснить присутствие русских войск за Араксом, автор также приводит обширные ремарки о связи этих мест с историей России: «Равнина сия была или колыбелью варварских времен, или служила проходом для вторжения в предел нашего Отечества... Здесь родился Надир, известный тем, что свергнул с престола своего Шаха. Проходили здесь Чингиз Хан, делавший поход в Индию и Россию, Тамерлан, коего сразил Баязет. Но вот и я, друзья, заехал в историю»¹³.

Имперским целям служила и церковная летопись, используя которую, Романус связывал политические притязания России с землями, отражёнными

в библейских сюжетах, — прежде всего с древней Арменией. Нахождение в её церквях артефактов христианской религии — обломков Ноева ковчега, древка «копья, коим прободан был наш Спаситель»¹⁴, мощей Иоанна Крестителя и апостола Петра¹⁵ — являлось для автора достаточным основанием для отторжения Эриванского и Нахичеванского ханств от Персии. Подобная аргументация была широко распространена в общественном сознании европейцев и использовалась многими политиками, военными и путешественниками, в описаниях которых восхищение Востоком часто переходило из «эстетического ориентализма в эстетический империализм»¹⁶.

Особое внимание Иван Васильевич уделил описанию городов и других населённых пунктов, которые он посетил, начиная со столицы Кавказского наместничества — Тифлиса. В его взглядах на окружающую обстановку и местных жителей прослеживается много расхожих штампов. Автор критикует

И.В. Романус

узкие и грязные улицы Старого города, пишет, что в строениях встречаются ядовитые скорпионы и фаланги, укусы которых болезненны¹⁷. Он отмечает, что практически все жители Тифлиса заняты ремеслом и торговлей, а в городе имеется

большое количество лавок. То, что по восточной традиции «лавка как сапожника, портного, красного товара, так и золотых дел мастера — все на открытом воздухе»¹⁸, вызывало удивление у столичного офицера.

Подобно многим русским путешественникам Романус восхищался грузинским вином, которое «очень похоже на французское», но критиковал традицию хранить продукт не в бочках, а в бурдюках — «то есть в шкурах буйволов, быков, козлов и пр., шерстью вовнутрь, обмазанной нефтью, отчего вино принимает запах бурдюка и приезжему привыкать к нему весьма трудно»¹⁹. В целом Тифлис не понравился Ивану Васильевичу, который вскоре покинул город и с отрядом черноморских казаков поспешил на театр военных действий.

Вместе с казаками И.В. Романус испытал тяготы переходов по весенней распутице, спал в импровизированной палатке, собранной из кавалерийских

Курды

Рисунок из рукописи И.В. Романуса

Персидский сарбаз

Рисунок из рукописи И.В. Романуса

пик и буюк, ел кашу с салом и отмечал в своём дневнике, что в полевых условиях его «аппетит лучше петербургского»²⁰. Невдалеке от бывшей русско-персидской границы, на реке Бомбакчай, он догнал свой Тифлисский пехотный полк, был тепло встречен, познакомился со всеми офицерами и обнаружил среди них несколько петербургских земляков. «Прибыв в лагерь, я нашел много людей воспитанных, приехавших сюда, чтобы участвовать в бранной Славе»²¹, — пишет Иван Васильевич в своём дневнике.

Вместе с Тифлисским полком Романус в конце апреля 1827 года вошёл в Эчмиадзинский монастырь, который противник оставил без боя. «Мы входили церемониально с музыкой и встречены настоятелем с бла-

гословением. Мне отведена квартира в келье, где я как чернец в темных четырех стенах, освещаемых слабым светом лампадки»²², — описывал офицер свои впечатления от нахождения в древнем центре религиозной жизни армян. Пользуясь случаем, он внимательно осмотрел Эчмиадзин, который был «обнесен со всех сторон полукаменной стеной, в стенах и на углах коей сделаны башни с вырезанными бойницами. Церковь внутри монастыря сделана из чистого гранита с 3-мя куполами. Она как наружностью, так и внутренностью Готической архитектуры, внутри иконы вкуса восточного, ужасная пестрота в чем соблюдена, однако ж симметрия узоров, подобно турецкой шали. Ужасная темнота, мрачность в

вековых стенах сих освещается люстрами разноцветных стекол»²³. Кратко пересказав историю Эчмиадзина и перечислив хранившиеся в нём священные реликвии, Иван Васильевич отмечает, что русские силы двинулись дальше, устроив в монастыре военный госпиталь, где «больным все приготовлено: хорошая пища, для гуляния — тенистый Патриарший сад, для неги — прохладительные ключи»²⁴.

В составе отряда авангарда под командованием генерала К.Х. Бенкендорфа И.В. Романус принял участие в одном из ключевых событий Русско-персидской войны — осаде Эривани. В своём дневнике офицер подробно описывает однообразные будни осадной жизни: «Я был в цепи стрелков, распо-

Армянка

Рисунок из рукописи И.В. Романуса

Персы

Рисунок из рукописи И.В. Романуса

ложенных в 300 шагах от крепости. Ужасная жара, комары, мухи, дикие крики сарбазов, пронзительный стон ишаков и печальные трубы сменщиков вселяли в душу уныние»²⁵. Однако рутина осадных будней не мешала любознательному молодому человеку интересоваться теми местами, где проходила его служба. Он описывает Араратскую равнину, со всех сторон окружённую горами, даёт краткий экскурс в политическую историю Эриванского ханства, рассказывает о разрушенных персами армянских поселениях в округе.

Особый интерес у автора вызывала сама Эривань. Он сообщает, что её имя «на армянском языке означает “взор”, какое наименование получила она от того, что Ной после потопа увидел сие место первым. Крепость сия выстроена турками в 1582 году

Портрет иранского наследного принца Аббаса Мирзы, командовавшего иранскими войсками
Художник Л. Герр, 1833 г.

при Амурате III и служила несколько раз спором между двумя народами (персами и турками. — **Прим. авт.**). Недолго владел ею и царь Грузии Ираклий»²⁶. Историю попыток захватить эту крепость русскими войсками, начиная с действий князя П.Д. Цицианова в 1804 году, автор завершает пересказом известного в Кавказской армии анекдота о попытке персов дать взятку генералу И.В. Гудовичу, спрятав золото внутри двух больших арбузов²⁷. Иван Васильевич посчитал этот сюжет недостоверным, заявив, что обвинять Гудовича во время предыдущей войны с персами «можно только в том, что он вздумал подражать неподражаемому Суворову»²⁸.

Сама же Эривань представлялась И.В. Романусу обычным средневековым городом: «Все ее дома некрасивые, фигура

Сражение под Елисаветполем 13 сентября 1826 г.
Художник Ф.А. Рубо, 1887 г.

четырехугольника, стены посередине и на углах с башнями и вырезанными бойницами, за первой стеной возвышается вторая, а потом и третья, составляющая ряд саклей, стены разделяются одна от другой ровом шириною в 8 сажень и глубиной 3 саж. С одной стороны подошву стены омывает река Занга, внизу зеленеет Сардарский сад с крытою беседкой и мраморным бассейном. Комендант оной — Гуссейн-Хан, любимец Шаха, заслужил сие храбростью и отвагой, доставившей престол нынешнему Шаху»²⁹.

Рассказ об участии персидского коменданта в интригах, приведших на престол нынешнего шаха — Фетх-Алли, Иван Васильевич сводит к критике политической системы Персии. Согласно его описанию претенденты в борьбе за пре-

стол не гнушались обманом, предательством, захватом заложников и посылкой убийц к своим братьям³⁰. Критикуя противника, Романус цитирует высказывание А.П. Ермолова о том, что в Персии существует лишь «ненасытная власть, никаких предков не признающая, где уничтожают достоинства человека и отвергают познание прав его, где вера излучает заблуждения, дела добрые не имеют возмездия, где нет законов, преграждающих невежество и насилие, где обязанности каждого истолковываются раболепным угождением властителю»³¹. В целом он просто повторял устоявшиеся ориенталистские оценки пороков «Восточной Деспотии»³².

В контексте этого нарратива мысль о том, что Российская империя, ведущая захват персидских провинций, поступает

правильно, не вызывала сомнений. Говоря, например, о предместьях Эривани, захваченных русскими войсками, автор с восхищением описывает мусульманский религиозный центр — медресе, используемый русскими военными под нужды армии: «Теперь в стенах отшельников сих офицеры Императорской российской гвардии; в самой же мечети, где мулла когда-то кричал: “Алла! Алла!” и вместе с мусульманами просил о ниспослании милости Магомета — теперь — школа рекрутская. Кричат: “Раз! Два!”. Какая перемена!»³³.

Автор отмечает, что население Эриванской долины тепло встретило русские войска, жители соседних поселений помогали им, указывая на слабые места в обороне противника и доставляя продовольствие. В свою очередь войска воспри-

Взятие Эриванской крепости русскими войсками. 1827 г.

Художник Ф.А. Рубо, 1893 г.

нимали местных жителей Эриванского ханства не как врагов, а «как своих, покупали с радостью приносимое, платя хорошие деньги»³⁴. Сам же офицер описывает новые для него пищевые продукты юга, объясняя своим петербургским друзьям, что такое айран и шашлык³⁵, а также рассказывая, как армяне пекут чуреки на тандыре³⁶.

Блокада Эривани затянулась, и, проведя инспекцию осадных работ, И.Ф. Паскевич принял решение, оставив здесь 20-ю дивизию, двинуть остальные войска в наступление на Нахичеванское ханство³⁷. Это решение имело прямое отношение к Ивану Васильевичу, не желавшему терпеть скуку осадных работ, а потому попросившему о включении его в состав сил, переброшенных под Нахичевань, с которыми он и прибыл

в этот город после тяжёлого перехода. Офицер подробно описывает Нахичевань, основание которой он связывает с библейской легендой о Ное: «Город сей был первой столицей Великой Армении и был ужасно многолюден, теперь же весь город состоит большей частью из руин, строения, как и все сакли в аулах, стекол нет, бумага заменяет оные, впрочем, местами видны новые, из коих в особенности отличается дворец Шейха Али-Бека. Плафон весь в золоте, ужасная пестрота. Тенистые сады скрывают большей частью сакли и узкие извилистые улицы. Из достопримечательного здесь мечеть, украшенная голубыми изразцами и татарскими подписями»³⁸.

Заняв Нахичевань без боя, русский отряд начал осаду близлежащей персидской кре-

пости Аббасабад³⁹. И.В. Романус описывает сражение, развернувшееся под стенами этой крепости, когда персидский полководец Аббас-Мирза попытался деблокировать город, но был разбит. Зная слабость персов, И.Ф. Паскевич послал русские войска в штыки, и «веселый барабанный бой устрасил трусливых неприятелей, они начали отступать»⁴⁰. Сам же Иван Васильевич участвовал в длительном преследовании персидских сардаров. В своём дневнике офицер пишет, что они едва не захватили в плен самого Аббаса-Мирзу. Тот, сбежав, оставил вместо себя слугу «с двухствольным ружьем, которое от казака куплено Главнокомандующим и отослано в подарок Императору»⁴¹.

Впоследствии, узнав о поражении своей армии, защит-

Вид на Тифлис. 1832 г.
Художник Н.Г. Чернецов

ники осаждённой крепости тоже решили сдаться, «видя победное знамя Аббас-Мирзы, нарочно показываемое им с нашей батареи»⁴². Романус описывает церемонию сдачи крепости, во время которой персидский «гарнизон с музыкой вышел из Абас-Абата (Аббасабада. — Прим авт.) рядами; дойдя до Паскевича, он выстроился, отдал честь и потом опять рядами церемониальным маршем шел мимо его высокопревосходительства. Командир вручил ключи, гарнизон — два значка. Пройдя, положили оружие, и тогда Сводный гвардейский полк с распущенными знаменами показался внутри одного. Немедленно совершен был молебен благодарения Всевышнему, что кончилось пальбою из батарейных орудий»⁴³.

Захваченная крепость Ивану Васильевичу не понравилась. Несмотря на то что фортификационные сооружения были современного вида — «шестиугольник, укрепленный 6-ю бастионами, по образцу европейскому»⁴⁴, внутри находились только «несколько худых саклей с садами и скудный караван-сарай»⁴⁵.

После захвата Аббасабада военные действия были вновь перенесены на юго-восток — под Эривань и Эчмиадзин, где они шли с переменным успехом. Не участвовавший в них Романус ничего не сообщает ни о снятии блокады Эривани, ни о попытках персов вторгнуться в Грузию, ни об аштаракском бое, сорвавшем планы противника⁴⁶. Он находился в это время на другом участке — в лагере под Кара-Бабом, где были сосредоточены войска под командованием генерал-лейтенанта Г.Е. Эристова⁴⁷. Селение «Карабаба, в которой стояли без действия, где каждый день увеличивал число больных»⁴⁸, описано им в дневнике как мрачное место. «Верчусь в палатке со стороны на сторону, сижу в простыне, намоченной

Портрет Ивана
Федоровича Паскевича
Художник Джордж Ду, 1823 г.

холодной водой. Жара удивительная»⁴⁹, — пишет Иван Васильевич, представляя, как в это же время его однополчане в Санкт-Петербурге проводят время, отмечая Яблочный Спас⁵⁰.

С отрядом Тифлисского полка И.В. Романус участвовал в нескольких локальных операциях. Он побывал в Ордубаде (Урдабаде), куда были отправлены русские военные для защиты перешедшего на сторону России населения. Пока солдаты передавали ополченцам оружие и боеприпасы, Иван Васильевич осмотрел город, который после Кара-Баба нашёл очень красивым: «Он разбросан в тенистых садах, на скате горы, посреди коего на непреступной скале гордо стоит 4-угольная крепость с 4-я башнями; внизу по ущелью, разделяющему город, протекает с шумом речка, по берегам коей зеленеют густые деревья. Улицы извилистые, узкие. Караван сарай — темный коридор, манит зрение фруктами»⁵¹.

Военные действия возобновились в начале осени 1827 года, когда Аббас-Мирза пе-

ребросил войска против князя Эристова. Персы перешли Аракс, не зная, что группировка русских войск была значительно усилена подкреплением из Грузии⁵². Последнее событие получило косвенное отражение в дневнике И.В. Романуса, радовавшегося, что «свежие люди» принесли ему письма от родных и знакомых из Санкт-Петербурга⁵³. Столкнувшись с возросшими силами русских, персы поспешно отступили и оставили переправу через Аракс. Форсировав реку, русские войска дошли до селения Чорс. «Местоположение одного картинно: на горе с довольно изрядными саклями, с богатыми садами и с крепостью»⁵⁴, — записал Иван Васильевич в своём дневнике. Он также отметил, что, несмотря на одержанную победу, русский отряд, «не имея провианта», был вынужден повернуть назад и совершить переход в 30 вёрст к Нахичевани. «Дойдя до ночлега в Шак-Тапа я любовался видами: Седой Арарат, Алагез, Илондаль, без нас побелевший хребет Карабахских гор, гордый, извилистый Аракс, вдали огни Нахичевана, бледная луна — вид прелестный, зато чувства физические терпели: устал ужасно, есть нечего, лошади на диете»⁵⁵, — описывает офицер свои впечатления от совершённого рейда.

Пока отряда не было в основном лагере, часть войск под командованием генерала Н.Н. Муравьёва была послана на рекогносцировку. Генерал наткнулся на деморализованного противника, и персы отступили к селению Хой⁵⁶. Доклад Муравьёва о положении дел убедил командующего русской группировкой Г.Е. Эристова вновь перейти через Аракс и начать наступление прямо на столицу Азербиджанской провинции — Тавриз⁵⁷.

И.В. Романус не знал о решении генералитета, но, глядя на события глазами рядового участника, описал переправу

через Аракс и продвижение войск к городу Маранду (совр. Меренд). На своём пути они встретили только одну задержку в проходе через Загросский хребет, где отступавшая армия Аббаса-Мирзы сделала завал из камней и оставила 100 солдат для прикрытия: «Сарбазы сии были оставлены с тем, чтобы при наступлении нашем наносить вред, но трусость персидская взяла верх — они сдались»⁵⁸.

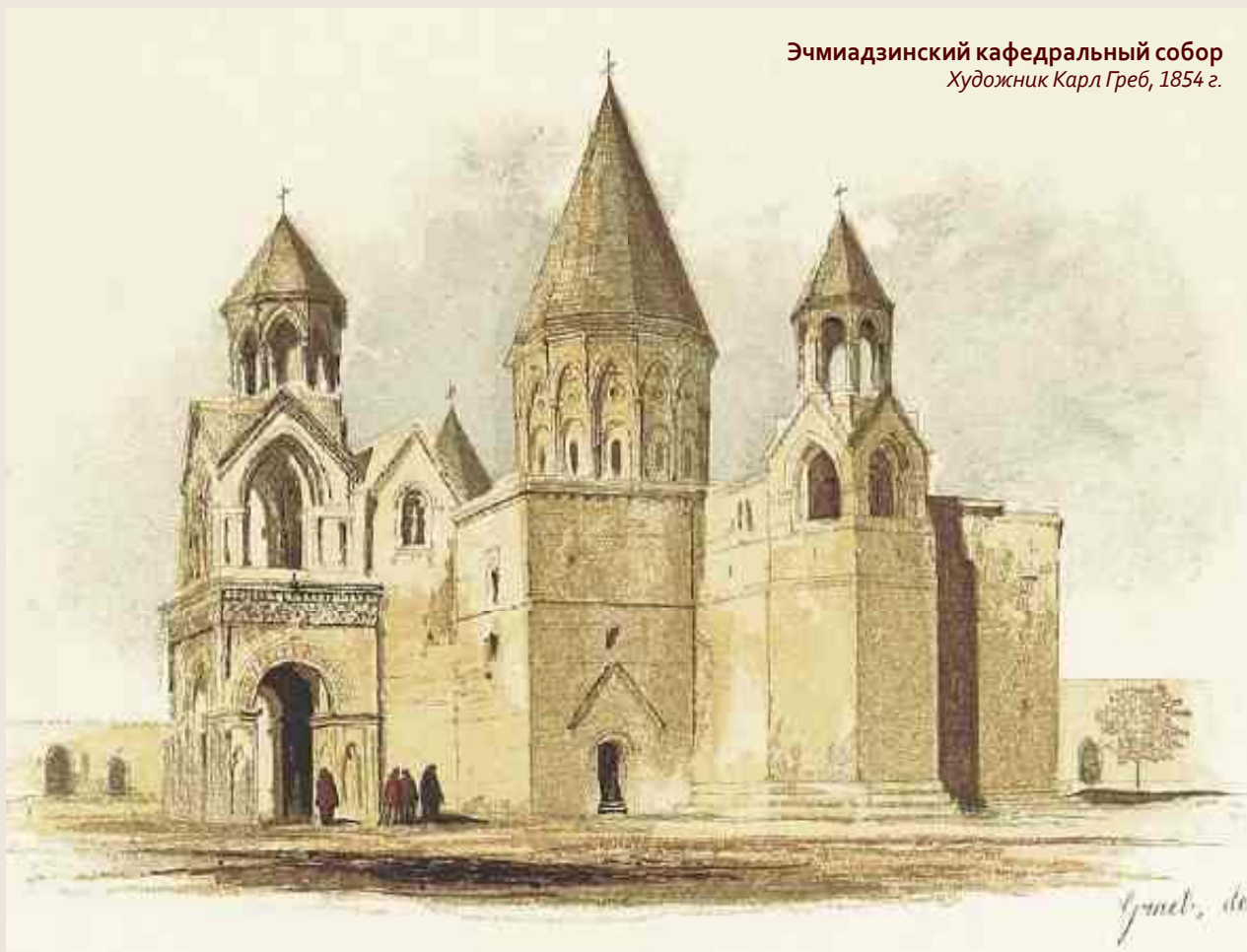
Лежавший в Южном Азербайджане город Маранд персы также защищать не стали. Иван Васильевич так описывает торжественное вступление в него русских войск: «Распустив знамена, натянув барабаны, нижние чины, надев мундиры, пошли дальше. Старшины города — небольшая толпа — выехали навстречу генералу с пешкешем (подарком). Мы шли по довольно широкой улице, покрытой тенью деревьев; жители группами сидели,

нахлобучив папахи, и исподлобья смотрели на нашу церемонию»⁵⁹.

И.В. Романусу понравился этот город: несмотря на то что улицы его по-восточному узки и извилисты, они покрыты тенью деревьев; в городе есть аллеи, а вода из арыков даёт возможность утолить жажду на каждом шагу⁶⁰. Внимание офицера привлекли местный караван-сарай, древняя мечеть и ханский дворец. «Комнаты дворца украшают лепное золото и изрядная живопись, — пишет Иван Васильевич. — Окна из стекол разноцветных, кои при солнце отражают яркие цвета в чистом кристалльном бассейне, лежащем перед домом, окруженном стенами, в которых сделаны навесные бойницы»⁶¹.

Проведя несколько дней в Маранде и отдохнув в лагере, разбитом на городской площади, войска были отправлены в дальнейшее наступление на

Тавриз. И.В. Романус ничего не знал о попытках Аббаса-Мирзы отрезать наступавшую группировку от основных сил Кавказской армии, о падении персидской Эривани, которое полностью деморализовало противника и открыло возможность вести дальнейшее наступление всеми силами⁶². Офицер в своём дневнике описывает лишь то, как, двигаясь по открытой местности, войска подошли к Тавризу, «полагая, что их встретят ядра, но ничего не было. Ко всеобщему удивлению выехали депутаты города с ключами. Спрашивали их, что значила пальба из орудий? Узнали, что Алагир-Хан (персидский комендант. — **Прим. авт.**) хотел защищать город, но народ, не надеясь на защитников и боясь, чтобы Тавриз не превратился в развалины, не принял предложения, рассудив, что лучше принять великодушные неприятеля»⁶³.

Эчмиадзинский кафедральный собор
Художник Карл Греб, 1854 г.

Удивляясь поведению сдавшихся персов, И.В. Романус записал в дневнике: «Кто мог бы думать, что Аббас-Мирза не будет защищать свою столицу, но он бы верно на сие не решился, ежели бы не потерял надежду к своим сарбазам, коих устрасило одно русское “Ура”! Да, храбрость Русских и терпение в трудах навели страх всей Персии — и мы, можно сказать, с горстью народа — т.е. с 6 тыс. и 28 орудиями, прошли до сердца сего государства»⁶⁴.

Офицер описывает торжества, устроенные победителями. Войска, выстроившись в каре отслужили благодарственный молебен, и к ним вышел отрядный командир — генерал Г.Е. Эристов, «коему войско отдало честь, музыка грянула, и “ура!” в знак радости нашей победы неслось по горам. Утро было прекрасным, персияне толпились вокруг каре, стены крепости усеяны любопытными. Молебствие началось в присутствии 4 англичан из миссии их, в шитых красных мундирах; здешних армян и почетнейших граждан города. Литургия кончилась, загревели “Многие лета” и 101 выстрел из батарейных орудий. Церемония кончилась церемониальным маршем. После заката город был иллюминирован, и несколько пущенных фейерверков довершили празднество»⁶⁵.

Оказавшись в Тавризе, Иван Васильевич тщательно осмотрел город, который описал в своём дневнике. Офицер заметил, что он хорошо укреплен, но внутри представляет собой типичный азиатский населённый пункт с кривыми улочками и глиняными домами с плоскими крышами. «Редко увидите вы дом, вышедший на улицу, они все почти скрыты в виноградных, фруктовых тенистых садах за высокими стенами»⁶⁶, — записал автор дневника, отмечая из достопримечательностей лишь ме-

чети, дворцы Аббаса-Мирзы и персидские бани⁶⁷.

Из Тавриза отряд, в котором находился Романус, был переброшен в Западный Азербайджан — в г. Хой, расположенный вблизи озера Урмия. «Окрестности города прелестны: взору представляется пространная долина, окруженная довольно высокими горами, на коей разбросаны многочисленные аулы с садами, а посреди — город, обнесённый двумя стенами с башнями, укрепленный бойницами, бастионами и двумя глубокими рвами. Строения оного довольно изрядны, заметна архитектура старинная, улицы некоторые широки, и посреди протекают каналы, усаженные с обеих сторон тенистыми деревьями. Караван-Сарай, сложенный из кирпича, довольно велик, наполнен теми же товарами, как и в г. Тавризе»⁶⁸, — сказано в дневниковых записях.

В этом городе И.В. Романус провёл несколько месяцев и застал переговоры русского командования с Аббас-Мирзой. Будучи в составе почётного караула, офицер смог рассмотреть наследника персидского шаха: «Наружность его довольно приятна. Большой нос, черные глаза под большими бровями, борода, усы огромные, говорит скоро, и, как говорят, очень добр. Одежда его национальная, которая не отличалась ничем от простого персиянина, богатство заметно было лишь смотря на серую лошадь и на седло, унизанное жемчугом»⁶⁹.

Пока велись переговоры, русские обживались в городе и знакомились с местными жителями. В начале февраля 1828 года в Хой пришло известие о том, что война закончилась победой России, а персы начали выплачивать контрибуцию, привезя «уже 3 хурула золота»⁷⁰. В русском гарнизоне был зачитан приказ генерала И.Ф. Паскевича, написанный в Туркманчае, который Романус на радостях по случаю оконча-

ния войны дословно переписал в свой дневник. В начале марта он как офицер Генерального штаба получил предписание отправиться в Тифлис, куда благополучно прибыл в конце месяца, завершив тем самым своё участие в персидской кампании.

Иван Васильевич не связал свою дальнейшую жизнь с Кавказом. Он участвовал в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг., а затем, пробыв отведённое гвардейским офицерам время стажировки, навсегда покинул этот регион. С 1830 года И.В. Романус был прикомандирован к школе гвардейских подпрапорщиков в Петербурге (будущему Николаевскому кавалерийскому училищу), где в должности дежурного офицера дослужился до чина капитана. Затем, став полковником, командовал различными батальонами военных кантонистов в Центральной России, а с 1841 года перешёл на гражданскую службу. Сначала он служил в Смоленской губернии штаб-офицером 2-го округа Корпуса жандармов, а затем, уже в чине генерал-майора (позднее — генерал-лейтенанта), поочередно исполнял должности вологодского губернатора, военного губернатора г. Ковно, военного губернатора г. Костромы и костромского гражданского губернатора. Состоя в последней должности, он скончался в июне 1861 года⁷¹.

В целом записки И.В. Романуса хорошо сочетаются с официальной историей Русско-персидской войны 1826—1828 гг. на одном из её театров. Сюжеты, рассказанные непосредственным участником событий, не просто иллюстрируют известные по произведениям военных историков эпизоды военных действий, но и отражают повседневный быт русской армии второй четверти XIX века, содержат яркие описания тех мест в Грузии, Армении, Азербайджане и Северной Персии, которые посе-

тил автор. В представленных мемуарах подчёркиваются стойкость и самоотверженность русских воинов, позволившие ограниченному воинскому контингенту не только

разгромить противника в приграничье, но и дойти до центра вражеской территории, заставив Персию заключить мир на выгодных для России условиях.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00152 «Кавказский центр российского военно-разведывательного изучения Востока в XIX — начале XX вв.».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зубов П.П. Персидская война в царствование императора Николая I. СПб.: Тип. К. Вингегера, 1837.

² Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801—1914. Т. 4. М.: Кучково поле, 2017. С. 15—63.

³ Зубов П.П. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 год. Т. 2. СПб.: Типография Конрада Вингегера, 1835; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 3. СПб.: Типолит. Р. Голике, 1887.

⁴ Русский биографический словарь / Под ред. Б.Л. Модзалевского. Т. 17. Петроград: Кадима, 1918. С. 52.

⁵ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 68. Оп. 1. Д. 87. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 5—6.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 64 об.

⁹ Pratt M.L. Imperial eyes: travel writing and transculturation. London; New York: Routledge, 1992. P. 74.

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 87. Л. 47.

¹¹ См, напр.: Spurr D. The Rhetoric of Empire. Colonial Discourse in Journalism, Travel Writing and Imperial Administration. London: Duke University Press, 1993. P. 28.

¹² Pratt M.L. Opp. cit. P. 205.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 87. Л. 34, 34 об.

¹⁴ Там же. Л. 33 об.

¹⁵ Там же. Л. 23 об.

¹⁶ Nash G. From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830—1926. London; New York: I.B. Tauris, 2016. P. 115.

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 87. Л. 18 об.

¹⁸ Там же. Л. 14 об.

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 20.

²¹ Там же. Л. 33.

²² Там же. Л. 21 об.

²³ Там же. Л. 23.

²⁴ Там же. Л. 23 об.

²⁵ Там же. Л. 36 об.

²⁶ Там же. Л. 27 об.

²⁷ Там же. Л. 28.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 28 об.

³⁰ Там же. Л. 29—30.

³¹ Там же. Л. 20 об.—21.

³² Подробнее см.: Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Российский ориентализм: взаимодействие власти и знания на Северном Кавказе в XIX — начале XX в. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2025.

³³ НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 87. Л. 36.

³⁴ Там же. Л. 46 об.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 68.

³⁷ Шишkevич М.И. Персидская война 1826 года. Ермолов и Паскевич // История русской армии и флота / Под ред. А.С. Гришинского, В.П. Никольского. Т. 6. М.: Образование, 1911. С. 65.

³⁸ НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 87. Л. 48 об.—49.

³⁹ Шишkevич М.И. Указ. соч. С. 65.

⁴⁰ НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 87. Л. 53.

⁴¹ Там же. Л. 56.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 57.

⁴⁴ Там же. Л. 57 об.

⁴⁵ Там же. Л. 57.

⁴⁶ Шишkevич М.И. Указ. соч. С. 66—67.

⁴⁷ Там же. С. 66.

⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 87. Л. 67.

⁴⁹ Там же. Л. 63.

⁵⁰ Там же. Л. 64.

⁵¹ Там же. Л. 61 об.

⁵² Шишkevич М.И. Указ. соч. С. 68.

⁵³ НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 87. Л. 66, 66 об.

⁵⁴ Там же. Л. 70.

⁵⁵ Там же. Л. 71.

⁵⁶ Там же. Л. 70 об.

⁵⁷ Шишkevич М.И. Указ. соч. С. 68.

⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 87. Л. 77 об.

⁵⁹ Там же. Л. 79.

⁶⁰ Там же. Л. 80.

⁶¹ Там же. Л. 80 об.

⁶² Шишkevич М.И. Указ. соч. С. 69.

⁶³ НИОР РГБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 87. Л. 86 об.

⁶⁴ Там же. Л. 87.

⁶⁵ Там же. Л. 87, 87 об.

⁶⁶ Там же. Л. 90.

⁶⁷ Там же. Л. 92 об.—93.

⁶⁸ Там же. Л. 112.

⁶⁹ Там же. Л. 99 об.

⁷⁰ Там же. Л. 115 об.

⁷¹ Русский биографический словарь... С. 52, 53.

D.S. Tkachenko

«THE BRAVERY AND PATIENCE OF THE RUSSIANS IN THEIR WORK BROUGHT FEAR TO EVERYONE IN PERSIA...»

A participant's account of the Russo-Persian War of 1826—1828

Information about author. Dmitry Tkachenko — professor of the Department of Russian History at the North Caucasus Federal University, D. Sc. (Hist.), professor (city of Stavropol. E-mail: tkdmsg@rambler.ru).

Summary. This paper analyzes the manuscript of Lieutenant Ivan Vasilyevich Romanus, who served in the Life Guard Grenadier Regiment and participated in the Russo-Persian War of 1826—1828. The manuscript fills gaps in historical literature about this period by detailing military operations that took place after the troops were transferred to enemy territory, as well as providing information about daily life in the units of the Separate Caucasian Corps. The manuscript also contains vivid descriptions of the settlements, fortresses, monasteries and other locations that the author visited in Georgia, Armenia, Azerbaijan and Northern Persia during his travels. From the perspective of an anthropological approach to military history, this study reveals the views of individual Russian officers on the course of the conflict, revealing the origins of fortitude and heroism among Russian soldiers. This enabled a limited military force to not only defeat the enemy on the border, but also penetrate deep into enemy territory, forcing Persia to sign a peace treaty favorable to Russia's interests.

Keywords: Russo-Persian War of 1826—1828; Life Guards Grenadier Regiment; Separate Caucasian Corps; Tiflis Infantry Regiment; Russian-Persian borderland; Erivan and Nakhichevan Khanates; Abbas Mirza; siege of Erivan; Echmiadzin Monastery; everyday life of units of the Russian Imperial Army; anthropological approach to military history; I.V. Romanus; I.F. Paskevich.

СЕНТЯБРЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

2 сентября — День Российской гвардии.

2 сентября 1991 года, 35 лет назад, лётчик А.А. Синицын впервые посадил самолёт вертикального взлёта и посадки Як-141 на палубу тяжёлого авианесущего крейсера «Адмирал Флота Советского Союза Горшков». На Як-141 установлены 12 мировых рекордов.

3 сентября — День воинской славы России. День Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны (1945 г.).

4 сентября — День специалиста по ядерному обеспечению.

8 сентября — День воинской славы России. День Бородинского сражения русской армии под командованием М.И. Кутузова с французской армией (1812 г.).

11 сентября — День воинской славы России. День победы русской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790 г.).

12 сентября 1886 года, 140 лет назад, началось кругосветное плавание корвета «Витязь» под командованием капитана 1 ранга С.О. Макарова.

13 сентября (второе воскресенье сентября) — Международный день памяти жертв фашизма.

13 сентября (второе воскресенье сентября) — День танкиста.

13 сентября 1941 года, 85 лет назад, лётчица Е.И. Зеленко на самолёте Су-2, возвращаясь с задания в районе г. Сумы, вступила в бой с семью немецкими истребителями Вф.109 «Мессершмитт», в ходе которого протаранила один из них, став единственной женщиной в мире, совершившей воздушный таран.

15 сентября 1826 года, 200 лет назад, у села Шамхор (ныне г. Шамхор в Азербайджане) произошло одно из крупных сражений между русскими и персидскими войсками в ходе Русско-персидской войны 1826—1828 гг. (Иран до 1935 года официально назывался Персией). Персидские войска потерпели

А.И. Антонов

поражение, их командующий — наследный принц Аббас-Мирза был вынужден снять осаду крепости Шуши, а 25 сентября в сражении под Елизаветполем персидская армия была полностью разгромлена.

15 сентября 1896 года, 130 лет назад, родился А.И. Антонов, генерал армии (1943), член Ставки ВГК (1945), начальник Генерального штаба Красной армии (1945—1946), первый начальник Штаба Объединённых вооружённых сил стран ОВД (1955—1962). Участвовал в разработке практически всех значимых операций советских войск в Великой Отечественной войне с декабря 1942 года. Участник Ялтинской и Потсдамской кон-

ференций союзников. Кавалер трёх орденов Ленина, четырёх — Красного Знамени, других орденов и медалей. Единственный из всех советских военачальников, награждённых орденом «Победа» в звании генерала армии. Умер 18 июня 1962 года. Похоронен в некрополе у Кремлёвской стены.

15 сентября 1941 года, 85 лет назад, был выпущен первый советский серийный лёгкий танк Т-60 конструкции Н.А. Астрова. В 1942 году был разработан Т-70, а в 1943 году — танк Т-80. Всего было произведено свыше 14 тыс. машин всех модификаций.

15 сентября 1971 года, 55 лет назад, Правительство СССР приняло решение возложить непосредственное руководство гражданской обороной на Министерство обороны СССР.

19 сентября — День оружейника.

21 сентября — День воинской славы России. День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380 г.).

25 сентября 1971 года, 55 лет назад, в г. Бресте был открыт мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой».

Публикация Н.Л. Крыловой